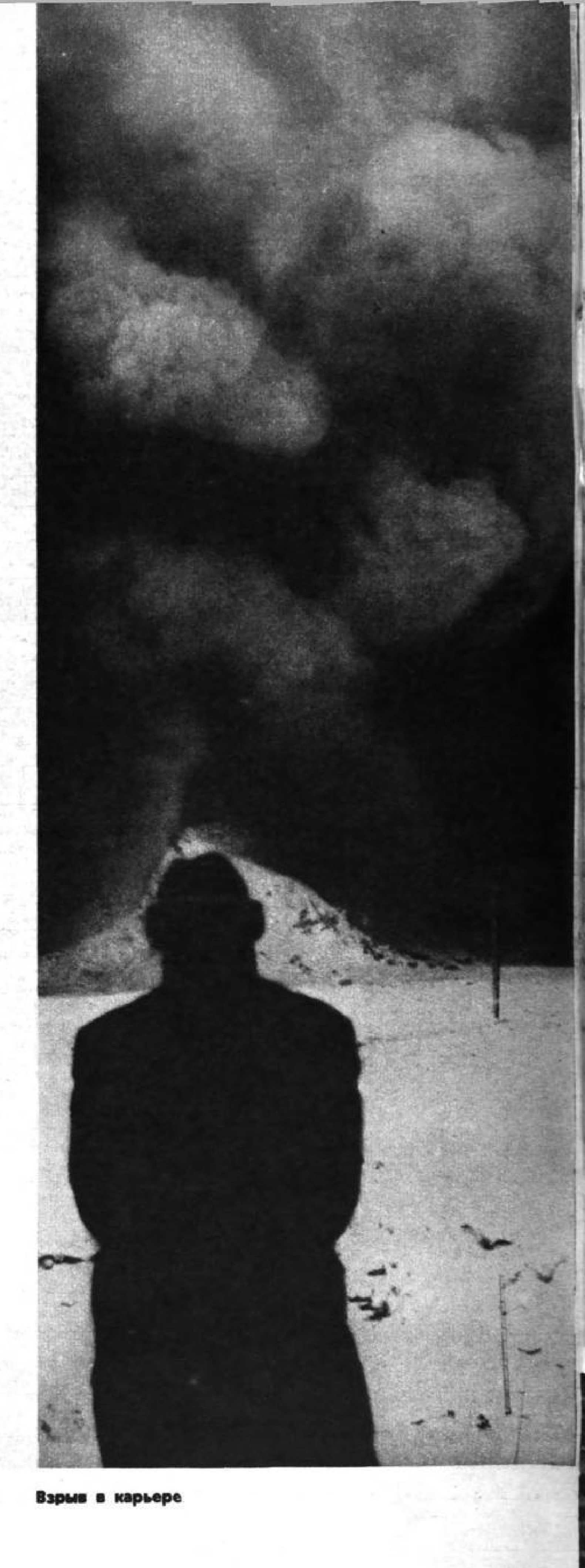

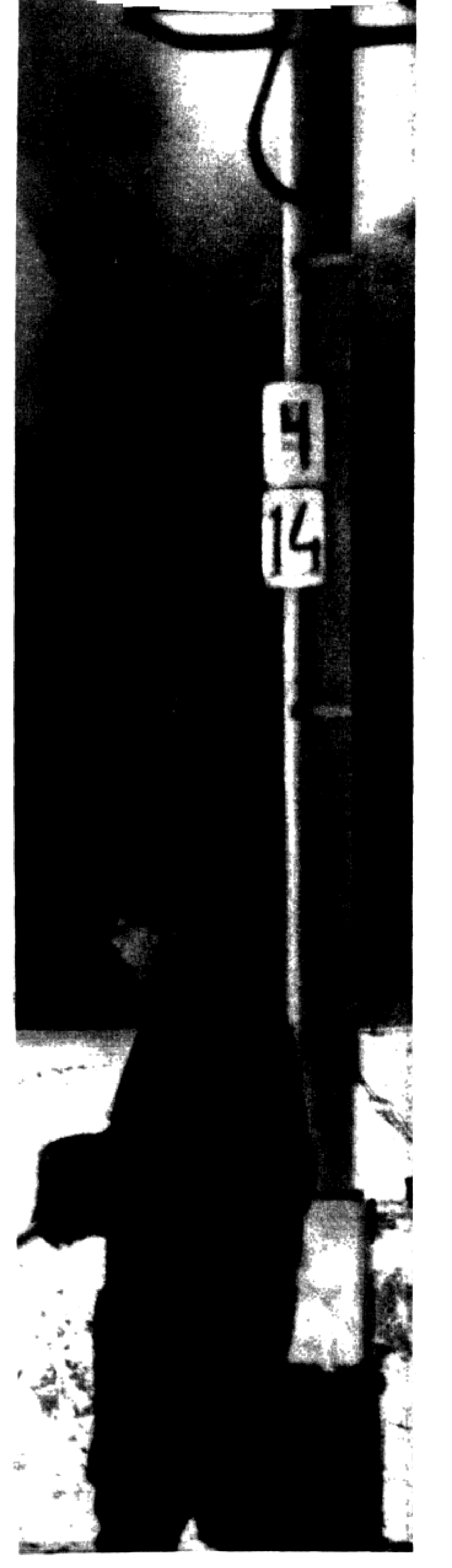
ОГОНЁК
№ 21 МАЙ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Оленеводы вернулись домой.

Взрыв в карьере

ЗЕМЛЯ МУЖЕСТ

Беседа с первым секретарем Мурманского областного комитета КПСС Николаем Леонтьевичем КОНОВАЛОВЫМ

Немало книг написано о Заполярье. Большая Советская Энциклопедия тоже посвятила несколько страниц Мурманской области. Ознакомившись с этими книгами, любой читатель может узнать, что рыбаки этого края дают пятую часть всесоюзного улова, что на хибинских апатитах работает большинство суперфосфатных заводов страны, что на кольской земле выплавляют медь, никель, кобальт и алюминий, разводят оленей, голубых песцов и норок.

Все это уже известно. И все-таки разговор наш начался с Большой Советской Энциклопедии.

— Взгляните на карту,— сказал Николай Леонтьевич,— и посчитайте, сколько на Кольском полуострове городов.

— Одиннадцать.

— Вот видите. А в энциклопедии указано шесть. Там нет ни слова о красивом современном городе Апатиты, выросшем неподалеку от Кировска. В его благоустроенных домах живет около 40 тысяч энергетиков, обогатителей и строителей. Апатиты — крупнейший в мире заполярный научный центр. Здесь расположен Кольский филиал Академии наук СССР, объединяющий шесть институтов. А на северо-западе области в тундре поднялся еще один город — Заполярный. Не было на карте и Оленегорска, а Ковдор и Кола считались рабочими поселками. Новые города появились около новых предприятий. Оленегорск, например, возник рядом с горно-обогатительным комбинатом, поставляющим железный концентрат Череповецкому металлургическому заводу. Примерно так же появился и Ковдор.

Рождаются у нас не только новые заводы и города, но и новые отрасли промышленности. В той же энциклопедии ничего не сказано о железорудной промышленности. А сегодня в Оленегорске и Ковдоре — гигантские горно-обогатительные комбинаты. На комбинате «Североникель» вошел в строй сернокислотный цех, работающий на отходах, или, как у нас говорят, «хвостах», цветной металлургии. К двум комбинатам, «Североникель» и «Печенганикель», прибавился крупнейший в стране гигант цветной металлургии—Ждановский горно-обогатительный комбинат. Фосфор, железо, никель, алюминий, медь, кобальт, титан, множество редких металлов, короче говоря, три четверти элементов таблицы Менделеева обнаружено в недрах кольской земли. И всем этим мы обязаны первопроходцам нашего сурового края — ученым и геологам.

— Но ведь промышленность не может развиваться без надежной энергетической базы. А у вас нет ни Ангары, ни Енисея...

— Действительно, таких рек у нас нет, тут поправок к энциклопедии не будет. И тем не менее в пересчете на душу населения электроэнергии в Мурманской области производится больше, чем в США. Примечателен, так сказать, «ассортимент» наших электростанций. На бурных северных реках работает 12 гидроэлектростанций, вот уже несколько лет действует крупнейшая в области Кировская ГРЭС. Кроме того, строится Кольская атомная электростанция, а на берегу Баренцева моря — первая в Советском Союзе приливная электростанция.

— А как обстоит дело с сельским хозяйством?

— Короткое у нас лето. Именно поэтому сельское хозяйство области имеет животноводческое направление. Здесь, кстати, тоже нужны поправки к энциклопедии. Среднегодовой удой молока составляет теперь не 2 150, а свыше 3 500 литров. Правда, этого нам мало, и очень много сельскохозяйственных продуктов мы ввозим из центральных и южных областей страны.

Ведущее положение в экономике нашей области занимает рыбная промышленность. Около 500 судов ведут промысел рыбы в самых разных районах Мирового океана. Разумеется, работать в океане, вдали от родных берегов, очень трудно. Да и техника нужна особая. Но мурманские рыбаки имеют немало мощных рыболовных судов с рефрижераторными установками, обладающими большой автономностью плавания. Новая техника и новые методы лова позволили резко увеличить добычу рыбы. В прошлом году, например, экипаж производственно-рефрижераторного траулера «Перемышль» добыл 156 тысяч центнеров рыбы и изготовил из нее свыше 10 тысяч тонн различной продукции. Таких показателей еще не добивался ни один траулер за всю историю отечественного рыболовства. А всего за год мурманские рыбаки добыли около 9 миллионов центнеров рыбы.

— Чтобы покончить с поправками к энциклопедии, хотелось бы уточнить, нет ли поправок, касающихся культурного строительства.

— Конечно, есть. Достаточно сказать, что у нас появился телецентр, приемный пункт «Орбита», книжное издательство, построено 30 новых клубов и Домов культуры, работает 15 научно-исследовательских учреждений...

Бурное развитие Кольского полуострова обусловлено огромным вниманием партии и правительства к нашей области. Общеизвестно, какую большую заботу об освоении природных богатств нашего края проявлял В. И. Ленин. В последние годы у нас побывали многие руководители партии и правительства. Они помогли решить многие вопросы, связанные с экономическим и культурным развитием нашего края.

Край наш год от года все увереннэй идет в гору, хотя условия работы у нас таковы, что требуют мужества, стойкости, умения бороться с трудностями: север есть север, он слабых не любит.

Сейчас на Кольском полуострове живет около 800 тысяч человек, и все они, несомненно, являются патриотами своего края. Без этого невозможно было бы построить в голой заполярной тундре фабрики и заводы, города и поселки. Партия и правительство высоко оценили работу тружеников Кольского полуострова: наша область награждена орденом Ленина. 33 человека удостоены звания Героя Социалистического Труда. Это и капитан тралового флота А. Я. Маклаков, и знатный строитель А. Ф. Маковеев, и хирург П. А. Баяндин, и металлург С. И. Костяев, и многие другие...

— Каковы перспективы развития области?

— На Севере темп жизни бурный. За ней не угнаться ни энциклопедиям, ни справочникам. Намечен ряд мер по освоению центральных, пока еще безлюдных, районов области. На карте появятся новые города и поселки, по новым железным и шоссейным дорогам из этих городов пойдут руда, различные металлы и другая продукция. Достаточно сказать, что только выпуск апатитового, нефелинового, железного концентратов, никеля, кобальта, черновой меди и слюды возрастет в ближайшие годы в 1,5—2 раза. Естественно, будут строиться новые жилые дома, школы, больницы, театры, спортивные сооружения — одним словом, все, что необходимо, чтобы хорошо жить и работать... Много лет я живу на Кольском полуострове и знаю, что человек, побывавший у нас однажды, стремится сюда снова. Таким уж магнитным свойством обладает Заполярье. Думаю, что и вы не будете исключением. Так что сохраните блокнот с записями о нашем крае. Придет время, и вы внесете в него новые поправки.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 21 (2134)

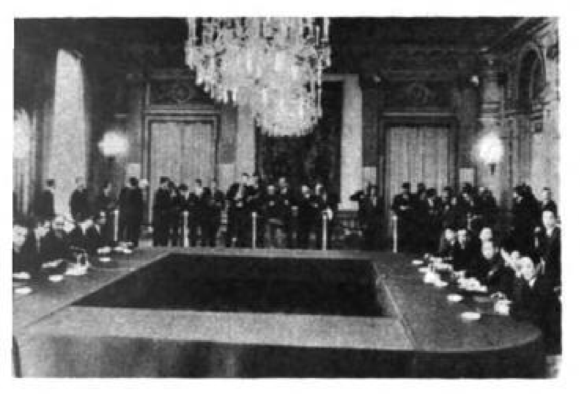
Основан 1 апреля 1923 года

18 МАЯ 1968

ПАРИЖСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ

ЧТО ОТ НИХ ОЖИДАЕТ МИРОВАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

Переговоры комментируют политический обозреватель «Правды» Виктор МАЕВСКИЙ, корреспонденты Московского радио в ДРВ Леонид КРИЧЕВСКИЙ и Николай СОЛНЦЕВ, корреспондент АПН в США Генрих БОРОВИК, корреспондент Московского радио во Франции Лев Королев.

ВСТРЕЧИ НА АВЕНЮ КЛЕБЕР

Париж. 13 мая. Первая официальная беседа представителей ДРВ и США.

На снимке: общий вид зала, в котором происходят переговоры.
Телефото ЮПИ — ТАСС.

Париж, авеню Клебер. Дом международных конференций.

Еще несколько дней назад никто не думал об этом парижском особняке. Сегодня он в центре внимания миллионов людей: здесь начались официальные беседы между делегацией Демократической Республики Вьетнам во главе с секретарем ЦК Партии трудящихся Вьетнама, министром правительства ДРВ Суаном Тхюи и делегацией Соединенных Штатов Америки, которую возглавляет Аверелл Гарриман, посол президента по особым поручениям.

Встречи на авеню Клебер называют по-разному: «мирные переговоры», «официальный разговор», «официальные беседы». Но дело, наверное, не в названии. Дело в существе встреч. А о нем с исчерпывающей ясностью сказал глава вьетнамской делегации Суан Тхюи: «По поручению правительства Демократической Республики Вьетнам мы прибыли в Париж, чтобы принять участие в официальном обсуждении с представителем правительства Соединенных Штатов вопроса о безоговорочном прекращении бомбардировок и всех других военных действий США против Демократической Республики Вьетнам и последующем обсуждении других вопросов, интересующих обе стороны».

Было подчеркнуто, что делегация ДРВ приложит все усилия к тому, чтобы осуществилось желание народов добиться быстрейшего прекращения войны, развязанной Соединенными Штатами во Вьетнаме. Правильной основой для политического решения вьетнамской проблемы, как указывается в заявлении правительства ДРВ от 3 апреля этого года, являются сформулированная в четырех пунктах позиция правительства ДРВ и политическая программа Национального фронта освобождения Южного Вьетнама.

Советская общественность, как и миролюбивая общественность всех стран, приветствует встречи в Париже и выражает надежду, что они приведут к прекращению американской агрессии, к миру на многострадальной вьетнамской земле. Мы поддерживали и поддерживаем правое дело вьетнамского народа, отстаивающего свою свободу и независимость.

Свободолюбивый вьетнамский народ доказал свою храбрость, стойкость и подлинный героизм еще в годы борьбы против колониального гнета. Эта борьба привела в мае 1954 года к переговорам в Женеве, результатом которых были известные Женевские соглашения. Соединенные Штаты не пожалели усилий для подрыва этих соглашений, для вооруженного вмешательства в дела вьетнамского народа. Американским тугодумам понадобилось еще четырнадцать лет, чтобы усвоить некоторые уроки истории и в мае 1968 года наконец прийти к переговорам на авеню Клебер. По словам парижского корреспондента газеты «Вашингтон дейли ньюс», «дипломаты полагают, что это будут чуть ли

Снова идут бои в Сайгоне. «Победоносные» американские войска в осаде. Они просят по рации подкреплений. Но ничто не спасет агрессоров.
Фото ЮПИ.

НО И СЕЙЧАС НЕ МОЛЧАТ СИРЕНЫ...

Привычно грохочет ханойское небо. Но молчат сирены и не иссякает пестрый поток велосипедистов. Открыты люки пустующих бомбоубежищ. Над городом — гроза. По черепичным крышам молотит майский ливень. Летняя гроза до зеркального блеска отмыла мостовые, выполоскала зеленый наряд деревьев у Западного озера.

Небывало мягкое лето пришло в этом году в Ханой. На уличных термометрах ртутный столбик ни разу не перепрыгнул 33-градусную отметку. «Такого не было 40 лет»,— авторитетно заявляют старожилы.

Но неизменен ритм жизни, выверенный веками, рассчитанный на изнуряющую духоту. Город на Красной реке просыпается ровно без четверти пять, когда по ханойскому радио передают утреннюю гимнастику. Покидают свои ночные стоянки сотни велосипедов. Раздаются голоса разносчиков зелени. У цветочного ларька на берегу озера Возвращенного Меча задерживаются первые покупатели. Рядом, на большом щите, меняют цифры, отмечающие число сбитых американских самолетов.

В этот ранний утренний час на ракетных и зенитных позициях, прикрывающих подступы к столице ДРВ, утренняя проверка. Командиры расчетов докладывают в штаб о том, как прошла истекшая ночь: «В районе Ханоя спокойно».

С 31 марта этого года в Ханое не слышно разрывов бомб. Но по-прежнему в городе время от времени раздаются сигналы воздушной тревоги. Это значит: в воздушное пространство столицы пытается вторгнуться американский самолет-разведчик.

Поэтому всевидящие радары днем и ночью ощупывают небо, не прерывается дежурство у ракетных установок, не покидают своих постов зенитчики, с военных аэродромов уходит в небо патруль стремительных «МИГов». Противовоздушная оборона Ханоя всегда начеку.

А в газетах, которые, отправляясь на работу, покупают ханойцы, по-прежнему сообщается о налетах американских пилотов на Виньлинь, Донгхой, Хатинь. 8 мая защитники Хатиня довели счет сбитых над ДРВ американских стервятников до 2 900. К югу от 20-й параллели продолжаются бомбежки. Каждый налет — новые жертвы, новые разрушения. Американские агрессоры продолжают свое черное дело. Но каждый налет — это и груды дымящегося дюраля среди рисовых полей, поднятые вверх руки американского пилота, непреклонная решимость вьетнамского народа продолжать отпор агрессорам.

ПОЛЮСА — ВСЕ ДАЛЬШЕ

Десятки тысяч человек на огромной поляне Центрального парка в Нью-Йорке стоят, тесно прижавшись друг к дружке. В нескольких десятках метров от переднего ряда сидящих людей — трибуны с микрофонами и помост. Оттуда говорят ораторы.

Это недавний митинг ньюйоркцев против войны во Вьетнаме.

Два года назад здесь, в Центральном парке Манхэттена, также собирались люди на митинг против войны во Вьетнаме.

Что же изменилось в них за два года?

Ну, во-первых, их стало гораздо больше. Два года назад полиция насчитала 22 тысячи участников антивоенной демонстрации на Пятой авеню. В этом году корреспондент «Нью-Йорк Таймс», снабженный специальным счетчиком, «оценил» демонстрантов в 87 тысяч человек. Значит ли это, что число противников войны по всей стране возросло в четыре раза? Нет, думаю, что в гораздо большей степени.

Но дело не только в количестве. Тогда в настроении этих людей преобладало чувство жертвенности, трагический мотив. Теперь, мне кажется, к ним пришло ощущение силы. Нет, это вовсе не из-за того, что выступать против войны стало менее опасно. Нет. Предстоящий суд над доктором Споком и его друзьями, тюрьма и каторга Дэвиду Митчеллу, Деннису Мора и многим другим борцам против позора Америки свидетельствуют об обратном.

Ощущение силы пришло не потому, что власти стали мягче. Злоба и сила сторонников войны не уменьшились. Ощущение силы пришло потому, что достигнута, пожалуй, главная цель — разбужена и стала материальной силой совесть Америки.

Конечно, совесть Америки разбужена и расшевелилась прежде всего патриотами Вьетнама, их мужеством, их поразительной стойкостью (чего греха таить, не думаю я, что совесть массового американца заговорила бы столь громко, как сейчас, если бы Пентагон смог добиться во Вьетнаме блиц-победы). Но те, кто стоял на Таймссквере с плакатами «Прекратите позорную войну!»,— сделали большое дело для духа американского народа.

Теперь, после просчета США во Вьетнаме, их вмешательство в дело мира может иметь одну из двух форм: либо угрожать мировой атомной войной, либо предпринимать молниеносные полицейские операции, как это было с интервенцией в Доминиканскую Республику. «С нынешнего времени,— пишет «Нью-Йорк Таймс мэгезин» в канун парижских переговоров,— не отказываясь от роли полицейского, мы должны трижды подумать, почему связываем себя с вмешательством в иностранные дела».

Почти одновременно с публикацией этой статьи под названием «Америка не может подать в отставку с поста мирового полицейского» президент Джонсон высказал такую же идею в более удобоваримой для публики форме. Он сказал, что Соединенные Штаты Америки и в дальнейшем будут «защищать свободу той части земного шара, где она под угрозой».

Конечно, статья в одном из ведущих журналов США и слова президента не только для успокоения разноголосых марионеточных режимов. Мировой бульдог не собирается удаляться в свою будку, несмотря на то, что его основательно потрепали в драке.

Так обрисовываются крайние полюса Америки: митинг в Центральном парке и Белый дом — в день, когда идут парижские переговоры.

Между ними, конечно, не пустота. Между двумя полюсами — обилие мнений, условий и взаимосвязывающих проблем.

Но два полюса отдаляются друг от друга все дальше и дальше.

Генрих БОРОВИК

Нью-Йорк.
По телефону.

ПАРИЖ: НАДЕЖДА И НАСТОРОЖЕННОСТЬ

Для двух тысяч журналистов, съехавшихся в Париж, чтобы освещать работу официальных встреч представителей ДРВ и США, наступили горячие дни.

Официальные встречи проходят в шестиэтажном здании на улице Клебер. Этот дворец — до войны резиденция военного министерства Франции — в 1946 году был передан в распоряжение ЮНЕСКО. Сейчас в нем находится парижский Дом международных конференций. До начала работы первого заседания вместе с небольшой группой французских и иностранных журналистов я заглянул в святая святых переговоров — Большой салон. Затем всех нас попросили удалиться из салона и из самого здания Дома, который теперь закрыт для журналистов.

Первые дни парижской встречи северовьетнамских и американских представителей — я имею в виду как предварительную работу экспертов, так и официальную

не беспрецедентные переговоры в истории Америки. В большинстве других конфликтов Соединенным Штатам удавалось добиться своих целей на поле боя, прежде чем направиться к столу переговоров».

Ничего не поделаешь: времена изменились, изменилось соотношение сил в мире. Военная «победа» во Вьетнаме оказалась призраком, мифом, и в Вашингтоне не могут сказать, что американских лидеров не предупреждали об этом давным-давно.

Американцев считают реалистами. Но даже в Нью-Йорке не знают, руководствуются ли сейчас американские лидеры реалистическим компасом. «Мирные переговоры по Вьетнаму,— пишет в передовой статье «Нью-Йорк Таймс»,— как будто должны означать начало конца самой спорной для Америки иностранной войны». Видите, «как будто». Газета не уверена. И причины этого нетрудно понять.

В самый канун первых контактов в Париже член палаты представителей США Мендель Риверс призвал усилить бомбардировки Северного Вьетнама, хотя это делается и без его призывов. По американским данным, в апреле этого года авиация США совершила 3 324 налета на Северный Вьетнам в районе южнее 20-й параллели по сравнению с 2 654 налетами в марте на всю территорию Северного Вьетнама. Так на практике выглядит «сокращение бомбардировок», о котором твердит президент США.

Сенатор Джон Стеннис заявил, что он и его сторонники — «ястребы» «не потерпят продолжительных мирных переговоров». Вновь нарастает шумиха по поводу так называемого «проникновения» с Севера. «Уолл-стрит джорнэл» полагает, что «американские стратеги кричат сейчас о проникновении красных во Вьетнаме главным образом в интересах торга». Но другие газеты сообщают, что Пентагон готовится «быстро решить кое-что». Это наводит на мысль о том, что в Вашингтоне не отказались от новых авантюр.

В этой обстановке огромная ответственность ложится на всех, кто действительно заинтересован в прекращении американской агрессии во Вьетнаме, в установлении мира на Индокитайском полуострове, предоставлении вьетнамскому народу его законного права решать свою судьбу самому, без вмешательства извне. «Вьетнам — вьетнамцам» — этот призыв звучит сегодня с особой силой, поднимая общественность на борьбу против попыток милитаристских кругов помешать мирному урегулированию вьетнамской проблемы, в поддержку правого дела героического народа Вьетнама, которое непременно восторжествует.

Виктор МАЕВСКИЙ

«Американские агрессоры должны полностью и безоговорочно прекратить бомбежки и все другие военные акты против ДРВ» — таково справедливое требование всего вьетнамского народа.

В столице ДРВ установлен большой схематический план Сайгона. Здесь всегда многолюдно. Среди тех, кто задержался у щита, есть и уроженцы Сайгона. У некоторых там остались родные. Что с ними? Живы ли? Письма оттуда не приходят. На плане отмечены очаги боев сайгонских патриотов с американскими интервентами и марионетками. Пристально всматриваются ханойцы в переплетения сайгонских улиц. Сейчас там сражаются их соотечественники. Над кварталами Сайгона стелется дым пожарищ. Американские вертолеты по-бандитски обстреливают город. «Б-52» сбрасывают сотни тонн бомб на пригороды южновьетнамской столицы.

В эти дни, когда в Париже происходит встреча представителей ДРВ и США, американская военщина не унимается. Разумеется, лишь стойкое сопротивление вьетнамского народа, мощные победные удары, нанесенные им по врагу, заставили США сесть за стол переговоров. Но вопреки решительным требованиям прогрессивной мировой общественности США продолжают агрессивные действия против Вьетнама.

Правительство ДРВ твердо и последовательно ведет борьбу за справедливое урегулирование вьетнамской проблемы. Позиция ДРВ полностью отвечает коренным интересам вьетнамского народа, делу мира во всем мире.

«Наш народ горячо любит мир,— говорит президент ДРВ товарищ Хо Ши Мин.— Но без независимости и свободы не может быть подлинного мира. Пусть американские империалисты положат конец своей агрессии во Вьетнаме, выведут свои войска, предоставив нашему народу право самому решать свою судьбу, и мир восстановится немедленно».

Леонид КРИЧЕВСКИЙ,
Николай СОЛНЦЕВ
Ханой, по телефону.

встречу двух делегаций в полном составе—вызвали, с одной стороны, надежду, а с другой стороны — настороженность. Надежду—поскольку делегация Демократической Республики Вьетнам проявила добрую волю и серьезные намерения сделать все для мирного урегулирования вьетнамской проблемы. Настороженность — так как американская сторона отнюдь не продемонстрировала такого же стремления. В этом, в частности, можно было убедиться, прочтя объемистое заявление представителя США А. Гарримана, которое журналистам раздала пресс-служба посольства США после первой официальной встречи. В нем не было никаких новых моментов, лишь повторение уже известных, старых положений. В Центре прессы, находящемся на улице Сегюр, говорят о том, что в составе делегации США имеются представители так называемых «ястребов», лидеры, которые не перестают призывать к усилению военной эскалации во Вьетнаме. Этим господам пора бы понять, что попытки решить вьетнамский вопрос на путях расширения агрессии могут привести лишь к новым провалам ее подстрекателей. Как подчеркивают в кругах делегации ДРВ, от Вашингтона сейчас целиком и полностью зависит, станет ли парижская встреча этапом на пути мирного разрешения вьетнамской проблемы.

Парижские газеты в эти дни отводят целые страницы под рассказ о ходе официальных встреч представителей двух стран, публикуют многочисленные фотографии делегатов Демократической Республики Вьетнам, которых тепло приветствуют парижане. Перед Домом международных конференций, у отеля «Лютеция», где остановилась делегация ДРВ, на парижских улицах я был свидетелем горячего приема, который оказывают французы представителям Демократической Республики Вьетнам. Это проявление симпатии парижан не случайно.

Во время своей последней поездки по Франции мне пришлось присутствовать на многих митингах и манифестациях, которые французские сторонники мира проводили и проводят по всей стране. 150 крупнейших городов Франции стали ареной проведения этих демонстраций солидарности с патриотами Вьетнама. Две тысячи комитетов помощи героическому народу, отстаивающему свою свободу и независимость против американских империалистов, работают сейчас во Франции. Число французов, требующих прекращения агрессии США во Вьетнаме, растет с каждым днем. Широкие круги французской общественности поддерживают новую мирную инициативу Ханоя, открывшую путь к парижским встречам и создавшую благоприятные условия для поисков путей мирного урегулирования вьетнамской проблемы.

Лев КОРОЛЕВ
Париж, по телефону.

МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ВАСИЛИЙ ДАНИЛОВИЧ СОКОЛОВСКИЙ

10 мая 1968 года скончался выдающийся военный деятель, кандидат в члены ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза Василий Данилович Соколовский.

Всю свою сознательную жизнь он посвятил служению Советской Родине, укреплению ее оборонного могущества. Свыше 50 лет находился он в боевом строю, пройдя путь от курсанта до Маршала Советского Союза.

13 мая Москва проводила в последний путь выдающегося военного деятеля, кандидата в члены ЦК КПСС, депутата Верховного Совета СССР, Героя Советского Союза, Маршала Советского Союза Василия Даниловича Соколовского.

...Красная площадь. На трибунах — представители трудящихся и общественности Москвы, партийные и советские работники, ученые и деятели культуры, воины армии и флота.

На центральную трибуну Мавзолея поднялись товарищи Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, П. Н. Демичев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, Ф. Д. Кулаков, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, заместители Председателя Совета Министров СССР, военачальники, члены комиссии по организации похорон.

По поручению Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства траурный митинг, посвященный памяти Маршала Советского Союза В. Д. Соколовского, открыл председатель комиссии по организации похорон, заместитель министра обороны СССР Маршал Советского Союза Н. И. Крылов.

На траурном митинге выступили заместитель министра обороны СССР генерал армии И. Г. Павловский, секретарь МГК КПСС В. Я. Павлов, генерал армии П. И. Батов.

...Траурный митинг объявляется закрытым. Затем урну с прахом В. Д. Соколовского перенесли к Кремлевской стене. Под раскаты артиллерийского салюта урна была установлена в нише.

Орудийные залпы слились с мелодией Государственного гимна Советского Союза.

Торжественным маршем прошли воинские подразделения. Представители Вооруженных Сил СССР отдали последние воинские почести Маршалу Советского Союза В. Д. Соколовскому.

Краснознаменный зал Центрального Дома Советской Армии. У гроба В. Д. Соколовского в почетном карауле (слева направо): товарищи М. А. Суслов, А. Н. Косыгин, Л. И. Брежнев, Н. В. Подгорный, Г. И. Воронов, А. Н. Шелепин, Д. С. Полянский, К. Т. Мазуров.

Фото А. Устинова.

Цель вижу.

В СРЕДИЗЕМНОМ

К бою готовы.

Г. МАКАРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Эти заметки и фотографии сделаны на гвардейском большом противолодочном корабле «Сообразительный» и СКР (Сторожевом корабле) в водах Черного моря, Босфора, Мраморного моря, Дарданеллах, Эгейском и Средиземном морях.

«...Наши корабли ходят во всех морях мирового океана. Благодаря их присутствию агрессоры и их покровители уже не чувствуют себя хозяевами в восточной части Средиземного моря».
(Из беседы политработника с моряками «Сообразительного».)

МОРЕ

Сегодня день рождения командиров боевых частей старшего лейтенанта Олега Бузенкова и капитан-лейтенанта Виталия Самарова. Кок Багиров изобретает на камбузе торты. Заместитель командира СКР в тесной своей каютке рисует и пишет самыми красивыми буквами поздравительный плакат. Сюда забегают матросы. Тоже что-то готовят.

А вчера было так. Швартовы, кабели, шланги — вся эта пуповина, соединяющая корабль с землей,— все отрезано. Выходим в море. В нейтральные воды Средиземного моря...

В начале ночи широкие стальные лапы якоря шарят, шарят по дну и никак не найдут зацепку в глубине. Только через час-другой встали наконец.

Раннее утро...

— Боевая тревога. Корабль к бою и походу экстренно готовить!

Звено за звеном ложится якорь-цепь на свое место. Осталось сто двадцать, сто, восемьдесят метров. Стоп! Замирает и дрожит барабан шпиля. Не идет якорь! Гудящей струной напрягается цепь. Чуть перегни теперь ее или перетяни, и одно из стальных звеньев толщиной в руку обязательно взорвется. Да, именно не лопнет, а взорвется. Скрытые силы перенапряжений взрывом разнесут упрямую сталь. Берегись, все живое вокруг!

Свободный ход. Маневр машины. Голос командира сметает лишних с бака. Только двое остаются у рукояток управления шпиля; их охра-

Над нами «Нептун».

няет козырек волноотражателя. А над самой цепью у Клюза еще двое. Двое усатых и старших — старший боцман Максименко и старший помощник Протопопов. Точь-в-точь саперы над миной, готовой взорваться. Увы, объектив аппарата не фиксирует ничего героического. Идет обычная работа. Выскакивает из люка и снова ныряет в его глотку командир «БЧ-5». Включаются параллельно два шпиля. Снова рывок. Поворот.

— Трави!

— Выбирай!

Вздохи и другие выражения эмоций не предусмотрены наставлением. И все же, когда якорь становится вертикально, а стальные звенья начинают ритмично клацать по барабану, вздох пролетает над кораблем.

— Прибавить обороты! Полный ход!

Мы люди военные. В море, в открытом море все, что в поле зрения сигнальщиков, локаторов, гидроакустиков, все, любое судно — цель. Боевые посты фиксируют обстановку в воздухе, на воде и под водой.

«Цель справа — тридцать, дистанция — тридцать два» — подобные доклады постоянно звучат на ходовом мостике. Но вот спустя несколько минут после очередного такого доклада флаг с серпом и молотом и красной звездой резко ныряет вниз — справа по борту проходит наш корабль. Ребята, вышедшие на ют перекурить, приветственно машут руками. На «цели» взаимный салют и лес поднятых рук.

Море Мраморное, море Эгейское. Рассказывают, что здесь можно поймать акулу, на палубу может залететь вдруг летучая рыбка. Нет, ничего этого мы не увидели. Ветры и ветры. Отовсюду золовы ветры. Холодно. Да, представьте, холодно. Как и положено, вздымаются горы воды. Но ветер срывает их острые вершины и жемчужной пылью рассыпает по горбатой шкуре моря. Вот вся экзотика.

Голос громкой связи во все отсеки корабля: «Боцманской команде вооружить штормовые леера, движение по верхней палубе категорически запрещено. Внимание: на верхнюю палубу не выходить, особенно это касается прикомандированных. В такую погоду спасать смытого за борт невозможно!»

...Самолеты летят, поезда идут, телеги едут. А в море все идет. Штурман Женя Попов увидел над кораблем маленькую желтую птичку ростом с трясогузку.

— Где? Где?

Всем интересно.

— Вот она идет, прямо по носу,— дает Женя пеленг птички.

Нас сопровождают не только чайки. Однажды где-то в середине не то Эгейского, не то Средиземного появился над нами очень сухопутный представитель пернатых — красавец, похожий на сокола. Устал и доверчиво присел среди людей и антенн.

Особым же вниманием наши корабли жалуют птицы совсем другого сорта. «Трэккеры» с длинной антенной в том примерно месте, где у осы жало, то и дело проходят на самой малой высоте вдоль бортов, пересекают курс кораблей. «Трэккеров» сменяют более стройные «Нептуны». Дистанция между нами, можно сказать, нулевая. Легко читаются бортовые номера и другие надписи на американских машинах. Отлично видно изображение пикового туза на верхушке стабилизатора.

Язык военных отличает максимальная лаконичность и точность. Во избежание ошибки рулевой на запрос командира не скажет: «На румбе двести пятьдесят четыре градуса» или «На румбе двести пятьдесят четыре». Нет, он четко доложит: «На румбе — двести полсотни четыре». Это понятно: за шумом ветра, моря и механизмов легко можно спутать пятьдесят и шестьдесят. В сложной обстановке стрельбы, маневра, поиска такая ошибка может вызвать нежелательные последствия...

Но вот уполномоченный по подписке собирает деньги за газеты и журналы: «С тебя три рубля, полсотни две копейки».

...Профессионализм!

Не секрет, что поход военных кораблей не туристская прогулка. Моряки отдыхают ничуть не больше, чем определено уставами и

Гвардии старший матрос Валерий Головырских, старший радиомеханик.

Птица — «зайцем».

наставлениями, даже меньше. Сложная обстановка и несложная, наличие целей и их отсутствие — все используется для решения учебно-боевых задач. Однако в темноте ночи гаснут наконец красные, зеленые, белые вспышки сигнальных прожекторов, и вместо слов боевых команд по радио слышится:

— Тринадцатый, тринадцатый. Я восьмой. Прошу выяснить, как насчет почты. Восьмой, прием!

• • •

...Вероятно, очень эффектно можно было бы рассказать о внезапном появлении у наших бортов этого шустрого кораблика. Но внезапности не было. Мы знали, что встреча состоится, а он с нетерпением ждал ее.

Итак, черный катер дал полный ход и, зарывшись в бурун, быстро сравнялся с нами. Серый брезент, словно маска или паранджа, закрыл внутренность рубки. В небольшую щель, оставленную между крышей и брезентом, выдвинулись рачьи глаза телеобъективов и уставились в нашу сторону. Внимательно ощупав все наши заклепки, антенны, все, что на борту и над ним, катер сбавил ход, и сцена из неважного американского детектива повторилась у второго нашего корабля. Чтобы как-то отплатить за внимание, мы тоже сфотографировали черный катерок.

Была встреча и совсем иного рода. Мы встретились с «Сообразительным» в одной из точек Средиземного моря после длительного плавания. Устала команда, досталось и кораблю — лазурные воды не всегда ласково обнимали его стройный, как у яхты, корпус. И качало, и бросало, и взлетало море до самого ходового поста, а вот первое впечатление такое, будто корабль только что изготовлен к параду. Не называйся он «Сообразительный», его смело можно было бы сравнить с невестой. Ни одной царапины на светлых бортах, сияет надраенная «медяшка». Безукоризненная чистота на палубах и в боевых постах. Матросы и старшины в чистейших и точно сейчас отглаженных робах. Только опытный наблюдатель отметит, так сказать, вторичный результат длительного плавания: на корабле появилось много усатых, и возглавляет их когорту, несомненно, командир Анатолий Минович.

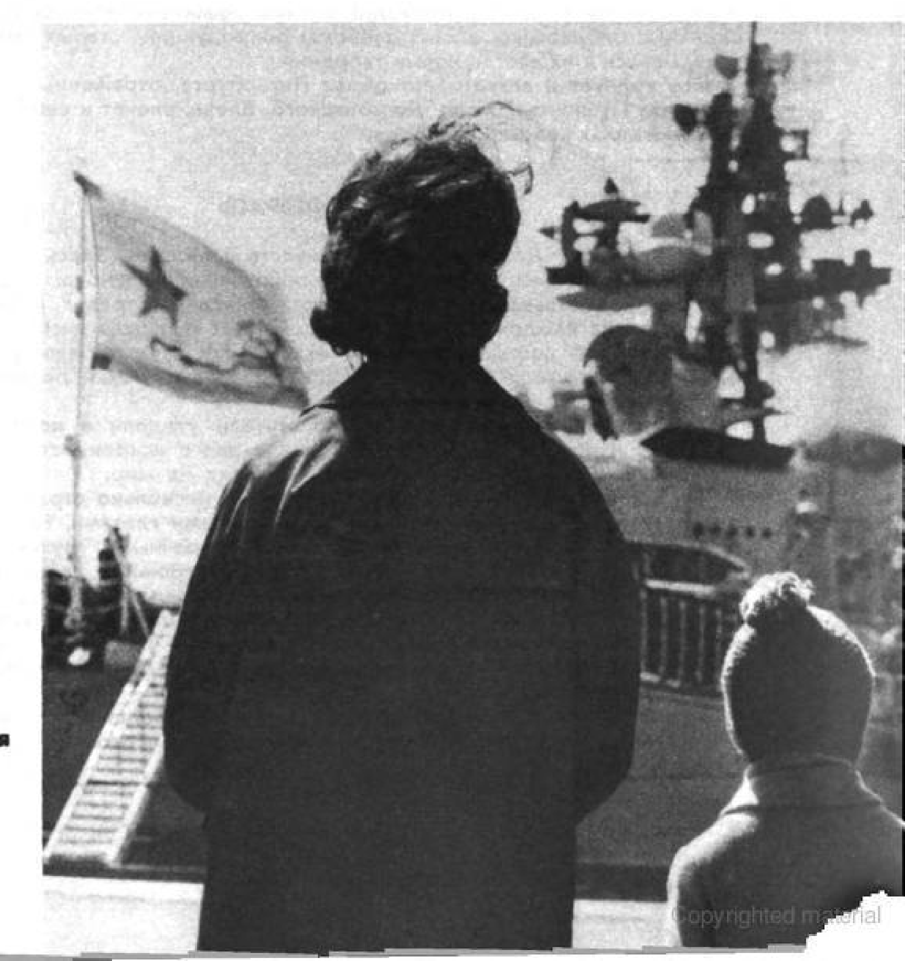
...Когда наконец человек привыкает немного к качке, он, выйдя однажды вечером наверх, ну хотя бы на сигнальный мостик, удивится луне, шныряющей по небу туда и сюда. Теперь он услышит не просто шум ветра,— эолова арфа антенн всех локаторов донесет до него могучий аккорд песни о мужественных и верных...

Именинный пирог.

Черный катер.

Черноморская Пенелопа.

Федор ШАХМАГОНОВ

В пути

БЛОКАДА

Ленинград, зима 1942 года... Старый дом на Петроградской стороне, где провел детство Илья Глазунов. Холод неодолим. Даже днем никто не снимает зимних пальто. Темно. Окна занавешены одеялами. Горит коптилка. Тихо. Мерно тикает метроном — это значит, по радио объявлена тревога.

В феврале у Ильи умирают отец, родные. Мальчик остается в квартире один с умирающей матерью. В пустых комнатах не убраны мертвые. Хоронить некому...

По льду Ладожского озера на санитарной машине Илья был вывезен на Большую землю. Потом месяц лечения в военном госпитале и глухая новгородская деревня Гребло, затерянная среди дремучих северных лесов.

Здесь, в скрипучем деревянном доме, стоявшем на самом высоком месте деревни и потому видимом далеко с озера Великого, в крестьянской семье осиротевший мальчик прожил два года. Работал в колхозе. Простота быта, протяжные северные песни, частушки, резные наличники, расписные прялки, самобытность сохранившегося уклада крестьянской жизни глубоко запали в восприимчивую душу подростка. Запомнился далекий заснеженный путь в сельскую школу, которая находилась за несколько километров от деревни, часы работы на полях, где он с другими школьниками полол лен, копал картошку, пас скот.

В 1944 году Илья Глазунов возвращается в Ленинград и поступает в среднюю художественную школу при Академии художеств.

В городе тихо, малолюдно. Разбитые дома, груды неубранного кирпича. Золотой купол Исаакиевского собора еще скрыт защитной краской. На стенах зданий надписи: «Граждане, при артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна».

В работах Глазунова, связанных с темой города, в легших на полотно сумеречном свете ночных улиц, прорывах холодного взметенного неба, лицах одиноких прохожих притаилось горе, напоминающее о войне и блокаде...

Академия. Часто после долгого дня упорной работы над натурой он, как и все студенты, приходит в залы Эрмитажа. Часами просиживает он в библиотеке, листая альбомы репродукций старых мастеров, вглядываясь в их всегда новые творения.

Его волнует и захватывает образ Петербурга, отраженный в произведениях Пушкина, Гоголя, Достоевского, Блока, влечет к себе грустная поэзия старых кварталов города.

ДОБРЫЙ ФЕВРАЛЬ

Центральный Дом работников искусств в Москве. Здесь в феврале 1957 года открылась первая выставка работ Ильи Глазунова.

Первая выставка. Сколько надежд, ожиданий, тревог и волнений приносит она каждому молодому художнику! И первая экспозиция работ Глазунова доставляет автору всю гамму этих переживаний. Неожиданно скромная выставка в ЦДРИ вызвала широкий резонанс.

Почему?

Может быть, потому, что ее посетители увидели в композициях, пейзажах и портретах художника прежде всего искренность, взволнованность и присущий ему поэтический взгляд на мир.

Не все было привычно, приемлемо в его несколько странных портретах, глядящих на мир огромными печальными глазами. Не все принимали урбанистические мотивы Глазунова с мрачными, глухими брандмауэрами, с темными проходными дворами огромных серых домов...

Петербург Достоевского — осеннее ненастье, рябые от ветра каналы, голубые сумерки, белые ночи, а главное — люди с их тревогами, мукой, страстями — вот лейтмотив произведений Глазунова той поры. Художник неоднократно возвращается к образу Достоевского, своего любимого писателя.

В экспозиции музея Достоевского в Москве представлены композиции «Князь Мышкин», «Настасья Филипповна», «Рогожин», «Неточка Незванова».

Выставка молодого ленинградца Глазунова вызвала немало споров, критических замечаний.

Критики были во многом правы. Надо было еще работать над рисунком, формой, цветом. Одно нельзя было отнять у художника — экспрессию, искренность, трудолюбие.

ВЕЧНАЯ ЮНОСТЬ РУСИ

После окончания академии молодой художник переезжает в Москву.

Столица раскрыла перед ним огромный мир: Древняя Русь — Кремль, соборы — и совсем рядом современные дома из бетона и стали, а в двух шагах — арбатские переулки с особняками грибоедовской поры...

Открытие мира древней Москвы еще раз возвратило живописца к воспоминаниям детства, к новгородской старине и заставило еще острее почувствовать свою сопричастность с этой вечной красотой.

Загорск, Владимир, Суздаль, Ростов Великий, Ярославль, Вологда, Смоленск, Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри — вот пути странствий художника в эти годы. Он рисует, пишет, изучает историю Руси. Он восторгается дивными иконами, фресками, неповторимой свежестью народного искусства.

Серьезным шагом в жизни художника была работа над шеститомным изданием произведений Мельникова-Печерского. Глубокое изучение старого русского быта нашло в этой серии яркое отражение. Среди 48 иллюстраций есть листы, которые по своему проникновению в писательскую ткань, по воссозданию народных образов заставляют нас говорить о почерке Глазунова, о его манере.

Через семь лет после первой выставки в ЦДРИ открылась экспозиция живописи и графики Глазунова в одном из помещений Манежа.

И опять, как и первая, эта выставка вызывает обсуждения, о ней много говорят.

Московский зритель увидел на этот раз не только образы старого Петербурга, не только интересные по трактовке персонажи произведений Достоевского. Перед посетителями Манежа предстала радуга самоцветного мира Древней Руси, образы ее истории — Дмитрий Донской, Андрей Рублев, князь Игорь, Иван Грозный, Сергий Радонежский,— перед зрителем раскрылось широкое приволье русской земли...

Творческая стихия Ильи Глазунова — Русь. Его приверженность и преданность этой теме привлекают и волнуют.

ДОРОГИ, ДОРОГИ...

Глазунов — художник контрастов.

Последние годы это напряженный поиск декоративно решенных композиций на темы Древней Руси, где на холстах сталкиваются открытые красные, синие, желтые цвета, когда художник решает свои картины на лакированных черных фонах и, следуя традициям русского народного искусства, привлекает на помощь кисти парчу, самоцветы, металл. И это также серия интереснейших портретов его современников.

Если ранние портреты Глазунова часто вызывали возражения из-за некоторых элементов стилизации, то портреты ткачихи Смирновой, композитора Пахмутовой, балерины Рябинкиной, ученого Журавлева точны по рисунку и глубоки по психологическому образу.

Итальянцы Феллини, Висконти, Лоллобриджида, Эдуардо де Филиппо, государственные деятели Дании, Лаоса — вот далеко не полный перечень портретов, созданных Глазуновым в поездках по странам мира.

Ханой, Хайфон. Дороги войны. Десятки портретов, пейзажей написаны, нарисованы Глазуновым за два месяца пребывания во Вьетнаме.

...Впереди его ждет долгий путь, полный радостей и огорчений, встреч с людьми, с любимой Россией.

И. Глазунов. КНЯЗЬ ИГОРЬ.

И. Глазунов.
КРАСАВИЦА.

Сергей МАКАРОВ

Рисунки А. Щербакова.

Восход

Перед встречей

У пестрой развилки дороги,
Где ветер устал от погонь,
Как рыжий медведь из берлоги,
Из хвороста вырос огонь.
В блаженной истоме привала
Не в силах я скрыть торжество:
Рукою подать до Урала,
До светлых отрогов его.
Сегодня, особенно гордый,
Я, чадо лесов и лугов,
Взойду на Уральские горы
Под завесь парны́х облаков.
Там в Азию смотрят деревья,
Там пахнут, как соты, цветы;
Мне синие птичьи кочевья
Подарят восторг высоты.
Привет вам, двукрылы скитальцы.
Я тоже забросил уют!
Здесь русские горцы — уральцы
Мне дружески руку пожмут.

Тепло

Костер согреет нас наверняка!
Вот он возник, звездою желтой
светится.
Простуженное солнце, как
медведица,
Ушло в свою берлогу — в облака.
Горя в костре, рождая сизый чад,
Сучлявый хворост корчится от
хохота.
Деревья, озверевшие от холода,
Под колкой шкурой инея рычат!
Костер и чай согрели нас за миг.
И на губах опять улыбка жаркая.
Пошли мы,
О подошвы снегом шаркая.
Дорога мчится, высунув язык.
А позади — предвестник новизны,
Где расступилась снежная
окалина,
В золе осталась круглая
проталина,
Как будто первый робкий шаг
весны...

Разговор с ночью

Ну, что ж ты, ночь, стоишь
над пасекой?
Меня тропинками лови!
Не камень я держу за пазухой,
А сердце, полное любви.
Веди меня к зазыву росстаней,
Веди погостами, не трусь!
Не знаю я милей и родственней
Земли, которой имя — Русь.
В коростелиный выскрип вымани,
Чтоб я скрипца словил за хвост!
Из лунного тугого вымени
Ты надоила млечных звезд.
Тропинка в клевере укромная
Моим шагам спешит помочь.
Какая ночь стоит огромная!
Зачем же ты бледнеешь, ночь?
В тебе я родину купавую
Узнал, прочувствовал не зря.
А вот и наземь сходит павою
Золотокосая заря.
Туман, скользя, уполз от приска
И переходит речку вброд.
Закат луны — всего лишь
присказка,
А сказка — солнечный восход!

Златоуст

Брат

Люблю гостеприимные селенья,
В которых люди русские живут!
Я — гость в избе, несут мне мед,
соленья,
Над самоваром пар, как парашют.
Устал я, словно каторжанин
беглый:
Меня в пути взяла в полон метель.
Вон за окном она бьет в бубен
белый,
Да так, что по-шаманьи пляшет
ель!
С хозяином пьем терпкий чай
степенно —
В таком-то деле неуместна
прыть!—
И обо всем толкуем откровенно,
Поскольку есть о чем поговорить.
За то, что встретил, не взглянул
спесиво,
Попотчевал и подарил ночлег,
Огромное сердечное спасибо,
Мой брат по крови, русский
человек.
Ухват в углу смакует краткий
отдых,
Прижав к стене копченое ребро...
В твоих глазах, как в солнечных
восходах,
И в заморозки светится Добро.

Родные слова

Еж свернулся—ну, впрямь борода
С необычно колючими остьями!
Я в лесу позабыл города
И черемуху рву черногроздьями,
Ем, работой язык веселя.
Ой, как вязко во рту от оскомины!
На раздолья меня, во поля,
Пропустите, лесные хоромины!
Шел вчера я в толпе городской,
Показалось мне, трезвому,
грустному:
В разношерстице речи людской
Разучился я русскому устному...
Выхожу в травостойную даль,
Буду лучше, мудрее и зорче там.
Как Владимир Иванович Даль,
Всем словам поклонюсь я
узорчатым.
Ястреб небо сшивает в круги.
Прыгнул перепел в травы
заветные.
Мне старик-вековик у реки
Так и сыплет слова самоцветные!
И тревога моя — на мели.
Ах, слова, словно славные
солнышки!

Очищаются мысли мои,
Наливаются свежими соками —
Так
Я слышу Отчизну свою!
Мы ведь вместе, родимая,
кровная!
Я стволисто, былинно стою
Посредине долинушки ровныя...

Подсолнух

Цветет подсолнух — солнцелов,
Любовь и сласть шмелиная.
Он до того большеголов,
Что гнется шея длинная.
Подсолнух — северных кровей,
Но плоть его не полая.
В нем даже ночью ветровей
Не задувает полымя:
Пылает ярче, чем костер,
Он лепестками хлесткими!
А позади его — простор,
Крещенный перекрестками.
Вольется мира красота
И в недозрелок-зернышко...
Солнцебоязнь — болезнь крота.
Подсолнух обнял солнышко!

Лесной этюд

Задохнулся лес от сквозняка.
Одинокий пень стоит, как гном.
Потемнели в небе облака,—
В свежих тучах закипает гром.
С ним не признающая родства,
Хмурится вода в лесных ручьях.
На ветвях пружинящих листва
Бьется, будто рыба на крючках.
Вспышка!
Небо до земли прожег
Молнии раздвоенный прыжок.
Гром!
Взрывная катится волна.
Успокойтесь, это не война.
Успокойтесь!
Лес в испуге сник,
Грозовым наплывом воздух пьян.
И выходит на тропу лесник,
Словно из засады партизан...

Улыбка

Человек, улыбнись человеку,
Но не как Пересвет Челубею,—
Как паломник, увидевший Мекку,
Как я сам до сих пор не умею.

Улыбнись, но не подлой и
липкой —
Улыбнись неподдельной улыбкой,
Как весною земля первоцвету,
Как ребенок спросонок—рассвету.

Миг рассвета вольготный,
росистый,
Ночь-чернавка уходит понуро.
И огромна улыбка России:
От балтийской волны до Амура!

Ленинград.

Мастера
рассказывают...

Владимир Тхапсаев в роли Отелло.
Фото А. Гладштейна.

ОТ ПЕСЕН АЦАМАЗА...

В. ТХАПСАЕВ,
народный артист СССР

Совсем недавно у нас произошло два замечательных события: театр справил новоселье, и состоялась премьера первой осетинской оперы «Азау», которую написал И. Габараев.

Национальная осетинская опера просто не могла не возникнуть! Она идет от песен Ацамаза, от легенды о нем... «Красивый был нарты народ и счастливый,— говорится в легенде.— Но разгневались боги на могучих нартов и послали проклятье. Ссориться стали нарты, убивать друг друга. И тогда появился прекрасный Ацамаз со звонкострунным фандыром. Песни Ацамаза вливали в сердца нартов любовь, а руки тянулись к мечам только тогда, когда с гор спускались враги».

Не одна тысяча лет прошла с тех пор. А легенда жива и поныне: ведь нарты — легендарные предки осетин. Много обычаев оставили они, но главное — мы помним песни Ацамаза: они воздействовали не только на сердца, но и на умы человеческие, помогая людям стать умней, сильней, добрей и благородней. В Осетии эти понятия святые; они составляют душу народа...

Ацамаз — легенда. Но ни в одном, даже самом отдаленном ауле Осетии вы не найдете человека, который бы не знал другого певца народа — Коста Хетагурова. Нет в Осетии реки, которую не поили бы огромные ледники; нет в Осетии такого явления искусства, культуры, которые бы не питались огромным, многогранным талантом Коста. Он был поэтом и живописцем, публицистом и общественным деятелем. Мне же этот великий человек особенно близок — я был первым актером, игравшим Коста в кино. Фильм «Сын Иристона», поставленный в 1958 году, во многом спорен, но для меня работа над образом Коста стала школой актера. Внешне я непохож на Коста: он был небольшим, болезненным, хотя и очень подвижным человеком. Я решил не искать портретного сходства, а играть душевную мощь, силу разума и внутреннюю одержимость поэта. Мой Коста патетичен и приподнят на пьедестал, и все же он человек трудной, сложной и очень интересной жизни, целиком отданной народу.

Коста определил всю мою внутреннюю сущность, но в основном моя актерская судьба формировалась на пьесах Шекспира, и через всю мою жизнь проходит образ Отелло, любимого героя. Впервые я сыграл Отелло совсем молодым актером в 1940 году; моя профессиональная подготовка была тогда, мягко говоря, слабоватой. Учиться в театральном институте мне не пришлось, а самостоятельный жизненный путь я начал рабочим на обогатительной фабрике знаменитых Садонских рудников. Потом строил первую осетинскую гидроэлектростанцию в Гизельском ущелье, работал на шахтах Сахалина, сплавлял лес... О театре даже не думал. И только вернувшись на родину, поступил рабочим сцены в русский драмтеатр города Орджоникидзе.

Однако работать в театре, не мечтая о карьере актера, просто невозможно! Наверное, поэтому я начал заниматься в театральной студии под руководством таких прекрасных актеров, как М. Смелков, Е. Орлов, А. Поселянин. Невероятно «жадным» я оказался: думалось, могу сыграть кого угодно — старика, инвалида, юношу, героя, негодяя, простака... Одним словом, за два с половиной года за кулисами я выучил наизусть все роли во всех спектаклях, которые тогда шли в театре.

Теперь нужен был счастливый случай. Ждать его пришлось долго. Я уж было и руки опустил. Но однажды, осенним вечером 1936 года, простудился исполнитель главной роли во французской комедии «Адвокат Патлен». Дублера не было. А в зале полным-полно зрителей. Тогда-то вспомнили, что я и эту роль — в числе прочих — знаю наизусть! Ну, и выпустили меня «проговорить» роль Бартолена... Однако же после спектакля с должности рабочего сцены меня уволили: отныне я был зачислен в состав труппы...

Потом я играл во многих спектаклях национального и классического репертуара. А в 1940 году в наш город приехал замечательный режиссер, бывший актер 2-го МХАТа В. С. Фотиев; он-то и предложил мне роль Отелло. До чего же интересно было работать с этим режиссером! Помню, как я бродил по ночному городу после репетиций и все повторял труднейшие монологи. А чтобы не пугать прохожих, уходил к Тереку и под его неумолчный шум декламировал пьесу во весь голос, играя и за Отелло, и за Яго, даже за Дездемону.

К сожалению, в то время я еще не видел таких блестящих исполнителей роли Отелло, как Ваграм Папазян, Акакий Хорава, Александр Остужев... Поэтому мой Отелло, что бы там ни говорили, осетинского происхождения. Но, с другой стороны, сила страстей, раздиравших мавра, его нежность и мужество, необузданный темперамент, доброта, доверчивость и благородство — основные черты осетинского народа. Поэтому-то, наверное, венецианский мавр естественно заговорил на осетинском языке.

Конечно, многое на театре зависит от партнера, это известно, видимо, всем. Я в этом отношении признаю только один закон: ни в коем случае нельзя подыгрывать друг другу. Каждый день и каждый спектакль надо играть с полной отдачей, во всю мощь. Тогда возникает ансамбль, а значит, и успех спектакля.

Великолепным моим партнером был народный артист Соломон Таутиев. Его давно уже нет в живых, а я все никак не приду в себя от этой утраты. На сцене у нас с Таутиевым всегда шло своеобразное соревнование, и мы вели друг друга от одной вершины к другой, порой забираясь на такую высоту, что после и самим не верилось.

У В. Фотиева и С. Таутиева я учился быть не просто требовательным к себе, а беспощадным. Есть афоризм, очень хорошо звучащий по-осетински: талант без труда — что джигит без коня; проще говоря, на одном таланте далеко не уедешь! И бывает, что по-настоящему талантливые актеры, одолевая один-два перевала, выдыхаются навсегда. У таланта есть коварное свойство: мечты и желания, не подкрепленные делом, превращают талант в шагреневую кожу — все уменьшающийся клочок былых надежд... Процесс этот, увы, необратим. А начинается гибель таланта с отрицания: темперамент разрушителя проявляется ярко, молниеносно; утверждать и строить куда как труднее! Это процесс длительный, порой нудный. А главное, никто точно не знает, когда скажутся результаты труда. Тут уж одним темпераментом и задиристостью не обойдешься: нужно кое-что посущественнее — ум, воля, душевная целостность.

Думаю, что в этом отношении и наш театр не исключение. За всеми кулисами всех театров всегда достаточно лихих «отрицателей», заявляющих, что система Станиславского, мол, себя изжила, что перевоплощение — никому не нужный анахронизм. А когда такой бравый нигилист выходит на сцену, видишь, что сам-то он предложить ничего не может и из задиристого петуха превращается в беспомощного птенца.

Я до сих пор не могу понять, как можно в минутный перерыв между выходами рассказывать анекдоты, играть в шашки, болтать «за жизнь»... В том-то и состоит дар перевоплощения, что ты перестаешь быть Тхапсаевым: ты — Отелло. В день спектакля я, нигде не находя себе места, прихожу в театр часа за три до звонка, чтоб отрешиться от всех житейских дел. За тридцать лет работы на сцене я познал одну странную тайну: ни Отелло, ни король Лир, ни Макбет, ни полковник Сармат

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

А ЧТО СКАЖУТ ЧИТАТЕЛИ?

не придут ко мне домой. Они станут мной, а я ими только в стенах театра. И на это время я уже не я. Бывало, что между выходами я отвечал словами своего героя на какой-нибудь самый обычный, житейский вопрос реквизитора или режиссера. И в антракте я стараюсь ни с кем не разговаривать, а отсиживаюсь в своей гримерной.

Есть в третьем акте «Отелло» мизансцена, которую придумала З. Бритаева, заслуженный деятель искусств РСФСР. Решив убить Дездемону, я крадучись вхожу в спальню со свечой в руке. Слабый, трепещущий огонь свечи — как бы жизнь Дездемоны. В моей душе она уже погасла. В душе. Но руки бережно прикрывают огонек: даже после смерти Дездемоны свеча должна гореть!

Это очень трудная сцена. Она требует огромного душевного напряжения. И вдруг ни с того ни с сего свеча у меня задымила и погасла. Мизансцена рушится! Состояние, которое я с таким трудом нажил, летит прахом!.. Я вышел за кулисы и протянул свечу помощнику режиссера, а сказать: «Достань спички и зажги свечу» — я не мог. Отелло ведь этого не говорил. Не мог сказать и я. Тем временем все, кто был за кулисами, чиркали спичками, а они — как это всегда бывает в таких случаях — не зажигались. Наконец я снова вошел в спальню с горящей свечой, все обошлось. Но что-то за это время растерялось; я провел сцену хуже, чем мог. И рассказал этот эпизод я для того, чтобы показать, как бывает страшна даже незначительная накладка.

Есть в нашем театре одна особенность, которую мы ценим. Она помогает проверять элементарную добросовестность актеров. У нас нет суфлера. Это заставляет нас учить роль особенно тщательно. Хотя бывают случаи, когда молодой актер, какому порой доверяют роль, о которой можно только мечтать, вдруг не знает текста. И тогда мне хочется обратиться к нему со словами одного моего героя: и вижу я, что не живут люди, а все примеряются, примеряются и кладут на это всю жизнь... А когда обворуют сами себя, истратив время, то начинают плакаться на судьбу... Что ж тут судьба? Каждый сам себе судьба... Всяких людей я нынче вижу, а вот сильных нет! Где они?..

Так говорит, обращаясь к Данко, его друг и учитель в пьесе Лемзы Тибиловой «Горящее сердце». Поставил спектакль выпускник Щукинского училища Маирбек Цихиев, очень интересный молодой режиссер. Написана пьеса по мотивам ранних рассказов М. Горького. И я очень рад, что в этом спектакле встретился с актером, близким мне по духу, по отношению к жизни и делу; порой он чем-то напоминает мне Соломона Таутиева. Во всяком случае, работать с ним очень интересно! Я говорю о Бибо Ватаеве, выпускнике Щукинского училища. В «Горящем сердце» Б. Ватаев играет Данко, которого я всегда представлял себе именно таким, каков он у Бибо.

Есть у нас и другой интересный спектакль — «Сармат и его сыновья». Пьесу написал актер нашего театра заслуженный артист РСФСР Николай Саламов. Это рассказ о полковнике царской армии Сармате, который после долгих и мучительных раздумий все-таки сорвал полковничьи погоны и протянул руку Серго Орджоникидзе...

Сейчас мы поставили «Хаджи Мурат Дзарахохов» — пьесу С. Кайтова. Дзарахохов — герой гражданской войны, человек с самой большой буквы! Недаром его называют нашим Чапаевым. Я хорошо помню Дзарахохова еще живым,— не раз встречался с ним на улицах нашего города.

Не забываем мы и о драматургии наших друзей из соседних республик; играем пьесу украинского драматурга В. Собко «Сохрани мою тайну». И еще я увлечен ролью Маттиаса Клаузена в пьесе Гауптмана «Перед заходом солнца». Мне этот образ близок и понятен. Я думаю, что нравственная сила, стоицизм да и весь внутренний мир Клаузена не менее романтичны и прекрасны, чем, скажем, склад души одного из наших народных героев — Чермена... Глубокий психологизм никогда не исключает для меня героико-романтического начала.

Всю жизнь я стремился играть не только остродраматические и трагедийные роли; да и самый первый мой выход на сцену был выходом комика. С тех пор я выступал в самых разнообразных комедиях — национальных и классических — и убежден, что так называемое актерское амплуа давно себя изжило. Если всю жизнь играть первых любовников или простаков, неизбежно заштампуешься: артист потому и артист, что он должен уметь все! Когда в театре задумали поставить «Ревизора», я просто загорелся ролью Городничего. Очень хочу сделать его на свой лад.

И очень рад за свой родной театр. Его «амплуа» отныне тоже становится многоплановым.

Дорогая редакция! Человек не может родиться вором или бандитом. Вора, бандита рождает какая-то обстановка: определенная сила увлекает его на дурную дорогу. Как же зарождается, откуда берется у нас преступность подростков?..

Улица — так говорят многие. А кто рождает «улицу»?..

Я не юрист, а рабочий. И я думаю, что в неправильном духовном развитии молодого поколения повинно и кино.

В свое время А. С. Макаренко говорил, что не считает нужным воспитывать отдельного человека, а считает, что нужно воспитывать целый коллектив. Это единственный путь правильного воспитания. Кино, безусловно, является вот таким постоянным и к тому же самым доходчивым КОЛЛЕКТИВНЫМ воспитателем. Но в последнее время на экране появилось что-то уж слишком много фильмов, которые явно тормозят дело доброго, умного развития подрастающего поколения и даже уводят его в сторону, вредную для нашего общества.

Мне кажется, тот, кто этого не видит, просто теряет партийную бдительность.

Что можно сказать, например, о фильмах «Великолепная семерка», «Особняк на Зеленой», «Жил-был мошенник», «Черный бизнес», «Ограбление почтового поезда» и т. д. и т. п.?

Если жулику не с кем поделиться «опытом», то подобные фильмы— самое подходящее наглядное «пособие» для начинающих! Здесь будущий грабитель, насильник, вор, убийца может найти все: узнать, как лучше ограбить банк или кассу, убить или обмануть человека, зарезать его или отравить, скрыться от преследования и многое другое... В фильмах, переполненных сценами насилия, драками, грохотом пистолетных выстрелов, ловкими бросками ножей, убийцы и насильники хладнокровно делают свое черное дело: убить для них — словно выпить стакан воды. Так духовно неокрепшему человеку внушают, что уничтожить жизнь — самое дорогое на земле! — не так уж и ужасно. Растленная мораль капитализма исподволь дает свои ростки в сознании молодежи.

Ведь далеко не каждый подросток может сразу определить, что хорошо и что плохо на экране. Частенько еще молодость хорошее принимает за плохое, а плохое — за очень даже хорошее! Подростка может захватить и увлечь смелость, хитрость бандитов, обстоятельства головокружительной погони, ловкий уход от розыска. В незрелой психике все это порою рождает стремление к такой жизни, полной мнимоувлекательных приключений. Юноша начинает даже находить какую-то «красоту» в этой жизни, а чувство восприятия истинной красоты у него притупляется. Человек же слабый духом, как известно, вообще идет по пути наименьшего сопротивления и становится жертвой зла.

Очень много фильмов о проституции, о чрезвычайно «свободных», легких отношениях между юношей и девушкой... Все это «не наши» фильмы: их делают за рубежом. Но разве не мы отвечаем за их воздействие на НАШЕ молодое поколение?!

Если бы мы своевременно обратили внимание на фильмы с таким вот вредным уклоном, то, я думаю, не пришлось бы нашим подросткам смотреть и картины «Фантомас», «Фантомас разбушевался», «Убийство за занавесом», «Пансион «Буланка», «Убийца с того света» и т. д.

Возможно, директора кинотеатров нам сообщат, что «дети до шестнадцати лет» на фильмы для взрослых не допускаются. Ну, а если вашему сыну или дочери семнадцать, восемнадцать или даже девятнадцать лет?! Что же, разве в эти годы ничто уже не собьет с пути? Вряд ли это так! А главное, зачем нужна такая тухлая, гнилая «кинопища» даже и нам — взрослым, мыслящим людям?

Печать иногда выступает, характеризуя «художественность» этих фильмов, раскрывая положительные и отрицательные стороны мастерства. Но ни в одной рецензии я не встречал, чтобы критики прямо сказали, что все эти фильмы равно несут людям вред, делают плохое дело! А об этом стоит не только говорить, но даже кричать во весь голос! Бить тревогу! Ведь эти фильмы идут всюду; многие и многие кинотеатры «поправляют» ими свои финансовые дела. Вновь и вновь преподносят они молодежи с экрана смерть, нож, пистолет, грабеж, яд, насилие, наркотики.

Не пора ли подумать обо всем этом? И что скажут другие читатели?

Б. СТРОГАНОВ,
бригадир слесарей-сборщиков

Калининград.

Вл. ПАВЛОВ

ПОСЛЕДНИЙ С ГОЛУБОЙ „ДЕСЯТКИ"

Дед Румянцев остановился, прислушался.

— Чтой-то не слыхать ребятню. Иль на ягоду напали?

— Приуныли,— отозвался Толмачев. И вздохнул.— Я уж и то...

— А ты враз хотел? Как-никак двадцать пять прокатило. Где-то тут... А где? Невозможно сказать.

— Я, дедушка, знаешь сколько лет ищу? — начал было Толмачев. И осекся. Радостный вопль прорезал лесную тишину. Расплескивая гулкое эхо, звонкий хор возбужденных детских голосов грянул:

— Нашли! На-ашли-и!.. На-а-а-шли-и-и!..

Через минуту Толмачев добежал до старой, заросшей копытнем и зверобоем воронки, вокруг которой теснились сухобокие, иссеченные шрамами, осины — свидетели страшного взрыва. Торопясь, обдирая в кровь пальцы, он принялся разбирать рваные, вылизанные огнем обломки дюраля, разбросанные поблизости. Притихшие пионеры стояли поодаль, не смея помочь ему. Наконец Толмачев отыскал большой кусок, еще сохранивший остатки голубовато-зеленой краски и очертания цифры десять.

Он опустился на колени, неуклюже стащил с головы фуражку с гербом лесной охраны на околыше и закрыл руками исхлестанное ветками лицо...

Все это произошло в лесу, неподалеку от села Нечанье, Чудовского района, Новгородской области, в июле 1966 года...

* * *

Как это было?..

Почему случилось именно Первого мая, в праздничный час, в который, считал старший сержант Николай Толмачев, всякой беде, всякому горю даже на глаза показываться людям воспрещено?..

До вечера так оно и шло в соответствии с праздничным расписанием. Погода, по военному времени, самая подходящая для праздника: рваная бахрома облаков свисает чуть не с вершин елей, что вплотную подступили к околице села, в котором расположился полк ДБАП — дальнебомбардировочный авиационный полк. Идет дождь. Словом, нелетная погода.

В праздничном приказе командира авиагруппы майора Набокова Толмачеву и его экипажу — штурману старшему лейтенанту Колоцею и сержантам стрелку Кубышкину и радисту Карасеву объявлена благодарность.

Наконец вечером в крохотном сельском клубе — танцы. Молоденькая учительница, приглянувшаяся Толмачеву, танцевала в тот вечер только с ним и отказывала всем, кто пытался ее пригласить. И Николай радовался, что она краснеет, когда сходятся невзначай их взгляды, и чувствовал, как вздрагивает ее маленькая рука у него на плече... И от всего этого столь редкого в военном, тяжелом сорок втором — от праздника, от музыки, от девушки, что была рядом, сладко и тревожно стучало сердце.

И вдруг — в дверях клуба дежурный по части.

— Толмачев, Сидорищин, Тесаков!.. На выход!..

— Ты не торопись уходить,— шепнул Николай девушке.— Я, может, скоро вернусь!

Он ласково сжал ее локоть, расправил гимнастерку под ремнем и зашагал к двери, чувствуя, что учительница смотрит ему вслед...

В штабе майор Набоков поставил Толмачеву и его штурману Колоцею задачу: бомбить аэродром врага, потом — в разведку. Только трем экипажам командир авиагруппы доверил в ту ненастную ночь выполнение боевых заданий — самым опытным и надежным.

Толмачев и Колоцей тщательно нанесли на планшеты маршрут, проверили расчеты и, откозыряв майору, вышли...

На улице стояла темень — хоть глаз коли. Ноги разъезжались в жидкой слякоти. Присвечивая дорогу карманным фонариком, Толмачев шагал впереди, за ним, тяжело дыша, поспешал Колоцей.

— Эх, так письмо и не дописал,— вдруг сказал штурман.— Хотел жене ответить, а тут — лети...

Федосей Петрович Колоцей был самым старшим в экипаже и по возрасту и по званию. Все его заботы, не связанные со службой, были посвящены семье, которую штурман очень любил...

— Вернемся — ответишь,— откликнулся Толмачев.

— Не загадывай...

— А я не суеверный!

Колоцей не ответил. Молча добрались они до аэродрома. Два других члена экипажа, стрелок Кубышкин и радист Карасев, ждали командира и штурмана в капонире, где под маскировочной сеткой стоял самолет — могучий «ДБ-3ф», с цифрой «десять» на хвостовом оперении...

Толмачев выслушал доклад техника о готовности машины и, как живую, любовно похлопал ее по дюралевой боковине. Потом взобрался на плоскость, пристегнул парашют и, откинув фонарь, сел в кабину. В наушниках и шлемофоне послышались голоса Кубышкина, Карасева и Колоцея: все в порядке, к полету готовы...

Толмачев запустил моторы, опробовал их, взмахнул руками: «Убрать колодки!» Вырулил к «Т», прожег свечи, включил форсаж... Пробег. Последний толчок земли. Машина нехотя пошла вверх: груз немалый — две тонны бомб и четыре — бензина. На развороте внизу мелькнул слабый свет: фонарь «летучая мышь», что служил ориентиром при взлете. Последний огонек родного аэродрома... Потом все погрузилось в кромешную мглу. Машина шла ровно, не качаясь, будто не летела, а плыла в черной стоячей воде. Даже гул двигателей почти не проникал сквозь толстые наушники шлемофона. Только отблески пламени из выхлопных труб и фосфоресцирующие стрелки приборов показывали, что моторы работают, самолет летит...

— Линия фронта! — доложил Колоцей.

Толмачев ее уже и сам видел. Сквозь плотную мглу то и дело просвечивали багровые вспышки разрывов. Вот и к самолету потянулись разноцветные строчки пулеметных трасс. Замигали желтые шарики зенитных снарядов. Блеснул световой столб прожектора...

«Э-э, знакомые ребята!» — про себя улыбнулся Толмачев, осторожно ворочая штурвал. Ни зенитки, ни прожектор его ничуть не смущали. Сколько уже пережито в воздухе и в боях на подступах к Москве и здесь на обороне Ленинграда. Случалось возвращаться, что называется, «на одном крыле», в машине, издырявленной осколками и пулями, случалось гореть в воздухе, оставаться без горючего, садиться с остановившимися моторами. Сколько раз пришлось отбиваться от атак быстрых нахальных «мессеров».

В последний раз перед праздником, во время бомбежки гитлеровских укреплений на Волхове, он бросил машину в крутое планирование, съехал по прожекторному лучу, как со снежной горки, ударил из пулеметов, погасил два фонаря. Зенитки в тот раз ровно взбесились, давясь собственными снарядами. Уже не один, а, может, десяток прожекторов сцапали машину лучами. Плоскости и фюзеляж изрешетило осколками. Ан ничего — жив, здоров!..

Вдруг — резкий бросок, страшный треск... Слева из-под мотора, осветив плоскость, вырвался длинный язык пламени. Разом погасла приборная доска. Запахло дымом. В лицо Толмачева впились тысячи жал — мелкие осколки стекла. Машина свалилась на крыло и пошла вниз, к темной земле.

Бешено работая педалями и штурвалом, Толмачев пытался выровнять самолет, перевести его на планирование. Но машина не слушалась и продолжала стремительно падать.

«Все!» — промелькнуло в голове летчика. Он нащупал кнопку. На борту завыла сирена.

— Прыгать!.. Всем прыгать!.. Всем!..— трижды крикнул Николай, дергая запорную рукоять фонаря. По тому, как пламя длинными струями полезло в кабину, он понял: фонарь открыт. Приподнялся на педалях, хотел вылезти — не шевельнуться: прижало к бронеспинке! Капкан! Тогда Толмачев, затаив дыхание, дернул кольцо парашюта. Страшная сила вырвала его из кабины, погасила сознание.

* * *

Толмачев пришел в себя от удара о землю. Все было залито багровым светом. Вокруг сыпались ветки, комья земли, вырванные с корнем деревья. Совсем рядом с Толмачевым, круша вершины, медленно оседала огромная ель, растопырив во все стороны лохматые сучья.

«Десятка» взорвалась?.. А почему не слышал взрыва? Да и явь ли это?.. Толмачев еще не совсем пришел в себя и туго воспринимал окружающее. С трудом встал. Левую руку пронизала острая боль. Шагнул — что-то вцепилось в плечи. А, черт, парашют!.. Пока одной правой рукой отстегивал карабины подвесной системы, постепенно возвращалась способность соображать. Он был бос и безоружен. Краги и пояс вместе с кобурой, которую Толмачев носил поверх комбинезона, сорвало, видимо, в тот момент, когда его выхватило из кабины. Шлем болтался на шее, зацепившись ларингофонами...

Зарево горящего самолета постепенно опадало и гасло где-то за стеной леса. Первым желанием летчика было поскорее уйти от этого проклятого места.

Он не знал, сколько времени прошагал, поминутно спотыкаясь, сквозь сучья в кромешной мгле, которая постепенно сменялась медленным пасмурным рассветом. Остановился потому, что где-то высоко, в начинающем светлеть небе послышался знакомый шум моторов. «Тесаков возвращается с задания... Эх, друг! Знал бы, где я,— в лесу б сел!..»

И тут новая мысль обожгла Толмачева: «А где Федосей Петрович?.. Где Андрей Кубышкин, Володя Карасев?..» Да, он приказал прыгать, но смогли или не смогли они выполнить приказание? Если нет,— взорвались вместе с «десяткой»... А ежели успели покинуть подбитую машину? А ежели штурман, стрелок или радист лежат где-нибудь в лесу, тяжело раненные, беспомощные?..

Толмачев присел на поваленное дерево, вытащил карту, которую перед вылетом переложил из планшета в карман, оторвал от нее кусок — приблизительно то место, где упала «десятка», а остальное запрятал под корягу. Потом нашарил на мокрой лесной земле кусок металла, оказавшийся стреляной гильзой (в этих местах, видимо, долго шли бои, гильзы и осколки снарядов валялись повсюду), сплющил, выпорол ею из комбинезона два неровных куска меха и обмотал ими промерзшие, избитые ноги, кое-как закрепив у щиколоток эту импровизированную обувь.

Потом встал и пошел...

* * *

Лес, лес... Болото, едва начавшее оттаивать,— ледяной пол под густой коричневой жижей. Вдрызг разбитые, обмороженные, распухшие ноги он уже не чувствовал. Жар раскалывал голову, туманил сознание, мешал дышать: то ли от ран, то ли от простуды.

Пять дней без еды и почти без сна.

Он не шел — передвигал ноги. Через каждые десяток минут ложился и прислушивался, стараясь уловить далекие раскаты фронта. Ему казалось, что они становятся ближе. Или это стучит кровь в воспаленном мозгу?

Товарищей он не нашел, как, впрочем, и места падения «десятки». И теперь, хоть мысли, в полубреду сменяя одна другую, бежали со страшной скоростью и он не в силах был задержать их бег, одна мелькала постоянно: где ж вы, ребята? Где вы?..

И опять кружили в невероятной выси вершины сосен. И небо то серело, то задергивалось черным пологом, то становилось бездонным и голубым...

К концу пятого дня он добрел до реки и прилег на берегу, на молодой, только пробившейся к свету травке. Гул фронта — он явственно слышал это — раздавался совсем рядом. Потом реку, лес, закат, село за рекой загородила зеленая шинель немецкого солдата...

И тут, в первый раз за эти тяжелейшие пять дней, Толмачеву повезло.

Немецкий офицер, к которому его притащили, сжалился над израненным, чуть живым летчиком и разрешил жителям села приютить его, пока он не встанет на ноги.

И лишь через три дня после того, как Николай немного пришел в себя, его отправили в лагерь военнопленных.

Вот тут-то, пока Толмачев лежал в хате на теплой печи, от местных жителей Василия Ивановича Гоголева и Василия Васильевича Румянцева, которому уже тогда было за шестьдесят, он и узнал, что «десятка» рухнула неподалеку от села и что люди, которые побывали на месте катастрофы, видели там искалеченные останки его погибших товарищей. И еще тогда, в той русской гостеприимной избе (хоть у дверей ее и стоял немецкий часовой), Толмачев дал себе слово: если останется жив, непременно еще раз прийти сюда...

Впрочем, надежды на возвращение было немного. Немилостиво обошлась судьба с Николаем Толмачевым. Дважды он бежал из лагеря, и всякий раз его ловили и возвращали на место. Наконец, в третий раз ему удалось добраться до спасительного леса и повстречать партизан.

Можно было бы еще долго рассказывать о судьбе Николая Толмачева. После того, как партизанский отряд имени Пархоменко, в котором Толмачев был командиром отделения, соединился с частями наступающей Советской Армии, летчик вновь вернулся к любимому делу, служил сначала в 9-м, а потом в 82-м гвардейском бомбардировочном авиационном полку. В 1947 году Николай Толмачев демобилизовался и поступил в лесотехнический институт и, окончив его, уехал под Красноярск, в Бирилюсский район, в далекое Таежнинское лесничество.

Но за все это время бывший командир экипажа «десятки» ни на минуту не забывал ту трагическую ночь в лесу под Ленинградом, не забывал своих товарищей.

Стоило ему на минуту прикрыть веки, как перед ним вставали все трое. Твердое, точно из гранита, лицо Федосея Петровича Колоцея, которого многие в полку из-за сурового вида считали нелюдимым и трудным, но он-то, Толмачев, знал, что нет человека добрей и отзывчивей штурмана. Смешливая усмешка Андрея Кубышкина, всегда готового позубоскалить по любому поводу, но делавшегося очень серьезным, стоило ему только надеть наушники. Сосредоточенные глаза Володи Карасева, который вечно мастерил то наборные рукоятки к ножам, то мундштуки, то хитроумнейшие зажигалки и славился этим на всю авиагруппу...

Десятки писем написал Николай, прежде чем узнал, что жена штурмана живет в деревне Антоново, под Мозырем, отец Кубышкина — в селе Урганча, Татарской АССР, а отец Володи Карасева — под Белгородом, в деревне Наумовка...

Не забывал Толмачев и о том обещании, которое дал,— вернуться к месту гибели экипажа «десятки»...

Легко сказать—вернуться... Где оно, то место, которое ему так и не удалось разыскать много лет назад в мокром и холодном прифронтовом лесу?

Должно быть, не всякий остался бы верен такому обещанию. А зачем, собственно, искать? Все равно на том месте, где «десятка» грохнулась о землю, кроме старой, заросшей травой воронки, ничего не найдешь...

Но нет, это не просто воронка. Это еще и братская могила экипажа, которым командовал Толмачев. И он, командир, считал себя обязанным отыскать могилу товарищей, для их родных, для себя, для жителей того района, в котором «десятка» в огненном смерче закончила свой боевой воздушный бег. Для всех людей... И в этом поиске бывший летчик видел не просто выполнение обещания, но выполнение долга перед Родиной, своего воинского долга и долга перед памятью павших товарищей...

Толмачев хорошо помнил, что самолет погиб на территории Ленинградской области, где-то в районе Тосно и Любани. Название села, того самого, жители которого выходили его, раненного, чуть живого, лишь смутно маячило в памяти — не то Ненание, не то Несинье... Толмачев не знал, что с того времени, как образовалась Новгородская область, и село и место, где упал самолет, уже не входят в состав Ленинградской области, и поэтому его письма в Ленинградский обком КПСС, в Тосно и Любань не дали результата...

Словом, заочные поиски успеха не принесли. И вот, взяв отпуск, 22 июля Толмачев приехал в Чудово. Военком майор Залюбовский выслушал Толмачева и развернул карту.

С волнением вглядывался бывший летчик в ее зеленое поле, испещренное топографическими знаками. Ведь такая же точно карта была когда-то и у него в летном планшете! Вот река Тигода... Сколько раз видел он, как поблескивают в темноте ее тихие воды под крылом «десятки»... Но что это? Нечанье! То самое село, название которого он так мучительно вспоминал и так и не вспомнил! Так, значит, та река, до которой он дошел в полубреду, и есть Тигода?!

— Здесь! — решительно сказал Толмачев, указывая на Нечанье.

— Ну что ж, поехали, довезу,— сказал военком.— Подброшу до Тигоды.

Через Тигоду, на противоположном берегу которой раскинулось Нечанье, Толмачева перевезли пионеры. А еще через десять минут весть о том, что приехал «тот самый летчик», обежала село, и все старшее поколение Нечанья высыпало на улицу.

Потом перед Толмачевым появился седой человек с развевающейся по ветру бородой — Василий Васильевич Румянцев. Еще издали он крикнул:

— Вон тут ты лежал! А там тебя взяли немцы!.. И ты был босой, мокрый, в меховом комбинезоне!..

На другой день Толмачев, Румянцев и все пионеры Нечанья отправились в лес искать место гибели экипажа «десятки».

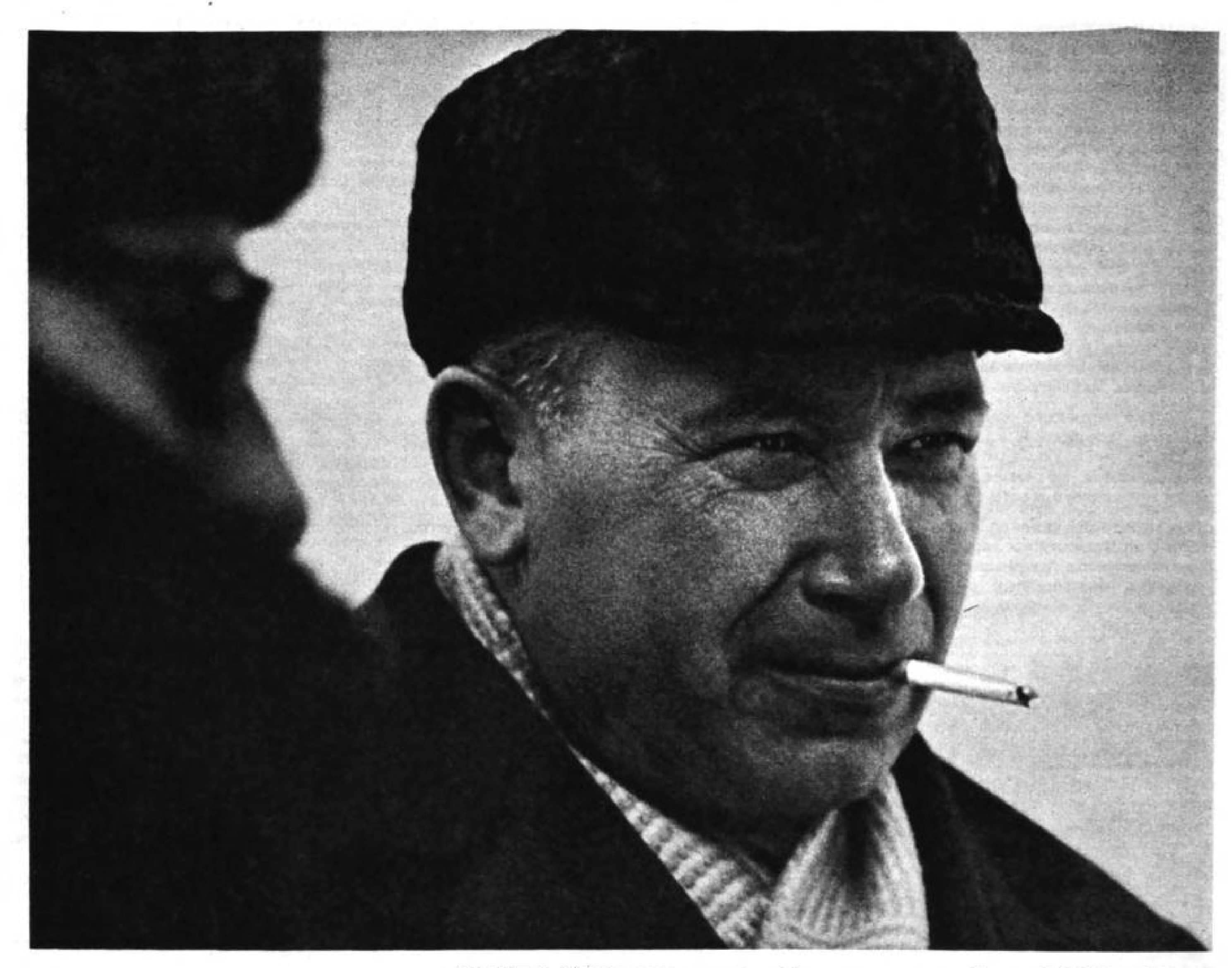

* * *

Сейчас около старой, заросшей копытнем и зверобоем воронки, над собранными в холмик дюралевыми обломками стоит простой деревянный столб. В надписи под стеклом перечислены имена коммуниста штурмана старшего лейтенанта Федосея Петровича Колоцея и комсомольцев...

Конечно, деревянный столб, который собственными руками установил дедушка Румянцев, лишь временный памятник. Я уверен, что на его месте скоро непременно появится обелиск, который навсегда увековечит имена погибших членов экипажа «десятки».

Будет тот обелиск напоминать еще и о том, что оставшийся в живых командир экипажа, бывший летчик, старший сержант Николай Толмачев выполнил свой долг перед павшими товарищами. Свой воинский, командирский долг.

Директор Оленегорского горно-обогатительного комбината В. И. Панкрушин.

Б. СОПЕЛЬНЯК
Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.
Специальные корреспонденты «Огонька»

ТАМ, ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

Полярный круг... Сколько таинственного, сурового и загадочного в этих словах! Долгое время его считали своеобразным барьером, за которым могут жить только «два петуха да три курицы», а людям там делать нечего. Тридцать девять лет назад на кольской земле побывал Максим Горький. Тогда он писал: «...Крупные люди, неторопливая мощность и стойкое упрямство работы — это впечатление закрепилось у меня на все дни в Мурманске и «по вся дни» жизни».

Наше путешествие по Кольскому полуострову было недолгим, но мы тоже встретили по-настоящему крупных людей и убедились в том, сколь стойко их упрямство в работе.

ДИРЕКТОР

Взрыв назначили на субботу. Перекрыли дороги, выставили оцепление.

Огромный рудник будто вымер. Загнали в депо электровозы. Разобрали железнодорожные пути. В безопасное место увели экскаваторы. И только грузовики с взрывчаткой осторожно спускались в карьер. Им предстояло перевезти триста тонн тротила.

Мы забрались на террасу длиной в полтораста метров и только здесь встретили рабочих. Они деловито распаковывали мешки и высыпали в скважины желтый горох.

— В каждую скважину — полтонны тротилового гороха и два боевика,— сказал директор комбината Виктор Иванович Панкрушин. Этим взрывом поднимут сто пятьдесят тысяч тонн породы и аккуратненько положат на нижнюю террасу. Потом сделают еще два взрыва. Те будут посильнее.

— А откуда можно их увидеть?

— Вон с того бугорка.

Когда мы выбрались из карьера, Виктор Иванович указал на гору породы.

— Отсюда начинался Оленегорский горно-обогатительный комбинат,— сказал он.— Я сюда приехал шестнадцать лет назад. На этом месте было болото с уймой уток, гусей и куропаток. Тогда я окончил Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта и приехал налаживать работу рудничного депо. А тут ни рудника, ни железной дороги, ни даже ломов и лопат. Хотели отправить назад: не нужны, мол, железнодорожники. Но я заупрямился. Оформили горным мастером. Обязанность: следить, чтобы шоферы сваливали породу не на дорогу, а в отвал. Работенка, доложу вам!.. Месяца через три начали строить ветку от станции Оленья. Вручную насыпали дамбу, рубили деревья, укладывали рельсы... В ночь под новый, 1953 год первый поезд пошел. Десять километров от станции ехали... трое суток. Машинистом был Удальцов. Он и сейчас у нас работает. Тогда его вместе с паровозом буквально на руках втащили сюда... А весной дорога вообще поплыла и ушла в болота. Проложили новую...

Вдруг взвилась красная ракета.

— Через восемь минут взрыв. Надо спешить,— заторопился Панкрушин.

Мы прыгнули в «газик», и машина понеслась по верхней кромке карьера. Иногда казалось, что мы обязательно свалимся. Но Виктор Иванович оказался отличным шофером, и минуты через три перед нами открылась панорама будущего взрыва.

— Встречался я недавно с Питером Трэем,— продолжал Панкрушин.— Это директор английской фирмы «Ферроометалл энд кэмикел корпорейшн». Торгуем с ним давненько, а он все не может понять, как это мы делаем такой хороший железный концентрат. Из одной тонны нашей руды получают 637 килограммов стали...

И снова разговор наш оборвался.

— Вторая ракета! — воскликнул Панкрушин.

...До взрыва — четыре минуты. Панкрушин скомкал сигарету, помедлил и швырнул в сугроб. Крупные руки нещадно дергали мочку уха.

— Черт! Волнуюсь... Перед каждым взрывом волнуюсь... А вдруг что-нибудь прозевали?!

Между тем пошла последняя минута. Резко хлопнули два коротких взрыва.

— Сигнальные... Последнее предупреждение... — Панкрушин снял шапку, взъерошил светлый ежик и ни с того ни с сего буркнул: «Если этот взрыв произвести на поверхности, то в городе не останется ни одной крыши».

Уж кто-кто, а Панкрушин знает, как трудно поднимались крыши Оленегорска. Видел я вчера фотографию: деревянный барак, туча комаров, мостки через болото и длинный худой парень в ватнике: Панкрушин 1953 года. Через десять лет этот парень окончит еще один институт — горный — и станет директором комбината. Еще через три года комбинат наградят орденом Трудового Красного Знамени, а директора — орденом Ленина. А в прошлом году сорокалетний директор Оленегорского горно-обогатительного комбината стал лауреатом Государственной премии.

Панкрушин рос вместе с комбинатом, а рядом поднимался и город, в котором сейчас уже двадцать три тысячи жителей. Выросли многоэтажные жилые дома, больницы, школы, клубы, стадион, хоккейное поле, дворец спорта с большущим залом и великолепным бассейном, теплица, птичники, слаломная трасса и даже... освещенная лыжная дистанция. И уж, конечно, взрывники постарались загнать тротил так глубоко, чтобы не тренькнуло ни одно стекло в их уютном, красивом городе.

Вдруг над карьером взметнулось багровое пламя. В полной тишине оно растеклось по всей террасе, лизнуло горизонт и быстро опало, будто его прихлопнули. И только после этого раздался оглушительный взрыв. Взрывная волна упруго толкнула в грудь и понеслась дальше. А над карьером росло гигантское облако из пыли, гари и мелких камней. Потом облако осело, а стопятидесятиметровой террасы как не бывало.

— Вот так! — выдохнул Панкрушин. И, обращаясь ко мне, словно продолжил разговор: — А теперь в наступление пойдут экскаваторы и самосвалы. На обогатительной фабрике железную руду превратят в мелкий порошок, отделят от пустой породы и отправят в Череповец. Там ее переплавят и... Когда купите автомашину, что сойдет с конвейера автозавода, строящегося в городе Тольятти, то вспомните: она из нашей стали. Ну что, махнем в теплицу? — с веселой бесшабашностью предложил он.— Свежие огурчики за Полярным кругом! Каково, а? Сегодня, кстати, мой день рождения. Салют уже был. Теперь очередь за шампанским...

В КРАЮ ДВУХ СОЛНЦ

Низкая облачность прижимала нас к земле, и Александр Иванович вел своего «мотыля» по самой кромке облаков. Забраться выше нельзя: оттуда ничего не видно, а мы ищем никому не ведомую точку, которую геологи указали на карте. Под нами — заснеженные сопки, редкий кустарник, жидкие перелески, тундра. Шепеляво тарахтит мотор вертолета. Поскрипывают тросы, удерживающие посреди кабины пятисотлитровую бочку с бензином. А я все таращу глаза, надеясь хоть за что-то зацепиться взглядом.

И вдруг в просвете облаков мелькнуло солнце. Подернутое белесой дымкой, неяркое северное солнце висело низко над горизонтом. А почти рядом с ним светило... еще одно солнце! Да, да, на небе было два солнца!

— Что за чудеса? — спрашиваю геологов.

Они только пожали плечами. А Александр Иванович объяснил:

— Бывает. Редко, но бывает. Считай, что повезло... Одно солнце, конечно, ложное — так сказать, оптический обман. Но отличить его от настоящего почти невозможно. Вот и летай, как хочешь.

Вдруг вертолет резко провалился, завис над безымянной сопкой и плюхнулся в снег. Пока мы открывали примерзшую дверцу, геологи деловито собирали свои пожитки. Первым выпрыгнул Андрей Иванович Бегельский. Снег был так мягок, что геолог вонзился в него по самые плечи. Затем ему подали широкие лыжи, карабин, рюкзак. Бегельский привычно навьючился, и только после этого на снег ступили Роман Султанов и Николай Коновин.

— Куда же вы дальше? — спросил я.— Ведь тут никакого жилья.

— Ничего, устроимся,— ответил Николай и сдвинул набекрень волчий малахай.

Они шагали по земле, в кладовых которой эти люди ищут новые богатства.

Потом винт поднял такой вихрь, что геологов не стало видно. А когда взлетели выше, то три черные точки двинулись куда-то на северо-восток.

— Успели бы добраться до распадка,— озабоченно сказал Александр Иванович.— Синоптики метель обещают. Хлебнут ребята...

Вертолет сделал круг и «поскакал» по воздушным ямам в сторону темнеющего лесочка.

Когда мы с ревом свалились из облака и лес что есть мочи понесся от вертолета, мне стало ясно, что это — огромное оленье стадо. Впереди бежал вожак. Он шел такой раскидистой рысью, что ему мог бы позавидовать породистый орловский рысак. Стадо послушно катилось за ним. Вожак бежал по прямой, нацеливаясь на глубокий распадок. Но в тот самый момент, когда Александр Иванович окончательно уверовал в то, что стадо и дальше будет бежать по прямой,— а это и нужно для фотосъемки,— вожак резко рванулся вправо, и стадо повернуло за ним.

Мы пошли на второй круг. Но стадо уже разбилось на три группы и уходило в разные стороны. Пришлось гоняться за каждой группой и сбивать оленей в кучу. Бортмеханик раскрыл дверцу, и мой коллега Николай Козловский стал беспрерывно щелкать затвором фотоаппарата. Когда олени порядком устали и у фотокорреспондента уже закоченели руки, Александр Иванович закричал: «Вижу корралы!»

Минут через пятнадцать вертолет мягко опустился на утоптанную площадку, и мы побрели к загону. В диаметре он метров семьдесят. А чтобы олени не видели воли и не рвались наружу, жерди обтянуты брезентом. Это и есть корраль.

Пять тысяч оленей непрерывно бегут по кругу. Те, что в центре, топчутся на месте, а у брезента такой вихрь из серых, белых и коричневых тел, что подойти боязно. Послушно бегут кроткие важенки. Свирепо продираются могучие быки. С хрустом сплетаются рога. Олени падают. Пытаются встать. Их снова сталкивают... Сильные все-таки поднимаются и тут же включаются в одуряющую гонку. А слабые кое-как пробираются к самому брезенту — здесь давка поменьше — и, подчиняясь общему ритму, бегут, бегут и бегут. Эта гонка называется разделом стада. Перед отелом необходимо отделить быков от важенок, вот их и загоняют в специальные камеры. Вечером оленей снова поведут в тундру, но в разные стороны.

Одновременно с разделом производится и пересчет стада. У ворот стоит коренастый рыжий парень в малице — Егор Хатанзей. В руках у него острый нож. Резким взмахом он чиркает пробегающих оленей, и на шерсти образуется темная полоса. Брат Егора — Андрей расположился на вышке и считает меченых оленей.

Вечером мы сидели в кувансе — это что-то вроде маленького чума — и пили чай. Потрескивал костер. Мурлыкала «спидола».

— Так вот и живем,— рассказывал Егор Яковлевич Филиппов.— Мне уже за шестьдесят, на пенсию вышел, а расстаться с оленями не могу. Куда я без них?! Саами без оленя нельзя, саами без оленя умереть может. А нас и так немного — чуть больше тыщи. Правильно я говорю?.. Есть, конечно, у нас учителя, врачи... Но и они в стадо заглядывают. Нет, саами без оленя нельзя! — убежденно закончил он.

Помолчали. Попили духовитого чая. Потом Егор Яковлевич тщательно ополоснул чашки и спросил:

— В Ловозере был?

— Не был.

— Жаль. Это наша саамская столица. Думаешь, стоят вдоль улицы чумы, а вокруг волки бродят?! Во-первых, последнего волка убили два года назад, а во-вторых, многие живут в пятиэтажных кирпичных домах со всеми удобствами. Скоро даже газ будет! Правильно я говорю? — обернулся он к Андрею.

Тот молча кивнул.

— Ты думаешь, чего я сюда два дня на нартах ехал? — продолжал старик.— Скучно мне без воздуха вольного, да и без олешек нельзя. Опять же раздел стада... Это ведь дело тонкое: важенок беречь надо, как бы не помяли, не затолкали. Глядишь, и сгодится мой опыт. Я ведь с оленями лет пятьдесят вожжаюсь... А пересчет стада?! У нас в колхозе «Тундра» тридцать тысяч оленей. И всех надо пометить, пересчитать...

Утром мы решили на нартах ехать в Ловозеро. Вертолет улетел еще вечером — где-то с нетерпением ждали бочку с бензином,— а другого транспорта не было. Озабоченно хмуря выгоревшие брови, оленевод Василий Николаевич Голых тщательно складывал ременной аркан: без нярталы оленя не взять.

И действительно, стадо нас не подпускало. Тогда Голых метров с тридцати метко бросил нярталу — и здоровенный бык яростно закрутил рогами. Точно так же Голых заарканил еще трех оленей и всю четверку поставил в упряжку. Уже в пути я попросил у Василия Николаевича длинную палку.

— Бери. Только запомни: все зависит от оленя, идущего впереди, он вроде коренного. Куда передний, туда и все три пилея, так мы называем пристяжных... Покрепче намотай вожжу. Вот так, на кисть. А то останешься без упряжки.

Не буду рассказывать, как я мучился с длиннющим хореем, как вываливался из нарт и волочился по снегу, как упряжка бежала куда угодно, только не туда, куда я хотел... В конце концов я одолел все премудрости, и, когда олени понесли нас по тундре, я по-настоящему понял, что «...самолет хорошо, пароход хорошо, паровоз хорошо, а олени лучше».

РОВЕСНИК МОНЧЕГОРСКА

Есть у саами сказка о серебряной деве. Жила за Кандалакшей девушка. Бегала быстрее оленя. А в Ловозере жил юноша, в быстроте ветру подобный. Решил этот юноша жениться на быстроногой. Но девушка убежала в горы, и не смог он догнать беглянку. Выбился из сил и умер. Тогда заплакала быстроногая серебряными слезами. А ветер разнес их вокруг. С тех пор в горах между Ловозером и Кандалакшей залегли несметные богатства...

М. В. Ломоносов этой сказки не знал. И тем не менее писал: «...По многим доказательствам заключаю, что на севере пространно и богато царствует натура... А искать оные сокровища некому».

Прошло без малого двести лет, прежде чем появились люди, способные найти эти сокровища. Ими оказались советские геологи во главе с академиком Ферсманом. В 1930 году на террасе горы Нюдуайвенч Ферсман обнаружил никель. С этого дня началась новая жизнь Монче-тундры. Монче—посаамски красивый, поэтому нет ничего удивительного в том, что новый город назвали Мончегорском.

А 23 февраля 1939 года в шесть часов утра в Мончегорске была получена первая тонна никеля. Через полтора года комбинат «Североникель» дал первую тонну кобальта.

— Теперь, кроме никеля и кобальта, мы даем медь, серу, селен, палладий, платину, родий, рутений, иридий, серебро и даже золото,— рассказывает сменный мастер плавильного цеха Леонид Кручинин.— И все это из той же руды. Представляете, сколько добра уходило раньше в отвал?

Разговаривать было трудно. Мы стояли у пылающей жаром электрической кобальтовой печи. Мостовые краны таскали огромные ковши с расплавленным файнштейном — так называют промежуточный продукт. Из печей вырывались языки пламени и синеватый газ.

Вдруг Леонид побежал к приборной доске, что-то сказал дежурному и, сердито хмурясь, вернулся назад.

— Что случилось? — спросил я.

— Едва не прозевали! Надо было перепустить электроды. Непонятно?.. Электроды постепенно сгорают — так? Чтобы не падало напряжение в печи, их периодически опускают ниже. Ясно?

Потом Леонид снова убежал, обязанностей у него много, работа хлопотливая.

Он сравнительно недавно появился в цехе. Начинал фурмовщиком. Потом окончил Мончегорский горно-металлургический техникум и стал мастером. Но самой лучшей школой для него была работа рядом со знатным металлургом, лауреатом Ленинской премии Михаилом Петровичем Иголкиным.

Леонид — ровесник мончегорского никеля: парень родился в том же году, когда Михаил Петрович получил первую тонну этого металла. Так что Леонид принадлежит к новой плеяде рабочего класса Мончегорска — он коренной житель. И таких на «Североникеле» немало. Это всех радует здесь — нет уже прежней

зависимости от птиц перелетных, приезжих, что, прибыв на новое место, так и не распаковывают чемоданов. А такие, как Кручинин, накрепко связали судьбу свою с землей, на которой были сделаны ими первые в жизни шаги. Эти люди и планы свои на будущее строят в расчете на Мончегорск.

А сейчас у Леонида планы такие: собирается в отпуск, дипломную работу писать, заканчивает вечернее отделение Ленинградского горного института. Тема уже утверждена: Кручинин решил спроектировать конвертерное отделение в своем цехе.

На прощание сменный мастер протянул мне кусочек руды.

— Подарок неприглядный,— улыбнулся он.— Но все же — памятный...

«БЕССТРАШНЫЙ» ИДЕТ НА ПОМОЩЬ

Когда в океане рождается цунами и корабли спешат подальше от берега, когда девятибалльный шторм вздыбливает море и суда торопятся в гавань, когда загораются танкеры, садятся на рифы траулеры, затирает льдинами сейнеры, одним словом, в минуты, когда эфир заполняется тревожным «SOS», в море выходят спасатели.

Бывает, неделями стоит спасательное судно в родном порту, а команда на берег сойти не имеет права: в любой момент рация может принять сигнал бедствия. И тогда поднимается якорь, запускаются машины — и полный вперед!

Быть спасателем на Баренцевом море особенно трудно. Недаром это море сравнивают с капризной женщиной: никогда не знаешь, что выкинет через минуту. А каждую минуту несколько сот рыболовных траулеров и сейнеров забрасывают сети, каждую минуту десятки плавучих фабрик перерабатывают рыбу, каждую минуту в район промысла спешат танкеры с водой и горючим... Так что работы спасателям хватает. Эти бесстрашные люди и судам своим дают символические названия: «Смелый», «Решительный», «Бесстрашный».

Мы пошли в море на «Бесстрашном». От причала Мурманского рыбного порта отвалили в тринадцать тридцать. Малым ходом двинулись из залива. Миновали торговый порт с множеством огромных рудовозов. За апатитом пришел из Ростока «Мансфельд». За железной рудой — английское судно «Афганистан». Здесь же суда под флагами Болгарии, Польши, Бельгии, Греции, Италии, Канады...

«Бесстрашный» прибавил ходу. Пока мы лазили по трюмам и машинному отделению, знакомились с командой и изучали свои обязанности в случае аврала, берега Кольского залива раздвинулись.

— Выходим в открытое море,— сказал капитан «Бесстрашного» Андрей Овчинников.— Слева мыс Сеть-Наволок, справа — остров Кильдин со знаменитым Мертвым озером. Не бывали на нем?

— Нет, не бывал. Я вообще... первый раз в море.

— Вот оно что-о-о! — улыбнулся капитан.— Значит, морское крещение принимаете на спасателе?! Хорошая примета! «Бесстрашного» не зальет и не перевернет, у него в киле несколько тонн чугуна. Не корабль, а ванька-встанька. Одним словом, теперь вам на роду написано: спасать других.

— Только бы не укачало...

— Проверим и на сей счет... Видите, касатка мелькнула? Ого, вторая! Третья! Значит, быть шторму. Касатки не обманут. Будет нам сегодня работенка!

В ходовую рубку поднялся радист.

— Радиограмма синоптиков. Из Атлантики идет шторм: ветер одиннадцать баллов, волнение моря — девять.

— Штурман, координаты! — потребовал капитан.

— Прошли мыс Цып-Наволок. В пяти милях слева — полуостров Рыбачий.

— Рацию на волну бедствия! Включить локаторы! Задраить люки!

Волны гнали «Бесстрашного» на скалы полуострова, но он упрямо пробивался в открытое море.

В двадцать ноль-ноль флагман флота С. И. Шередеко, находящийся на плавбазе «Маточкин Шар», открыл очередную радиолетучку.

— Шторм усиливается,— сказал он.— Лов временно прекратить. Капитанам судов принять все меры предосторожности. Докладывать коротко и по-деловому.

— Говорит флагман архангельского тралфлота! Все суда штормуют. Волнение моря — 8—9 баллов.

— Я — БМРТ-185! При таком ветре работать в море нельзя. Иду к берегу. Думаю по волне забросить трал.

— Говорит 191-й! Подъем две тонны. Рыба крупная, ровная. Выходите в мой район. Волнение сильное, но упускать рыбу нельзя. Мои координаты...

Я сидел в радиорубке «Бесстрашного» и слушал радиодонесения капитанов. Никто не просил помощи, никто не жаловался. Обычное деловое совещание, будто разговор идет в уютном кабинете, а не на обледенелых судах; будто ветер не срывает сейнеры с якоря и волны не перекатывают через палубу.

Вот каков он, труд рыбака! Туманы, ветры, штормы, бесчисленные подъемы пустого трала, а когда попадается косяк — работа по двадцать три часа в сутки. Сдали улов — и все сначала... И очень редко — земля, родной порт, дом, семья. Проходит месяц — и загрустит рыбак. Отпуск еще не кончился, а он уже бродит около порта и ругается с ремонтниками, задерживающими выход траулера в море.

...Поздно вечером «Бесстрашный» пробился в какую-то губу и бросил якорь. Ночь прошла спокойно, помощь спасателя никому не понадобилась...

Беда случилась утром. Заболела единственная на корабле женщина. Судовой врач установил, что у буфетчицы Кати острый приступ аппендицита. Нужна немедленная операция. А до Мурманска сутки ходу. Решили передать Катю на плавбазу «Рыбный Мурман» — там есть хирург и хорошо оборудованная операционная.

Шторм чуточку стих, но подойти к плавбазе мы так и не смогли. Решили перенести Катю лебедкой в «авоське», сделанной из сети. Катя согласилась. Но как раз в это время таким же способом разгружали траулер, подошедший к плавбазе. И вот «авоську» с рыбой так шарахнуло о борт «Рыбного Мурмана», что наш капитан побледнел и отказался от этой затеи. Решили идти к пограничникам. Корабли обменялись прощальными гудками — три длинных и один короткий,— и Андрей Овчинников перевел рукоятку машинного телеграфа на «полный вперед».

Мы вышли на палубу. Прощались с Баренцевым морем.

— В какой идем порт? — спросил я у первого помощника капитана Николая Кудряшова.

— В ближайший. Сдадим Катю — и назад... Пойдем к Гренландии. Там наших рыбаков немало.

Сильный порыв ветра сорвал верхушку волны, и нас окатило солеными брызгами. Я слизнул с губы частицу Баренцева моря и спросил:

— А что у вас за значок?

— Капитана дальнего плавания.

— Ого! И много вы плавали?

— Много,— односложно ответил Николай.

— Так почему же... здесь... первым помощником?

Николай помолчал. Снял очки, близоруко щурясь, протер стекла, резко бросил очки на переносицу и чуть дрогнувшим голосом сказал:

— Глаза подвели... Капитану в очках нельзя... В крайнем случае, если дальнозоркость... А у меня... За три метра ни черта не вижу.

На берег мы сошли вместе с Катей. Прощание с командой было коротким: неожиданно радист принял «SOS» от траулера, у которого сорвало винт. «Бесстрашный» полным ходом шел на помощь...

ХОЗЯИН СНЕЖНЫХ КРУЧ

Хибины — горы невысокие, но коварные. Около двухсот лавин срывается ежегодно с их склонов. А если учесть, что почти все рудники и рабочие поселки находятся в зоне их действия, то... появление снежного человека было просто необходимо.

Этот снежный человек вовсе не мифический, у него есть имя и фамилия, есть свой кабинет и даже... персональная «лягушка». В миру его знают как Василия Никаноровича Аккуратова. А снежный человек — профессия, которой он отдал тридцать лет. Правда, в штатном расписании комбината «Апатит» его должность называется начальник цеха противолавинной защиты, в распоряжении которого 42 помощника, минометная батарея и вездеходы-«лягушки».

Уже сутки я жил в Кировске, а встретиться с Аккуратовым так и не удалось, хотя говорили о нем буквально на каждом шагу. Дело в том, что как раз в это время проходил традиционный Праздник Севера. В тридцать четвертый раз съехались в Кировск сильнейшие горнолыжники страны. Присоединились к ним и прыгуны с трамплина. Кстати, горнолыжники уверяют, что кировские трассы не хуже гренобльских. К тому же снег лежит здесь восемь месяцев в году, а два подъемника создают необходимый комфорт.

Соревнования должны были начаться в десять. Стрелки подошли к двенадцати, а на трассе — ни души. Нервничали спортсмены, ворчали судьи.

— В чем дело? — спросил я у судьи.— Почему не начинаете?

— Спросите у снежного человека,— буркнул он.— Не разрешает — и баста!

...В кабинете Аккуратов вразумлял судейскую коллегию:

— Утверждаю, что склон лавиноопасен. Всю ночь шел снег. К тому же потеплело.

— Сколько там снегу? Сантиметров тридцать, не больше! — напирали на него.

— Лавина может сорваться и при десятисантиметровом слое. А тридцать — это самый опасный пласт. Утром пробили шурф: сцепление верхнего слоя с нижним резко уменьшилось. В любой момент он может поплыть, и тогда...

Все подавленно замолчали.

— Ничего, что-нибудь придумаем,— поднялся Аккуратов.— Попробуем приколотить снег к склону... Не беспокойтесь, Праздник Севера состоится!

Когда я услышал, что Аккуратов собирается «приколачивать» снег, то, естественно, захотел увидеть, как это делается.

Мы сели в «лягушку», и она запрыгала в горы. Вездеход действительно прыгал, проваливаясь в ямы и выбираясь наружу.

— И чего трясемся по гребню? — страдальчески спросил я.— Ямы, валуны, камни... А рядом — гладкий склон.

— Вот и плохо, что гладкий. Как раз на таких и возникают лавины. Первая заповедь снежных людей — ходить только по гребням. На гладком склоне иногда достаточно хлопнуть в ладоши или крикнуть, чтобы миллион кубометров камня и снега понесся в долину...

Аккуратов умолк, оглянулся, покачал головой и озабоченно вздохнул:

— Не нравится мне этот ветер. В Хибинах лавины-то в основном метелевые. Они и образуются и сходят во время метелей...— И вдруг он резко прервал сам себя: — Амба! Лекция закончена. Надо спешить!

Полчаса тряски, и мы прибыли на место. Я вышел из вездехода и обмер: с синего-синего неба во всю мочь светило ослепительно яркое солнце. До самого горизонта — неправдоподобно гладкое плато. А внизу, в уютной котловине, город.

— Это наше знаменитое плато Расвумчорр,— сказал Аккуратов.— Иногда его называют Малой Антарктидой. Рядом — плато Юкспор и Ловчорр. На них две горнолавинных станции. Наша задача не только предсказывать и предупреждать появление лавин, но и изучать их.

— А что это дает?

— Деньги. Раньше из-за лавин рудники не работали по два месяца в году. А теперь — не больше десяти часов. Действуем по обстановке. Иной раз вызываем небольшие искусственные лавины и этим предупреждаем катастрофы. Но главное — укрепить снежный пласт, приколотить его к склону.

— А где вы берете гвозди? — съязвил я.

— Сейчас увидите.

...За грудой камней стояла минометная батарея. Два парня сидели на ящиках с минами.

— Готовы? — спросил Аккуратов.

— Готовы.

— Ну что ж, начнем! Давненько не брал я шашек в руки,— озорно сказал он и достал мину.

Минометы с чавканьем выплевывали мины. Противно вереща, они вонзались в снег. Но большой карниз, который надуло над верхней кромкой склона, не пострадал. Аккуратов пояснил:

— Карниз безопасен. Гвозди надо забивать в воронку.

— Какие гвозди?!

— Все очень просто,— улыбнулся Аккуратов. Он отошел от миномета, надел темные очки и сказал: — В месте взрыва происходит уплотнение снежного покрова, а вследствие этого увеличивается сцепление между пластами. Если произвести достаточное количество взрывов, снег как бы приколачивается к склону... Между прочим, впервые в мире этот метод применен у нас, в Хибинах.

Назад мы неслись по склону, на который час назад нельзя было ступить...

...На горах шли соревнования лыжников, мы с Василием Никаноровичем блаженно потягивали чай. И вдруг раздался телефонный звонок. Аккуратов снял трубку.

— Слушаю. Да, да! Понял. Выезжаю. Решим на месте...

Надевая на ходу полушубок, он бросил:

— Подвижка снега у Юкспорского рудника. Может сорваться мощная лавина... Ничего-о-о, перехватим!

Металлурги «Североникеля».

Свет тундры.

Мурманский плавательный бассейн — один из лучших в стране.

У докеров перекур.

Перед выходом в море.

К 50-ЛЕТИЮ
ДЕКРЕТА В. И. ЛЕНИНА
ОБ ОРОСИТЕЛЬНЫХ РАБОТАХ
В ТУРКЕСТАНЕ

СЧИТАННЫЕ — ПЕРЕСЧИТАННЫЕ...

Вячеслав КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька»

Только представьте себе то время, весну 1918 года... Первую весну юной Республики Советов. Первую и труднейшую: республика борется с полчищами врагов. И вот этой-то весной Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин) подписывает декрет «Об ассигновании 50-ти миллионов рублей на оросительные работы в Туркестане и об организации этих работ».

Какова история ленинского декрета? Еще до революции в Туркестане работали русские ученые-ирригаторы Г. К. Ризенкампф (Губенко), Б. К. Лодыгин и В. А. Васильев. А в марте 1918 года они обратились к В. И. Ленину с докладной запиской. По их плану в Туркестане могло быть орошено и занято под хлопчатник 764 тысячи десятин, причем 500 тысяч из них — в Голодной степи. В апреле по указанию Владимира Ильича Высший Совет Народного Хозяйства рассмотрел этот план. После этого незамедлительно последовал декрет, ставивший дело ирригации Туркестана на практическую основу. В конце года в Ташкент были отправлены три железнодорожных эшелона со специалистами, проектными материалами, машинами, инструментами, оборудованием...

Однако путь в Туркестан эшелонам преградила банда атамана Дутова, образовав «Оренбургскую пробку». Только после того, как ее вышибли, в Ташкент прибыл один из этих эшелонов...

И все же начало великому делу было положено! Ленин писал: «Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму».

Лишь на историческом фоне можно по достоинству оценить и исключительность начала и громадье сделанного за 50 лет в этом крае. Помнится, один иностранный гость, объехав за день голодностепские поля и сады, побывав на бахчах и хлебных массивах, в совхозной персиковой роще, к вечеру шутливо взмолился: «Покажите же мне наконец настоящую Голодную степь!»

В самом деле, почвы здесь молодые, полные буйной силы, только вдоволь поливать их да не допускать, чтобы поднялись соленые грунтовые воды. Застройка же усадеб ведется по самым современным архитектурным проектам.

Вот полевой стан бригады Мамаджана Дададжанова из совхоза «Андижан», которому всего два года. Над водой поднимается крытая шифером веранда. На ней кровати, столы, стулья, приемник. Неподалеку утепленное помещение с помостом для чаепития и отдыха, с конторкой, читальней, телевизором. Отдельно расположены кухня, кладовая, гараж, душ. Земля вокруг построек не пустует, она засажена помидорами, болгарским перцем, морковью, арбузами; под окнами растут канны, райхон, маргаритки.

И уж тем более не похожи на пустынные места целинные совхозы постарше, как, например, совхоз имени XXIII съезда КПСС или имени Германа Титова, где работают бригады Инобат Ахуновой, Кувандыка Абдуразакова.

«Ленинский декрет продолжается!» — говорят ныне хлопкоробы, ученые, инженеры, строители. И вот факты только по Узбекистану: площадь орошаемых земель за полвека удвоилась, а директивами XXIII съезда КПСС предписано за пятилетие увеличить ее еще на сотни тысяч гектаров. В заготовке хлопка республика уверенно перешла рубеж четырех миллионов тонн в год.

Чтобы понять значимость этих цифр, их стоит, пожалуй, сравнить с соответствующими цифрами наиболее благоприятного дореволюционного года — 1913-го. Тогда под хлопчатником было 429 тысяч гектаров, а урожая собрано 522 тысячи тонн. В годы же гражданской войны пригодные для посевов хлопчатника угодья сократились до 53 тысяч гектаров!

А в минувшем году только одна Голодная степь дала около 130 тысяч тонн хлопка. И коли речь заходила об автомашинах для перевозки урожая,— это были шеститонные «Колхиды»; если о холодильнике для хранения выращенных здесь фруктов и овощей,— это комбинат на 1 500 тонн; а уж если о янгиерском стадионе,— то это по крайней мере секция Лужников...

Впереди новые заботы о «Пяти дочерях» — так называют в Ташкенте пять главных объектов внимания ирригаторов и мелиораторов. Это Голодная степь, Каршинская степь, Сурхан-Ширабадская долина, Центральная Фергана, низовье Аму-Дарьи. И сулят они сотни тысяч гектаров новых земель, новой жизни.

Ленинский декрет продолжается!

Полковник И. В. Малышев со своей матерью Серафимой Ивановной.

КНИГИ — СОЛДАТЫ

Федор ВОЛОШИН

Мы впервые познакомились во время Великой Отечественной войны. Тогда я запомнил майора Игоря Васильевича Малышева, старшего инструктора политотдела 5-й ударной армии, по одной характерной детали: в его вещевом мешке были только книги. Когда друзья острили по этому поводу, майор отвечал словами А. П. Чехова, что все бледнеет перед книгами.

Майор ревниво оберегал их и рассказывал нам, как однажды потерял все, что было у него в вещевом мешке, но спас те несколько ленинских книг, с которыми никогда не разлучался.

...Батальон, куда прибыл Игорь Васильевич, вступил в жестокий бой с танками и пехотой противника. Малышев вместе с солдатами пошел в бой. Личным примером и страстным партийным словом воодушевлял он солдат. Жаркий бой длился свыше суток. Игорь Васильевич был тяжело контужен. Лишь в медсанбате пришел в себя. И первый его вопрос: «А где мои книги?» «Тут они, в полной сохранности, товарищ. У вас под подушкой лежат...»

И снова встреча с Малышевым — теперь уже в дни штурма рейхстага! Бесконечные рассказы о фронтовых путях-дорогах, и Игорь Васильевич, вспомнив про медсанбат, сказал:

— А книги-то мои до Берлина дошли. Это ведь тоже оружие.

В тот вечер мы долго и горячо спорили с ним о книгах. Он оказался великолепным полемистом, много читавшим В. И. Ленина, труды по марксистской философии, истории КПСС, знатоком и тонким ценителем художественной литературы. Здесь, у Бранденбургских ворот, в Берлине, Малышев мечтал о том, как, вернувшись домой, начнет собирать свою библиотеку.

С тех пор пролетело 20 лет. В Праздник победы над фашистской Германией судьба вновь свела меня с Игорем Васильевичем, полковником, кандидатом философских наук, доцентом, старшим преподавателем военной академии. Долго длилась наша встреча фронтовых друзей. Когда настал час прощания, Малышев пригласил меня к себе домой посмотреть его библиотеку: «Помните, как я мечтал о ней!»

Хозяин дома познакомил меня с матерью Серафимой Ивановной, отдавшей почти 50 лет своей жизни работе в сельской школе. У нее на груди орден Ленина. Она с гордостью смотрит на сына, который, как тысячи ее воспитанников, любит, ценит книгу. В этом и ее, Серафимы Ивановны, немалая заслуга.

Квартиру Игоря Васильевича можно без преувеличения назвать библиотекой. Шкафы с книгами везде — в комнатах, коридоре, на кухне. Здесь труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, работы крупнейших философов мира, мемуары, много редких книг по военному искусству, политэкономии, социологии. Произведения русских и мировых классиков. Великолепная коллекция книг по эстетике, живописи, графике, скульптуре, архитектуре, музыке, театру, хореографии и декоративно-прикладному искусству.

Все эти богатства бережно собраны, систематизированы, находятся в идеальном порядке. Малышев мгновенно может найти нужную ему книгу — тут и блестящая память хозяина играет немалую роль.

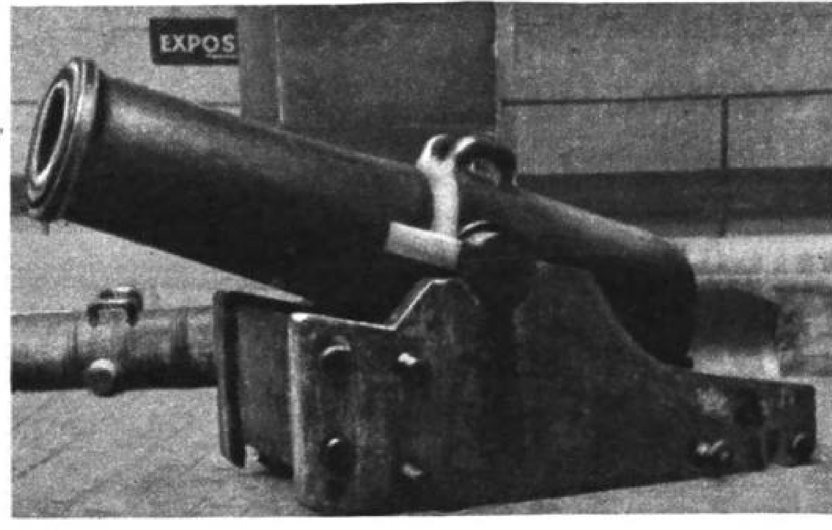
— Мои книги, как солдаты,— говорит Игорь Васильевич,— они всегда в боевом порядке. Стоят на полках, но в любую минуту готовы прийти на помощь, дать мудрый совет, ответить на волнующий вопрос.

Мы иногда не учитываем в нашей работе, сколь велика воспитательная сила воздействия на людей талантливых книг. На штурм рейхстага мы шли не только с грозной советской техникой: в солдатских ранцах были книги В. И. Ленина, в сердцах и умах — бессмертные идеи марксизма-ленинизма.

...В незабываемые майские дни 1945 года на одной из колонн поверженного рейхстага Игорь Васильевич Малышев размашистым почерком написал: «Мы волгари из Саратова и Костромы».

Сейчас Игорь Васильевич работает над докторской диссертацией «В. И. Ленин о роли народных масс». Его окружают книги, о которых он очень точно сказал: «Это тоже солдаты...» И как талантливый полководец организует на поле боя тесное взаимодействие всех родов войск, так и Малышев перечитывает много разных книг, чтобы написать одну дорогую его сердцу книгу — книгу о Ленине.

СТО ТЫСЯЧ ПОЧЕМУ ? ?

Французская пушка.

ЗНАКОМАЯ ПУШКА

«Работая в Мурманском пароходстве, я бывал на дизель-электроходе «Лена» во французском порту Руан, откуда вместе с нашими моряками ездил в Париж. Здесь во дворе Дома инвалидов я увидел пушку, на казенной части ее выбита, очевидно, зубилом, надпись со звездочкой: «Посетили Берлин 11 мая 1945 года Десятерик Иван Ф. (Днепропетровск) и Сауленко Л. Д.» Посылаю фотоснимок. Хотелось бы знать, где теперь эти товарищи»,— пишет нам читатель В. Калаев из Мурманска.

Мы установили, что Иван Феопентиевич Десятерик по-прежнему живет в Днепропетровске. Вот что сообщил он нам: «В день победы над фашистской Германией наша воинская часть находилась в ста километрах от Берлина. Конечно, всем нам очень интересно было посмотреть этот поверженный город. И вот 11 мая наша группа прибыла в Берлин, миновала Бранденбургские ворота и подошла к рейхстагу. С гордостью мы взирали на советское красное знамя Победы, поднятое над рейхстагом. Все мы расписались на закопченных колоннах и стенах этого здания. Позже неподалеку от стоянки наших автомашин я обнаружил полуразрушенный музей, а около него несколько старинных пушек. Тут я и решил оставить на одной из них свою памятку, для чего использовал зубило с молотком. За этим занятием меня застал мой неразлучный боевой друг Сауленко. Он и присоединил свою подпись к моей. Так закончился наш визит в Берлин. А спустя двадцать лет я вдруг увидел в кинотеатре эту самую пушку с нашей надписью: шел хроникальный фильм «Гвоздики нужны влюбленным». Таким образом я узнал, что эта пушка находится теперь в Париже».

Вскоре мы получили письмо и из Одесской области от Луки Дорофеевича Сауленко. «Когда мы впервые рассматривали пушку, то не знали, что она французская и вывезена гитлеровцами из Парижа. Поэтому пусть не обижаются на нас французы за то, что мы расписались на ней, как победители. Ведь если бы не советские воины, то, быть может, не пришлось бы парижанам видеть эту пушку у себя дома».

И. Ф. Десятерик.

В 1945 году...

Л. Д. Сауленко.

В годы войны...

«БЕРЕГИТЕ ОРЛОВ!»

В № 3 «Огонька» за этот год под рубрикой «Сто тысяч почему» была опубликована заметка «Берегите орлов!» На нее откликнулось Министерство сельского хозяйства СССР.

«В последние годы в печати довольно часто появляются сообщения о единоборстве человека с орлами и другими пернатыми хищниками. Как правило, в этом единоборстве человек выходит победителем, а птица гибнет или, искалеченная, становится пленницей. Человек изображается победителем, героем. Но это отнюдь не геройство, а бессмысленное уничтожение птиц, приносящих большую пользу человеку. Отловленные и содержащиеся в неволе хищные и другие птицы в своем большинстве гибнут от неумелого обращения с ними или от голода.

В наше время орлы, подорлики, орланы, скопы и другие пернатые хищники в результате необоснованного преследования человеком стали весьма редко встречаться. А ведь каждая из этих птиц — часть нашей природы, ее достопримечательность.

Хищные птицы приносят большую пользу, истребляя полчища грызунов — вредителей сельского хозяйства.

Жертвами хищных птиц в первую очередь становятся ослабленные и больные животные, которые так или иначе должны погибнуть. Пернатые хищники осуществляют естественный отбор среди животных и выполняют роль санитаров.

С 1964 года в РСФСР запрещено уничтожение пернатых хищников. Повсеместно отменены премии за их истребление. В других союзных республиках также принимаются меры по охране хищных птиц.

Пернатые хищники нужны природе, и они взяты под защиту человека.

Начальник Главного управления
по охране природы,
заповедникам и охотничьему
хозяйству МСХ СССР
Б. БОГДАНОВ».

Великан Тимофей Бакулин и его отец.

ВЕЛИКАНЫ И КАРЛИКИ

Многие читатели обратились к нам с просьбой разъяснить, почему бывают гиганты и карлики, и должны ли радоваться родители, если их ребенок невероятно быстро обгоняет своих сверстников в росте и весе, становится «богатырем». В качестве примера москвич М. Кузнецов прислал в редакцию фотоснимок великана и его отца — человека среднего роста. Тимофей Бакулин начал ускоренно расти с десяти лет и достиг роста двух метров сорока сантиметров. В 1930 году он выступал в городе Пензе, демонстрируя свой рост и силу.

Ответить на эти вопросы мы попросили действительного члена Академии медицинских наук СССР, заслуженного деятеля науки, профессора Георгия Несторовича Сперанского. Он сказал:

— Гигантизм, так же как и карликовый рост,— это отклонения от нормы, и вызываются они ненормальным образованием в организме веществ, регулирующих рост и вес человека. Нормальное развитие каждого ребенка зависит от выделений в его организме в бо́льших или меньших количествах этих специальных веществ — гормонов. От количества гормонов зависит нормальный или ненормальный рост, а также вес человека в периоды его физического развития до поры полного созревания. Следовательно, если замечено, что ребенок слишком быстро растет или полнеет или же, наоборот, останавливается в росте и весе, то следует обратить на него внимание как на больного ребенка и показать его врачу.

В настоящее время институтами эндокринологии и химии гормонов всесторонне изучаются причины ненормальных явлений в росте и развитии отдельных детей и уже довольно успешно излечиваются такие заболевания. Конечно, случаи гигантизма довольно редки. Медицинская статистика показывает, что в каждой стране на десять тысяч жителей приходится от одного до пяти человек необычайно высокого роста.

Сейчас самым высоким человеком в мире считается африканец Джон Камуянга, живущий в Трансваале, его рост — два метра семьдесят пять сантиметров. Самый же маленький человек, по данным Парижского музея человека,— поляк Боруславский: его рост — семьдесят восемь сантиметров.

ОПАСНА ЛИ ЭТА ВСТРЕЧА?

«Пристроившись на пригорке с фотоаппаратом, чтобы заснять какую-нибудь букашку или жука, я вдруг увидел около себя выползающую из травы гадюку. Слегка приподняв голову, она тихонько шипела, словно здоровалась со мной. Мой фотоаппарат сразу же сработал, и его щелчок в тишине показался мне невероятно громким. Змея зашипела сильнее и уползла»,— рассказывает о своем происшествии читатель С. Карбушев из города Таштагола, Кемеровской области.

С его письмом по нашей просьбе ознакомилась заведующая отделом герпетологии Зоомузея МГУ Валентина Федоровна Орлова. Она сказала: «Это действительно гадюка. Как и все змеи, она первой не нападает на человека, а старается скрыться, и только в тех случаях, когда ее потревожат, например, ударят палкой или наступят на хвост, тогда, защищаясь, она нападает на своего противника. Мгновенно выбрасывая голову вперед, гадюка кусает, вонзая в тело ядовитые зубы. В нашей стране гадюка обитает почти повсеместно. Это — полезное животное, истребляющее грызунов и вредных насекомых; яд гадюки используется для приготовления очень ценных медицинских препаратов».

Фото С. Карбушева.

ЧИТАТЕЛИ ОТКЛИКАЮТСЯ

ДОМОВЫЙ ВОРОБЕЙ

В окрестностях города Свердловска, рассказала в своем письме В. В. Золотушкина, мы нашли разоренное гнездо. Около него на земле лежал голый птенчик. Мы взяли его домой и стали кормить насекомыми, творогом, вермишелью, а когда он вырос, то увидели, что это самый простой домовый воробей. Однако он так привязался к нам, что с ним можно было выходить на улицу. Он отзывался на кличку «Яшка».

Валентина Васильевна Золотушкина с воробьем Яшкой.

Дуб «Тутарский».

Фото Я. Мейстерса

Вяз — сторож Красной Слободки

Фото И. Литвякова.

ДЕРЕВЬЯ-ВЕЛИКАНЫ

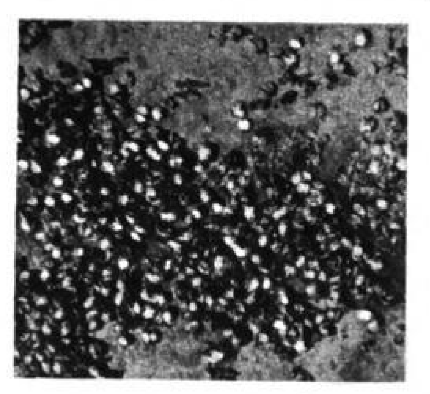
В Валмиерском районе, Латвийской ССР, сотни лет стоял дуб, известный под именем «Тутарский», пишет нам Я. М. Мейстерс. Много легенд о нем сохранили местные жители. Говорят, что в 1708 году во время войны со шведами царь Петр I останавливался со своим штабом под этим дубом. Здесь в 1905 году батраки собирались на сходки. Были времена, когда на дубе вывешивали красные флаги. Большую жизнь прожил этот дуб, и только осенью прошлого года буря повалила его. Теперь на его месте по почину местного рабочего Вальтера Хиртса пионеры Сележской школы посадят дубовую рощу.

У деревни Красная Слободка, Суражского района, Брянской области, возвышается красавец вяз. А почему бы такие старые, но еще могучие и красивые деревья, как этот вяз, не взять под государственную охрану? — спрашивает И. И. Литвяков.

ПРЕКРАСНЫЕ ХИЩНИКИ

«Путешествуя по Волге, мы с женой увидели в городе Ульяновске огромные скопления «божьих коровок». Эти насекомые покрывали всю зелень, площади и улицы»,— сообщил нам ленинградец Н. Александров.

С этой весточкой мы познакомили профессора Евгения Сергеевича Смирнова, заведующего кафедрой энтомологии Московского государственного университета. Он объяснил: «Большие скопления «божьих коровок» можно наблюдать с наступлением осени, когда

они выбирают себе места для зимовки, под опавшими листьями или другими укрытиями, где впадают в спячку на всю зиму. Пробудившись ранней весной, эти красивые насекомые, похожие на крохотных черепашек, неутомимо ищут тлей, которые, как известно, высасывают соки растений, и уничтожают их в несметных количествах. Вот почему «божьи коровки» — это настоящие хищники, но чрезвычайно полезные: именно они во многих районах страны спасают от тлей леса, сады и огороды. Конечно, об этом должны знать все, особенно дети. «Божьи коровки» обычно оранжево-красного цвета с семью черными точками на спинке».

Фото Н. Александрова

Мария ХАЛФИНА

5. КАЛЕЙДОСКОП

ВРАГ УМНЫЙ И БЕСПОЩАДНЫЙ

Как мы разошлись? А мы не расходились. Виктор был на практике, я сложила в чемодан свои тряпочки, забрала в техникуме документы и уехала. Вот и все. Дальше вы сами знаете. Полгода поработала — и в декретный. Родила себе Илюшечку-душечку и живу-поживаю, добра наживаю.

Ладно. Вы Илюхе моему вроде бабушки, я расскажу, чтобы вам разные трагедии не мерещились. Не было никаких трагедий. Все очень просто получилось. Я в деревне была, практику проходила в сельской библиотеке. Схватила воспаление легких. Девчонки Виктору написали, он примчался... Выписалась я из больницы, и мы там же, в деревне, поженились. Мы с ним два года дружили, а жениться порешили, когда он институт окончит. Я должна была за это время закончить техникум, начать работать и заочно учиться в Московском библиотечном.

А тут взяли и поженились. Я очень тяжело переболела. Виктор со страху чуть с ума не сошел. Он и говорит: «Ксанка, убедилась? Нельзя нам больше друг без друга...»

Ну и поженились. Он написал матери письмо. Хорошее, большое письмо. И я сдуру подписалась — «ваша Ксана». Она не ответила. Виктор меня успокаивал: «Не думай ни о чем. Мама у меня умница. Она тебя полюбит, когда поближе узнает».

Он ее очень уважал. И верил ей во всем. Отец его Илья Дмитриевич в Берлине погиб, перед самой победой. А Виктор у нее один-единственный. Он мне несколько раз говорил: «Мама мне всю жизнь отдала...»

Свекровь моя — хирург. Очень хороший хирург. И вообще она на все руки мастерица. Хозяйка прекрасная, и пианистка, и рукодельница. Ее художественные вышивки даже в Москве на выставке прикладных искусств экспонировались.

Ну, вот, приехали мы. Вышла она в прихожую. А я после болезни — пугало огородное. Длинная, худющая... глаза по ложке, нос торчит. Виктор держит меня за руку и говорит: «Мама, знакомься. Это моя Ксюшка». Обычно он меня Ксанкой звал, а Ксюшкой... ну это только для нас двоих.

Смотрит она на меня и молчит. Потом перевела взгляд на Виктора. Лицо спокойное, каменное, а в глазах... отчаяние и жалость. Понимаете? «Несчастный мой Виктор...» Вот что у нее было в глазах. Потом она все же подала мне руку. И сказала тихо так... с расстановкой: «Здравствуйте... Ксюша».

Вот так и началась наша семейная жизнь. Мой медовый месяц. Обращалась она ко мне не часто. Вообще я для нее вроде как не существовала. Живу рядом, дышу, и в то же время будто меня не было и нет. А обращалась всегда очень вежливо и только на вы: «Пожалуйста, Ксюша», «Будьте добры...».

Мне хотелось разгрузить ее от домашней работы, чтобы не быть обузой, но в первые же дни выяснилось, что я ничего не умею делать... Даже посуду мыть она мне не доверяла... Возьмет тарелку или стакан и так брезгливо ошпарит кипятком. Возьмусь за какое-нибудь дело, она подойдет и вежливо, без раздражения: «Не нужно, Ксюша. Прошу вас, не нужно. Идите к себе».

Только пол мыть мне разрешалось, позднее до стирки допустила. Я и тому рада была... В общем, чувствовала я себя как привезенная из деревни неумеха-горничная... Ксюша. Только та и разница, что неумелых горничных барыни обучают, а меня она обучала на особый лад.

Как-то я взяла щетку, надо было Виктору костюм почистить, и забыла сразу на место положить. Она положила щетку на полочку и говорит: «Я попрошу вас, Ксюша, без разрешения мои вещи не брать и в мое отсутствие в комнату мою не входить».

Вот так вот вежливо и культурно учила она меня уму-разуму.

Несмотря на пятьдесят с лишним лет, она еще очень красивая была. Одевалась элегантно, следила за собой. Изящная... Умная... Умелая. А я, честное слово, сейчас даже понять не могу, что тогда со мной происходило. Я тупела в ее присутствии, становилась неуклюжей, косноязычной, была совершенно бессильна против ее тактики.

К ней часто приходили в гости ее приятельницы. Такие же интеллигентные, воспитанные, остроумные. Беседуют в столовой, негромко, вспоминают какую-то медсестру Валю, уволенную из их клиники.

Моя свекровушка, Калерия Анатольевна, говорит грустно, сожалеюще:

— Просто она была до ужаса бездарна... Между прочим, в народе этих несчастных людей называют никчемушными. За что ни берется, все получается тускло, неловко, некрасиво...

Потом они начинают спорить о женской обаятельности.

— Юлечка, дорогая, дело не в красоте. Возьмите Нину Аркадьевну: и носишко вздернут, и рот великоват, а в целом прелесть.

Это опять же, конечно, она говорит, Калерия Анатольевна.

— Женская обаятельность... трудно определить, из каких элементов она слагается. Сочетание изящества, врожденной женственности с острым, живым умом, чувством юмора... Нет, нет, дорогая моя! Разумеется, воспитание играет огромную роль, но никакая внешняя культура, никакой диплом и даже ученая степень не могут компенсировать этой... я бы сказала, женской неполноценности.

Они рассуждают о своих делах, о незнакомых мне женщинах, но я-то понимаю, что все эти откровения адресованы мне. Что это я никчемушная, от рождения лишенная женского обаяния.

Я тогда еще не понимала, что это враг. Умный и беспощадный. Она боролась за Виктора. Осторожно и последовательно ставила меня перед ним в глупое, нелепое положение. Она сажала меня в калошу, чтобы «раскрыть ему глаза», показать, насколько я неполноценна и как человек и как женщина.

А я была совершенно безоружна... Но я не хотела сдаваться. Решила научиться всему, что умеет она. Стала посещать музыкальный кружок, украдкой изучала «Книгу молодой хозяйки», начала втихомолку рукодельничать.

Как-то я забыла в столовой свою начатую вышивку. Калерия Анатольевна пришла вечером с приятельницей. Развернула мое рукоделие и прижала ладонь к губам... Понимаете? Чтобы не обидеть меня своим смехом! Хотя она прекрасно видела, что я стою в дверях, за ее спиной: «Боже! Дорогая, взгляните на этот шедевр!» Я спряталась за дверью. Как они хихикали, как потешались надо мной!

Вечером я выбросила свою несчастную вышивку.

Приехала к ней из Новосибирска погостить двоюродная сестра. Привезла показать своих молодоженов — сынка и невестку Оленьку. Ничего в этой Оленьке не было особенного. Пухленькая, беленькая... Просто она была очень счастлива... Свекровь она называла мамой... Калерия Анатольевна любовалась каждым ее движением, смеялась каждой шутке.

Вечером Виктор и Оля сели за пианино, стали играть в четыре руки. Калерия Анатольевна вдруг поднялась и торопливо пошла к двери. На пороге остановилась и через плечо посмотрела на Виктора... Если бы вы видели, какое у нее было лицо, какие глаза!.. Словно он на кресте был распят. К столу вернулась с красными, опухшими глазами. Оказалось, что она тоже умеет плакать...

Виктор? Не знаю. Или он не замечал, или не хотел замечать. Слишком уж он был уверен в ее порядочности, в ее благородстве.

За все время она не обидела меня ни одним резким словом, ни разу голоса не повысила. На что я могла ему жаловаться? Что она барыня, а я... Ксюша? Что я тупею и цепенею от од-

---

Окончание. См. «Огонек» №№ 14, 16, 17, 18, 20.

ного ее взгляда... становлюсь идиоткой. Что я боюсь и ненавижу ее...

Я знала, что он меня любит, но он и ее любил... он был убежден, что она не способна на подлость. Он говорил: «Мама по своему характеру человек очень сдержанный. Она не переносит сантиментов и всяких там эмоций, но она очень добрая... Она должна к тебе присмотреться...»

Весной, перед самыми экзаменами, я узнала, что беременна. Виктору я не сказала. Обдумала все в одиночку. Решила, когда он уедет на практику, лягу в больницу. И все. Думала, никто ничего не узнает. А она, оказывается, сразу догадалась. И тоже ждала, когда Виктор уедет.

Когда он уехал, она написала мне письмо. Храню его как память «о счастливых» днях своего скоротечного замужества. И как... оправдательный документ...

Заучила от слова до слова, на всю жизнь, как молитву. Закрою глаза — каждую буковку вижу... Прослушайте и оцените... Какой слог! Лаконичность... сдержанность. И никаких сантиментов.

«Я не могу говорить с вами лично, это было бы слишком тяжело и для вас и для меня. Вы видите в ребенке средство навсегда приковать к себе несчастного Виктора. Вы знаете, что, как порядочный человек, он ради ребенка принесет себя в жертву. Подумайте и взвесьте все. Неужели за юношескую ошибку он должен рассчитаться такой дорогой ценой? С его одаренностью, с его интеллектом семья означает его духовную гибель. Я не хочу вас оскорбить. Но я слишком хорошо знаю Виктора. Настоящее чувство придет к нему значительно позднее. Он не созрел, чтобы быть не только отцом, но и мужем. И вы, по-моему, в этом уже достаточно убедились...»

Прочитала я это лишенное сантиментов письмо, быстренько собралась и, не прощаясь, отбыла в неизвестном направлении... на край света, за тридевять земель.

Виктору в надежном месте оставила записочку: «Калерия Анатольевна считает, что ты не созрел для роли мужа. Созревай, я подожду. Сейчас искать меня не пытайся. Я не вернусь. Убедишься, что я тебе нужна, найдешь. Но не спеши. Созревай, я буду ждать. Ксения...»

А в больницу я не пошла. От Виктора я временно отреклась в пользу свекрови. И хватит с нее. А Илюшка мне самой нужен... Мне без него нельзя...

ТРИ ИСТОРИИ

История первая

— Ты понимаешь, дело даже не в том, что она говорит, а как говорит. Именно тон, каким она с нами вдруг заговорила.

Жили вместе почти шесть лет, и все было хорошо. Случалось, конечно, ругались. Я, по правде сказать, в последнее время здорово психовать стал, грубил ей иногда. Ну, поплачет, подуется, и опять все обойдется. Первые годы, когда я ее привез, всем нам туго пришлось. Мы поженились — я на четвертом курсе был, Натка на первом,— и вскоре Маришка наметилась. Пришлось за матерью ехать.

А она только-только на пенсию пошла. Собиралась как раз в Алма-Ату, к тете Ане ехать на яблоки да виноград.

Поплакала, конечно, все же согласилась помочь нам, пока я институт не закончу. Закончил институт, в аспирантуре оставили. Кандидатскую защитил. Жили в общежитии, комнатушка — на четверых пятнадцать метров. Материально едва-едва концы с концами сводили. Маришка рёва была страшная, болела часто, и все было ничего! Не жаловалась, не хныкала... ни разу, ни одним словом не упрекнула. Наоборот, нас еще подбадривала: «Потерпите, вот получим квартиру, ты, Сашок, диссертацию закончишь, Наташа диплом получит...»

А теперь квартира со всеми удобствами: у нее отдельная комната; денег втрое больше; Маришка подросла, в садик ходит... Казалось, чего бы еще нужно? Натка диплом защитила, работу получила хорошую, а через неделю мамаша вдруг заявляет:

— Теперь, Саша, придется тебе вставать пораньше. Будешь сам Маришку в садик провожать.

Я говорю:

— Почему это я обязан раньше вставать?

— Потому что Наташе далеко ездить, а тебе попутно. И еще потому, что ты папа.

— Я папа,— говорю,— а ты кто? Тетка чужая?

— Нет, почему же? Тебе я мать, а Маринке бабушка. Я об этом помню...

Спокойно так, понимаешь, отвечает:

— А вот вы, видимо, забыли, что пять лет назад родили ребенка. Я его вам пять лет растила, дала Наташке возможность спокойно учиться, а тебе диссертацию защитить. Я свой долг с лихвой выполнила и больше никому ничего не должна. С полным правом могу сказать: «Ныне отпущаеши раба твоего...»

Говорит и улыбается: вам теперь самим придется о своем родительском долге вспомнить. Слава богу, обоим под тридцать лет...

Меня зло взяло:

— Ведь и ты тоже не стара и не больна...

— Совершенно,— говорит,— правильно, сынок. Не настолько я еще стара и больна, чтобы отказаться от жизни. Я вам отдала шесть лет своего отдыха, а они ведь уже на исходе, годы-то мои. Поэтому давайте договариваться и распределять обязанности.

И пошла выкладывать пункты договора:

— Брать из садика Марину буду я, чтобы вам не бегать с работы высунув язык. Буду готовить обед. На рынок и в магазин будет ходить Саша. Стирка и уборка квартиры теперь Наташина забота. Три вечера в неделю — ваши, два — мои. Суббота — ваш выходной, воскресенье — мой. Или наоборот, предоставляю вам право выбора. По утрам на меня не рассчитывайте. Пора и мне испытать, что это такое: полежать утром лишний часок в постели. Отпуск планируйте не позднее июля, потому что на август и сентябрь я уеду к Аннушке в Алма-Ату. И, пожалуйста, Саша, не злись и не груби. Больше я тебе хамить не позволю.

Представляешь? Предъявила ультиматум, вручила ноту и спокойно удалилась на собственную жилплощадь.

И дверь за собой закрыла.

История вторая

Двадцать лет назад это была трехкомнатная коммунальная квартира на три семьи. Анна Яковлевна с дочерью Верой занимала небольшую тихую комнатку в конце коридора.

На двадцатом году Вера вышла замуж, а когда подошло время родиться Витасику, молодые перебрались к Анне Яковлевне, обменявшись комнатами с ее добрым соседом, который очень любил Верочку и охотно пошел на обмен, чтобы дать возможность Анне Яковлевне объединиться с детьми и снять с Верочки заботу о ребенке. Через несколько лет освободилась и третья, большая, светлая комната. Зять Николай Сигизмундович к тому времени уже имел ученое звание, ему полагалась дополнительная площадь. Комната осталась за ними.

Квартира была заново отремонтирована, благоустроена, и наконец-то Вербицкие зажили «по-человечески». У молодых была хорошо обставленная спальня, Витасик жил с бабушкой в ее комнатке, а столовая служила и гостиной и приемной Николая Сигизмундовича, когда к нему приходили его сотрудники по институту. Семь лет назад семья Вербицких неожиданно увеличилась. Приехал племянник Николая Сигизмундовича, единственный сын его любимого старшего брата, который в свое время заменил для Николая Сигизмундовича рано умершего отца.

Игорек, очень симпатичный, воспитанный мальчик, приехал учиться в институт Николая Сигизмундовича. Конечно, невозможно было допустить, чтобы Игорек скитался по общежитиям, он должен был жить в семье дяди, под его руководством и опекой.

Положение создалось критическое. Где-то нужно было поставить еще одну кровать, и мальчику нужен отдельный рабочий стол. Приходилось жертвовать столовой.

Выход из положения нашла бабушка. Она переселилась в кухню, а ее комнату стали называть комнатой мальчиков.

Несмотря на разницу в годах — Витасику было всего девять лет,— мальчики очень дружили и прекрасно уживались в небольшой бабушкиной комнатке.

А в кухне, перегороженной большим старым буфетом, за ситцевой портьерой, получился довольно уютный угол. В него свободно вместилась раскладушка, небольшой столик и ножная швейная машина, с которой бабушка не расставалась.

Правда, кухня была проходная, в нее выходили двери туалета и ванной комнаты, но ведь семья-то своя, что тут особенного?

Тем более что вставала бабушка раньше всех, чтобы успеть приготовить горячий завтрак и, проводив семью, сразу же приниматься за уборку квартиры.

Все это было семь лет назад. Давно закончил институт и уехал к родителям Игорек, «малыш» Витасик перешел в девятый класс, начала стареть и прихварывать бабушка. Теперь в кухне хозяйничала приходящая домработница Поля.

А сегодня...

— Веруся, сходила бы ты в поликлинику... мой врач Сергей Геннадьевич просил, чтобы ты зашла...

— А что такое, мама? Что случилось?— встревожилась Вера Павловна.

— Да ничего не случилось, его беспокоит моя бессонница. Я ведь, детка, уже полгода спать не могу...

— В чем дело? О чем разговор, уважаемые дамы?— Николай Сигизмундович прекрасно настроен. Дела в институте идут великолепно. Предстоит интересная заграничная командировка.

— Так что же стряслось? Чем мои дамы озабочены?

— Мама жалуется на бессонницу, ее врач просил меня зайти к нему в поликлинику.

— Да, бессонница — пренеприятная штука! Сам не раз испытал, знаю. Но вы, Анна Яковлевна, не должны расстраиваться... Возрастные явления, что поделаешь, дорогая, годы! Мне сорок четыре, а я уже начинаю ощущать груз лет. Нужно, Верусик, сходить к врачу, посоветоваться. Есть великолепные снотворные. Безвредны и действуют радикально. Они не всегда бывают в аптеках, но думаю, что я смогу достать...

— Снотворные может применять тот, кто имеет возможность выспаться, а я этой возможности лишена...— тихо сказала Анна Яковлевна.

— То есть?!— удивился Николай Сигизмундович.— Я вас не понял...

— Я не могу больше жить в кухне... Я устала... Мне покой нужен, вы же сами говорите, годы... И на раскладушке я со своими больными суставами больше спать не могу...

Анна Яковлевна через силу улыбнулась:

— Я утром из нее никак не могу выбраться...

— Не понимаю, что же вы хотите?

— Я хочу занять свою комнату. Когда Игорек уехал, я все ждала, надеялась, что вы сами поймете... два года прошло, как он уехал...

— Анна Яковлевна, Виталию шестнадцать лет. Он уже юноша, и вы сами знаете, как много ему приходится работать...

— Мамуся, что с тобой?!— перебила Вера Павловна.— Просто тебе сегодня нездоровится, у тебя плохое настроение... Ты же так любишь Витасика... Боже мой! Я просто ушам не верю! Успокойся, мама, все можно обсудить, обдумать... Ты знаешь, Коля, сделаем так: эту старую громадину — буфет — давно пора из кухни выбросить. Купим кухонный гарнитур, он так мало занимает места. Закажем хорошенькую легкую ширму для мамы, Витасику купим диван-кровать, а маме поставим ее тахту из Витасиной комнаты, холодильник можно поставить в коридор, конечно, он своим бумом беспокоит маму...

— Верочка... ты пойми!— взмолилась Анна Яковлевна.— Мне покой нужен! Вечером я так хочу спать, а у нас ведь редкий вечер нет гостей... или у Витаси мальчики... в кухне все время люди... до двенадцати, до часу ночи... Потом вы уснете, а у меня сон переломился, я лежу, лежу... господи! Под утро задремлешь, а в семь уже Поля приходит... Витасик душ принимает... потом вы встаете...

— Зато, Анна Яковлевна, с девяти и до пяти

часов дня в вашем распоряжении вся квартира, неужели в течение дня вы не можете выспаться?

Анна Яковлевна пристально, с каким-то странным, жестким любопытством смотрела в лицо зятя. Чужое, незнакомое лицо. Неужели это он, любимый зять, честный и справедливый, которого она знала больше двадцати лет?

А Вера? Неужели это она, ее Верунька? Эта чужая толстая женщина — красные пятна на лице, злые глаза... Что же с ними случилось? Как это она не заметила, просмотрела, когда они стали такими...

— В конце концов у вас есть сын...— услышала она холодный и жесткий голос зятя, словно сквозь сон услышала...— Не нравится вам у нас, поезжайте к Александру...

Анна Яковлевна тяжело поднялась и, преодолевая внезапно возникший в ушах острый и резкий шум, сказала, спокойно усмехнувшись:

— Спасибо за совет, Николай Сигизмундович. Александру я не помогала детей растить, потому что двадцать лет жизни отдала Верочке и вам. Я думала, что я для вас мать, а оказывается, была я вам нужна как кухарка, прачка... нянька...

— Мама, одумайся, что ты говоришь?! Зачем эти упреки?! Ты делала то, что делают все матери...

— Правильно, дочь. Я выполняла материнский долг, выполнила его до конца, безотказно. Но люди говорят, что, кроме материнского, бывает еще и сыновний долг, в данном случае дочерний. Вы о таком не слышали? Так вот. Ехать мне некуда и незачем. Здесь мой дом. Моя комната, в ней я и буду жить.

Шум в ушах усилился, и в глазах начинало рябить. Она уже плохо слышала, что говорили дочь и зять.

Да и не следовало ей больше ничего слышать.

...Она лежала на своей раскладушке, закрывшись с головой одеялом. Ушли в театр Вера и Николай Сигизмундович. Пришел Виталий. Анна Яковлевна слышала, как Поля говорит с ним в коридоре сердитым полушепотом. Потом, видимо, задремала, померещилось, что кто-то тянет осторожно одеяло.

Перед раскладушкой на корточках сидел Витасик.

— Вставай, бабуся, переселяться будем... Ну, чего ты расстроилась? Это же я, балда, осел лопоухий, виноват. Не мог сам додуматься. И ты тоже хороша, сказала бы мне сразу, как Игорь уехал... Ты думаешь, мне здесь хуже будет? Завтра я буфет к чертям собачьим, в сарай... Во всю стену стеллаж под книги сгрохаю, стол вот сюда к окну, раскладушку днем за печку, представляешь, как здорово получится? Чего ты плачешь? Зачем ты с ними говорила?! Это же мещане, обыватели... Ты с ними не смей говорить, пока они перед тобой не извинятся...

Из-за портьерки выглянула Поля, сердито цыкнула на Виталия:

— Хватит болтать-то! Айда перевозиться, я там твои монатки уже склала. А вам, Яковлевна, нечего переживать... тоже мне... пришла охота... переживать. Правильно Витька-то говорит: пущай прощения попросят, а вы еще подумаете, прощать или нет. Вы в своем праве, давно было пора... Айда, Витька, пошли стол перетаскивать!

История третья

Нежданно-негаданно. Иногда перед большой бедой человека начинает томить смутная, неясная тревога. Предчувствие крадущейся беды...

Но чаще беда приходит так вот... нежданно-негаданно. Несколько месяцев мучили головные боли. Болел висок, ломило глазницу. Потом что-то неладное начало твориться с глазами. Елена Антоновна сама установила диагноз: возрастное... обостряется старческая дальнозоркость, нужно менять очки.

Пошла к окулисту. Глаукома...

Бывает так: услышишь название болезни, узнаешь зловещий ее смысл, но как-то не дойдет до сознания, что болезнь эта может поразить и тебя... Есть болезни, которых боятся все... А эта словно нож в спину. Нежданно-негаданно.

Врач-окулист, немолодая женщина с усталым милым лицом, сказала строго: «Главное — не падать духом. Лечиться и выполнять все, что я вам сейчас скажу...»

Выполнять ее предписания означало: никаких физических усилий, резких движений, переутомления... Режим сна и питания. Но главное — душевный покой. Никаких волнений. Научиться беречь нервы, не поддаваться раздражению...

Душевный покой! Если бы его можно было по рецепту врача купить в аптеке!.. Никаких физических усилий... Это значит: теперь вся домашняя работа свалится на плечи невестки. После замужества внучки Катюши в семье осталось всего три человека, но Елена-то Антоновна знает, как изматывает, сколько берет времени и сил эта проклятая домашняя работа.

Пока что Елена Антоновна справлялась с ней одна. Ни сын, ни невестка о доме заботы не знали... Что же будет теперь?

И как набраться решимости рассказать о беде сыну? Конечно, это уже не тот Леня — внимательный, отзывчивый, каким он был еще десять лет назад. Все же он, конечно, разволнуется, он же знает, что эта болезнь опасная, грозит слепотой. Боже мой, как это все сейчас несвоевременно, именно сейчас, когда он так много, так напряженно работает...

Дважды их маленькая семья проходила через тяжелые испытания.

После рождения Катюши Тоня тяжело заболела. Только что окончилась война, в те трудные годы, да еще в таком возрасте, туберкулез был очень страшен. Спасти Тоню могло только полноценное калорийное питание. Елена Антоновна в двух детских садиках была музыкальным работником. Ее и Ленинего заработка не хватало на самое необходимое.

После больницы Тоне дали путевку в туберкулезный санаторий. А врачи сказали: «Вот если бы она могла побыть в санатории пять-шесть месяцев...» Денег не было. Но у Елены Антоновны было пианино. Единственное достояние. Раньше ей казалось, что без него она просто не смогла бы жить.

Она продала пианино. Тоню после санатория отправили на кумыс, потом они с Леней еще отдыхали в Крыму.

Теперь даже не верится, что эта цветущая, красивая сорокалетняя женщина — Антонина Сергеевна, главбух огромной фабрики — та самая Тонечка... Такая была слабенькая, кормить приходилось с ложки... Ее с ложки, а малышку, Катюшку, из бутылочки. Спасать-то обеих пришлось: маму и ребенка. Родилась Катюшка немного раньше времени.

Не успели отдохнуть от одной беды, свалилось второе испытание. У Леонида обнаружилась язва желудка. Опять диетический стол, беготня по магазинам в поисках необходимых продуктов. Да еще Ленины капризы. Он стал очень нервный, раздражительный, требовательный. Конечно, его тоже можно было понять. Взрослому, крупному мужчине питаться кашками да протертыми овощами — поневоле характер испортится.

Язва зарубцевалась. Теперь Леонид Константинович и Антонина Сергеевна ежегодно ездят летом на юг или на Рижское взморье сгонять излишки веса.

Только через неделю решилась Елена Антоновна рассказать сыну о своей беде. Заплакала только под конец разговора. Заплакала от жалости к сыну: так он встревожился и огорчился.

Хмурый, расстроенный, шагал по комнате, потом подсел к матери на диван: «Ничего, мама, держись. Ты ведь у нас молодец. Лечись, отдыхай... все образуется».

Несколько раз он сам съездил на рынок. Сам увез в прачечную крупное белье. Потом они начали с Антониной ссориться.

— Я работаю наравне с тобой!— кричала сквозь слезы Антонина.— Я в конце концов тоже живой человек, устаю не меньше тебя! Ты же видишь, мама только готовит, даже в магазин я вынуждена ходить сама.

— Подумаешь! Заработалась! Ты что? Воду на себе носишь? Печи топишь? Черт знает что! Все удобства: горячая вода, канализация, машина стиральная... а белье отдаем в прачечную. Придется, видимо, мне за стирку приниматься. Сорочки ношу по пять дней... пижамы не глажены, пол по неделе не мыт...

Слушать их было стыдно и больно.

Понемногу все становилось на свои места. Трудно лежать, если в холодильнике пусто, хорошего обеда не из чего приготовить... Как лежать, если у Леонида ни одной свежей сорочки нет, если Антонина, простирнув пустомоем по сменке белья, сушит его на батареях...

Елена Антоновна ехала на рынок, тащила на свой четвертый этаж две битком набитые сумки... Бегала по магазинам, стирала и гладила, убирала квартиру. Только бы не слышать, как они ссорятся, выясняя, кому ехать в прачечную за бельем или кто виноват, что к завтраку не оказалось кефира и свежего хлеба. Все пошло по-прежнему.

Все реже справлялся Леонид Константинович о самочувствии матери. Все реже говорила ей Антонина Сергеевна: «Идите отдыхайте, мама, я сама сделаю...»

А болезнь прогрессировала. Давление глазного дна не снижалось, усиливались боли, слабело зрение, кружилась голова. Елена Антоновна вставала утром через силу, разбитая, неотдохнувшая.

Наконец она не выдержала:

— Леня, не съездить ли мне в Томск, там профессора-окулисты, клиника глазная славится...

— Я говорил о тебе с доктором Воронецким. Он хотя и не окулист, но врач великолепный. Так вот, он утверждает, что глаукому лечат везде одинаково. Все, что есть нового в медицине, применяют и здесь. Будет необходимость — оперируют. Главное — не паниковать.

В голосе Леонида Константиновича слышалось привычное раздражение. Он не выносил, когда его отвлекали от работы.

— Поездка ничего тебе не даст, кроме волнения и усталости. Кроме того, ты же знаешь, что Антонина едет в командировку, оттуда завернет недели на две к своим, они ее второй год ждут...

После этого разговора Елена Антоновна замолчала. Перед ней открылась горькая истина: сын и невестка уже привыкли к тому, что она больна. Они примирились с мыслью, что она может ослепнуть. Помощи ждать было не от кого. Она оказалась один на один со своей бедой. Физические страдания, ужас перед надвигающейся слепотой — это еще можно было перенести... Пришла тоска. Все опротивело. Все в этом доме стало чужим и безразличным. Вялая, равнодушная, бродила она по квартире, механически управляясь с опостылевшей домашней работой.

Антонина Сергеевна ночью жаловалась мужу:

— Просто не понимаю, что ей нужно? Что она дуется? Ходит... молчит. Я ей говорю: «Чувствуете себя плохо — лежите. Никто же не заставляет вас ходить. Что успею — сделаю, не успею — и так обойдется». А она смотрит и усмехается, словно я глупость какую сказала. Или сядет и сидит, как изваяние. Уставится глазами в одну точку, будто задачу какую решает. Смотреть неприятно...

— А ты не смотри. Человек стареет, болен... Потерять зрение — штука нелегкая.

— Я понимаю, но ведь не мы же виноваты в ее болезни... Нет, все-таки раньше она была совсем не такая...

Несколько дней Елена Антоновна уходила куда-то с самого утра.

Как-то возвратилась она домой поздним вечером, когда Леонид Константинович сидел за своим рабочим столом, углубившись в какой-то сложный чертеж, и, не постучавшись, вошла в комнату.

— Леня, мне нужно с тобой поговорить...

— Извини, но сегодня никак не могу... Я занят...— не отрываясь от работы, ответил Леонид Константинович.

— А я не могу ждать, выслушай меня...

Леонид Константинович изумленно взглянул на мать. Таким тоном она говорила с ним лет тридцать назад, когда он нашкодит, бывало, в школе или во дворе.

Она стояла перед ним спокойная, словно помолодевшая... Мама его далекого, полузабытого детства.

— Завтра утром мне нужно сто десять рублей. Был консилиум, я еду в санаторий, где лечат глаукому. Путевка уже оформлена. На

дорогу я отложила из своей пенсии, а путевку оплатишь ты.

Из спальни вышла Антонина Сергеевна, встала за плечом мужа.

— Не понимаю...— растерянно усмехнулся Леонид Константинович.— Ты даже не трудилась спросить, располагаю ли я сейчас такой суммой...

— Суммой ты располагаешь во много раз большей. Помолчи, Тоня. Я говорю с сыном. Возможно, вам придется отказаться в этом году от поездки на юг. Врачи говорят, что одного месяца лечения будет недостаточно, ты вышлешь деньги на продление путевки и на обратный путь...

— Но, позволь...

— Нет, не позволю,— твердо перебила мать.— Я, Леня, хочу задать тебе один вопрос: помнишь ли ты тот исторический день, когда единственный раз в жизни ты поцеловал мне руку? Я тебе напомню. Нужно было спасать жизнь Тоне и Катюшке. Я продала пианино. Ты-то знал, что такое для меня — лишиться инструмента. Нет, я не упрекаю. Я хочу, чтобы вы попытались понять... Вы считаете, что в моем возрасте уже не страшно потерять зрение. А я не хочу слепнуть, и лечить меня будешь ты, сынок. Будем считать, что ты отдаешь мне долг. Не обижайтесь, я была вынуждена начать этот разговор... Я все ждала, что ты сам, Леня... Ждать больше нельзя ни одного дня. Деньги мне нужны завтра к десяти часам.

Она ушла. Антонина испуганно смотрела в лицо мужа. Таким жалким, растерянным она видела его впервые.

НЕ ДОЖИВАТЬ, А ЖИТЬ!

Человек не должен бояться старости. Старость не радость, но не должна она быть для человека и неминучей бедой.

Счастливая старость — удел избранных. В одном случае это люди, до глубокой старости не утратившие основных физических и умственных качеств, до конца продолжающие оставаться полезными членами общества. Во втором случае это члены тех редких семей, где любовное и бережное отношение к старикам помогает им менее болезненно переносить и неизбежные старческие недуги и сознание своей неполноценности.

Страшна не биологическая старость с ее утратами, физическими страданиями, ожиданием близкого конца. Большинство стареющих людей спокойно и здраво встречает естественные и неизбежные приметы старения.

Труднее привыкать к мысли, что ты — еще недавно активный, полноправный член общества и семьи — постепенно становишься для них бременем, обузой.

Большинство наших стариков материально обеспечено пенсией, честно заработанной за долгие годы труда, и все же сознание своей немощности и бессилия невольно порождает в старике чувство унизительной зависимости от окружающих.

И вот тут-то все зависит от характера и душевных качеств старика. Некоторые старики, к сожалению, очень немногие, вызывают во мне чувство восхищения.

С таким естественным достоинством воспринимают они свое новое состояние — состояние человека, отдавшего обществу и семье все, что имел: силы, здоровье, знания, любовь,— и теперь как должное использующие свое право на отдых, право на жизнь и на те блага и радости ее, которые еще доступны их возрасту.

Вторая категория — доживающие. Те, что безропотно принимают тезис молодых: а чего тебе еще нужно? Те, что покорно отползают на обочину жизни, чтобы по возможности облегчить для окружающих бремя своего существования.

А на противоположном полюсе — старики, отстаивающие свои «права» строптиво, а порой и агрессивно.

Они кичатся своим жизненным опытом, своей старческой мудростью, которая, увы, свойственна далеко не каждому старику.

А молодость смешлива. Она видит внешнюю сторону: неуживчивость и сварливость стариков, настырное желание назидать и поучать молодых. Претензии стариков на какое-то особое уважение нередко действительно жалки и комичны.

На столе ворох газетных вырезок. Анна Михайловна, моя приятельница, не спеша перебирает их и, прочитавши, складывает в аккуратную стопку.

«...По сравнению с дореволюционной Россией в Советском Союзе продолжительность жизни человека выросла более чем в два раза».

«...сегодняшние 70 лет обещают нам завтра сто!»

«Усилия медиков будут направлены к тому, чтобы продлить творческий период жизни, отодвинуть начало старости».

«...Добиться продления активного, творческого периода нельзя без успехов науки...»

— Да-а! — вздохнув, говорит Анна Михайловна и, сняв очки, кладет их на стопку вырезок.— За великое дело наука взялась. И ведь добьются, как ты думаешь? Прочитала я на днях в газете одну штуку, и такая меня зависть обуяла.

Понимаешь, в виде опыта построили платный пансионат для престарелых. Для одиноких, ну и для тех, кому в семье неладно живется. Дома не выше двух этажей, в зеленой зоне, у реки и от города близко. Отдельные квартирки... Это, по-моему, роскошь. Я так считаю, иметь бы небольшую, светлую комнату для каждого. И общую столовую. Гостиную, рабочие комнаты, библиотеку с читальней... Цветник бы старики развели, сады хорошие...

Я гляжу на Анну Михайловну с удивлением. Семья у нее вроде бы благополучная, и сама она из тех стариков, что, превратившись к семидесяти годам в печеное яблоко, умеют сохранить и добрый характер, и чувство юмора, и интерес к жизни.

— Устала я...— говорит она тихо, перехватив мой удивленный взгляд.— Устала... с ребятами ссориться начинаю... Отдыхать пора... а в семье ничего с отдыхом не получается. Жила бы в таком пансионате, соскучилась о ребятах или помощь им моя понадобилась — приехала бы, подомовничала, погостила... И была бы я для них всегда милой мамочкой, дорогой гостьей...

И еще мучает меня одна мысль... Вдруг залежишься, в больницах-то нашего брата подолгу не держат. Выпишут помирать к детям, чтобы и они терзались, на тебя глядя, и ты будешь для себя смерти молить, чтобы только побыстрее развязать им руки...

А пансионаты могли бы и свою больницу иметь. Я уже все обдумала, распланировала. Мы, пока кто в силе, сами в очередь за своими больными ухаживали бы, врачам и сестрам помогали... А еще можно бюро добрых услуг организовать в помощь молодым семьям по уходу за малышами.

Анна Михайловна тихонько засмеялась.

— Я и название для нашего бюро придумала: «Бабушка». Хорошо, верно? Да мало ли чего еще можно придумать, чтобы и нам интересно и людям на пользу! Все, конечно, по желанию. Не хочешь или не можешь — не надо, отдыхай сам по себе, как тебе нравится...

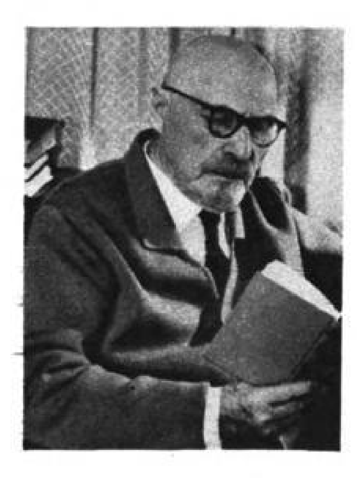
На детей я не жалуюсь...— говорит она, когда вечером мы вдвоем с ней заканчиваем наш поздний ужин.— Может, сами мы виноваты, что так их воспитали, или время уж теперь такое... особое. В чем наша беда? Ненавидят они быт. Какое-то отвращение у них к домашним делам, к бытовым заботам... Ребятишек рожают, а возиться с ними ни терпения, ни охоты нет... Ради своих удобств, своих интересов, развлечений готовы они из старика остатки силенок выжать.

Ты думаешь, чего это я сегодня к тебе прискакала? С дочерью по душам поговорила, выложила все, что за последние годы передумала. Соня говорит: «Ну, мама, что ты сравниваешь? Я молодая. Я хочу жить! Мы, современная молодежь, не можем жить так, как вы жили в молодости. У нас совершенно другие запросы...» А я говорю: «Совершенно правильно. Но и мы, современные старики, тоже несколько иной формации, чем были наши отцы и матери. И мы тоже не хотим жить так, как они жили в старости. Представь себе, Сонечка, что и у нас есть свои интересы, и запросы, и потребность в общении с людьми. У вас вся жизнь впереди, а у нас считанные годы, и хочу я эти последние свои годы прожить как человек. Вспомни, много ли я видела в жизни светлого, пока вас троих не поставила на ноги? А теперь я хочу отдыхать, понимаешь, временем своим распоряжаться хочу по-хозяйски, читать вволю, развлекаться. Пойти в ателье и на собственную свою пенсию заказать себе приличное платье...»

— Ну, и чем же закончился ваш разговор по душам? — спросила я с некоторой тревогой. Очень уж незнакомо жестким стал ее голос.

Она помолчала. Я думала: сейчас она не выдержит, заплачет, а она вдруг засмеялась — так искренне и добро, что и у меня словно гора с плеч свалилась.

— Не дошло пока до моей умницы... Стоит, смотрит на меня удивленно так, с любопытством, словно я с ней не по-русски, а на каком-нибудь незнакомом наречии вдруг заговорила. Потом пожала плечиком. «Ничего,— говорит,— не понимаю! Какая тебя муха укусила! Ни с того, ни с сего!» Ушла к себе, а я пальтишко в охапку да и удрала к тебе.

РАБОТА — ИСТОЧНИК МОЛОДОСТИ

Исполнилось 90 лет Арнольду Ильичу Гессену. За плечами юбиляра 65 лет работы в журналистике. Он присутствовал при первых полетах Блерио и братьев Фарман, на первых сеансах синематографа Люмьера, при первом разговоре А. С. Попова по изобретенной им радиосвязи, был знаком со многими примечательными людьми прошедшего и нынешнего века, неоднократно слушал Ленина.

На 84-м году жизни Арнольд Ильич написал свою первую книгу — «Набережная Мойки, 12. Последняя квартира А. С. Пушкина». Через два года вышла его вторая книга — «Во глубине сибирских руд...», о декабристах, а совсем недавно — книга «Все волновало нежный ум...» — собрание этюдов, посвященных Пушкину.

В настоящее время А. И. Гессен заканчивает книгу «Жизнь поэта» (снова о Пушкине) и одновременно работает над многообещающей книгой своих журналистских воспоминаний.

Работы Гессена привлекли к себе внимание широкого круга читателей, принесли автору писательскую известность. Константин Федин в дружеском письме Арнольду Ильичу сказал: «Желаю Вам успешно продолжать и закончить свои работы. Вы не только прокламируете достоинства ваших лет, но и трудитесь с завидной энергией молодости».

Право, уместно вспомнить строчки Пушкина:

Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей.

И слова Горького: «Говорят, что человек стареет от работы. Неверно это... Работа есть главный источник молодости... Если работа по душе,— а ты ищи такую,— то, чем больше работаешь, тем больше скопляется сил».

Ник. КРУЖКОВ

ПО РЕКОМЕНДАЦИИ М. ГОРЬКОГО

Раскрыл я недавно журнал «Октябрь» (№ 10 и № 11 за 1967 год). В романе Всеволода Кочетова «Угол падения», в главе 46-й, читаю:

«Полк Благовидова вместе с курсантами 1-х Петроградских пехотных командирских курсов подошел к деревне Новой в полуверсте от Детскосельского вокзала... Стоило подняться для атаки, белые хлестали из пулеметов.

Батальоном курсантов командовал молодой командир, который назвался Павлу Оскаром Орбетом...»

Оскар Орбет! Меня будто током ударило. Неужели в романе упоминается Оскар Карлович Орбет? Захотелось убедиться в догадке. Что я до этого знал об Орбете? Он был одним из семерых детей в семье выходца из Эстонии, немца по национальности, Карла Егоровича Орбета. За участие в забастовках отец Оскара получил «волчий» билет и в течение четырех лет нигде не мог устроиться на работу. Из семерых детей трое умерли от голода. Среди оставшихся четверых оказался Оскар. В 1911 году его призвали на военную службу в царской армии. Первую мировую войну он провел в окопах, принимал активнейшее участие в Февральской буржуазной и Октябрьской социалистической революциях. Гражданскую войну окончил кавалером двух орденов Красного Знамени.

Самые яркие страницы жизни этого человека неразрывны с рождением и жизнью нашей Советской Армии. Он один из первых красных командиров. Долгое время был политработником в разных родах войск. В отставку вышел в звании полковника. Член партии большевиков с 1919 года, страстный коммунист, он и умер как боец: произнес речь на городской партийной конференции, сошел с трибуны и едва успел дойти до своего места в зале...

Не его ли, не этого ли замечательного человека называет в своем романе В. Кочетов?

Я отправился в Кемеровский райком партии. Запросил документы Оскара Карловича Орбета. Характеристика райкома и «Личный листок по учету кадров» подтвердили участие О. К. Орбета в гражданской войне. Да, очевидно, это он представлен в романе. Но продолжаю перелистывать документы. И вдруг в том же «Личном листке» читаю:

«1918 год. Курсант 1-х Петроградских пехотных командирских курсов по рекомендации Максима Горького.

1919 год. Разгром Юденича. Командир роты».

1-е пехотные командирские курсы в Петрограде — значит, окончательно он! Значит, Оскар Орбет в романе Всеволода Кочетова «Угол падения» — лицо не выдуманное. Но почему «по рекомендации М. Горького»? Семья Орбетов никакого личного знакомства с Горьким не имела, это я точно знал из известного мне ранее начала автобиографии Оскара Карловича.

Опять листаю пожелтевшие страницы его бумаг. И вот искомое:

«В февральскую революцию 1917 года с частью команды, направленной в Петроград за получением вещевого довольствия и боеприпасов для маршевых рот 177 запасного полка, захватывал полицейские участки, арестовывал городовых и приставов... В период Октябрьской революции мне удалось привлечь на ее сторону уже всю команду... Обеспечивали охрану заводов...

В 1918 году на одном из митингов выступал Максим Горький. Только начал говорить и вдруг остановился и заплакал от переживаний... Немного успокоившись, сказал, что не в состоянии выступать и что лучше он свою речь напишет в «Правде» (через два дня она действительно была помещена в «Правде»). Максим Горький слушал мое выступление, поговорив с группой рабочих, он подошел ко мне... и, узнав, что мне хочется быть красным командиром, он дал мне письменное ходатайство, чтобы меня зачислили на военные командирские курсы. Ходатайство нарком поддержал, и я был зачислен на 1-е Петроградские курсы красных командиров. Так Максим Горький дал мне путевку в жизнь. Его рекомендация сохранилась у меня и по сей день[1]. Я с честью оправдал его доверие и доверие партии. Во время гражданской войны был 6 раз ранен и 3 раза контужен... Был награжден двумя орденами Красного Знамени за № 1228[2] и № 5956, именными часами...

Вся моя боевая деятельность в гражданскую войну проходила в составе Петроградской бригады курсантов...»

Вот соприкоснешься так с каким-либо волнующим фактом, и вдруг вслед за ним потянутся цепью еще факты и еще события, до того неизвестные и оттого еще более удивительные. И встают за теми фактами и событиями люди легендарных времен, потрясших основы старого мира.

Красный командир Оскар Карлович Орбет!.. Листаешь его документы, и со страниц их встает образ человека, беззаветно, до последнего дыхания отдавшего себя делу, которому он когда-то навеки присягнул.

«...В 1920 году, будучи ранен в одном из боев с белогвардейской офицерской частью Дроздовской дивизии, попал к ним в плен и был приговорен к расстрелу... Бежал...»

«Участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа, входил в состав Революционной тройки в г. Петрограде. Нашей тройке подчинялись все воинские части, милиция и военные госпитали».

«7 ноября 1927 г. в день годовщины Октябрьской революции в Ленинграде во время демонстрации оппозиционеры устроили параллельную демонстрацию... Зиновьев стал выкрикивать с трибуны оппозиционные лозунги. Я вышел из рядов демонстрантов, взял его за шиворот... и вместе с одним рабочим протащил Зиновьева через всю площадь и сдал его у Эрмитажа коменданту г. Ленинграда Антонову...»

Именно таким — решительным и непримиримым к врагам революции, к двурушникам — был человек, который поднял и повел батальон курсантов на белые пулеметы в романе В. Кочетова «Угол падения». Он видел В. И. Ленина и слушал его выступления. Он долгие годы занимал важные военные посты, он готовил кадры для Советской Армии, будучи до 1942 года начальником учебной части Кемеровского военно-пехотного училища. Но время делало свое дело, и герой гражданской войны, участник разгрома Юденича стал в 1957 году персональным пенсионером республиканского значения. И умер он, как я уже сказал, произнеся пламенную речь на партийной конференции. До последнего удара сердца он оставался в боевом большевистском строю.

Валентин СИЛАКОВ,
корреспондент газеты «Заря»,
гор. Кемерово

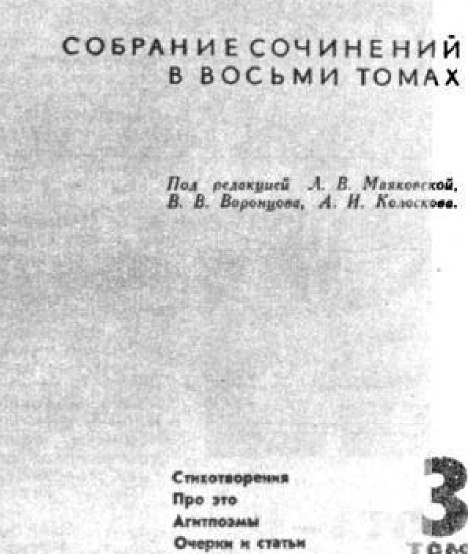
---

[1] Текст этого документа:

«...Уважаемый товарищ! Взводный командир II взвода VIII роты 1-го полка 1-й Петроградской рабочей дивизии Оскар Карлович Орбет желает быть зачисленным в число слушателей 1-х Советских пехотных курсов. Сим удостоверяю, что Оскар Орбет человек честный, дееспособный и заслуживает удовлетворения его желания.

Приветствую М. Горький».

[2] Этот орден О. Орбет получил за описанный в «Угле падения» бой у деревни Новой.

У прочих знаю сердца дом я.
Оно в груди — любому известно!
На мне ж
с ума сошла анатомия.
Сплошное сердце —
гудит повсеместно.

Поэмой «Люблю», из которой взяты эти строки, открывается только что вышедший из печати третий том Собрания сочинений В. Маяковского.

Огромное сердце поэта живет сильными и разными чувствами. Оно горит любовью в поэмах «Люблю» и «Про это», оно полно мечты о светлом будущем всей Земли в поэме «Пятый Интернационал», оно болит, гневается и рождает острые антирелигиозные агитпоэмы, агитпоэму «Вон самогон!», обличительную «Маяковскую галерею».

Более восьмидесяти рисунков Маяковского иллюстрируют текст агитпоэм, на цветных вкладках воспроизведены обложки, сделанные автором для первых отдельных изданий.

В третий том Собрания сочинений вошли стихи, поэмы и статьи 1922—1923 годов и пять очерков о Париже, написанных в результате двухмесячного пребывания за границей осенью 1922 года.

Заключает том автобиография поэта «Я сам», написанная в 1922 году.

И. Глазунов. РУССКИЙ ИКАР.

ЗЕМЛЯ РУССКАЯ.

И. Глазунов. ДОСТОЕВСКИЙ.

Италия выбирает парламент

*** 19—20 МАЯ 36 МИЛЛИОНОВ ИТАЛЬЯНЦЕВ И ИТАЛЬЯНОК ДОЛЖНЫ ИЗБРАТЬ ПОЧТИ ТЫСЯЧУ ДЕПУТАТОВ И СЕНАТОРОВ, КОТОРЫЕ ОБРАЗУЮТ ПАРЛАМЕНТ РЕСПУБЛИКИ. * В ВЫБОРАХ ВПЕРВЫЕ УЧАСТВУЮТ 2 МИЛЛИОНА ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК. * ПЛАКАТ ИКП — СЕРП И МОЛОТ СО ЗВЕЗДОЙ НА КРАСНОМ ФОНЕ И НАДПИСЬ: «В ИТАЛИИ НАСТАЛО ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН. ОЦЕНИ ПРОШЛОЕ. СМОТРИ В БУДУЩЕЕ. ГОЛОСУЙ ЗА КОММУНИСТОВ».**

Мы предлагаем читателям «Огонька» репортаж **Владимира ЕРМАКОВА**, переданный по телефону из Рима в канун выборов.

В Риме непривычная тишина. Уже два дня по утрам меня не будят орущие на всю улицу громкоговорители, установленные в автомобилях. Ночью никому в голову не придет больше пустить на полную мощность проигрыватель с громкими лозунгами, обращениями. Избирательная кампания окончена. «Неттурбини», римские уборщики улиц, в синих форменках с волчицей на фуражках, отмывают намалеванные на мостовых и стенах домов призывы фашистов и монархистов. Нынче правые побили рекорд: никто не истратил так много на выборы, никто не устраивал на улицах и площадях столько шума, сколько фашисты из Итальянского социального движения и сторонники короля Умберто Савойского из итальянской демократической партии монархического единства.

По закону, за сутки до выборов прекращается любая предвыборная пропаганда. Только партийные газеты имеют право пропагандировать свои идеи и своих кандидатов. Ну, и, конечно, церковь. Тут нет ни перерыва, ни остановки. Проповеди могут продолжаться круглосуточно. За две недели до выборов я случайно попал на службу в одну из церквей Пиаченцы, города, что стоит на границе между областями Эмилия и Ломбардия, на берегу По — самой большой итальянской реки. Три десятка женщин. Полутьма. Мягкий, вкрадчивый голос священника не то чтобы прямо и откровенно приглашал голосовать за Христианско-демократическую партию — ХДП, партию, считающую себя единственно католической. Вся аргументация проповеди стояла на том, что вера в бога «обязывает» на избирательном бюллетене отметить красный крест на щите — символ этой партии...

Я не хочу утверждать, будто во всех церквах Италии всю ночь перед выборами молятся за ХДП и ее успехи. Ныне в этой стране даже церковь не выступает на выборах — как это было раньше — единым фронтом. Архиепископ Равенны вообще освободил верующих от какого-либо политического обязательства, предоставив им полную свободу. А неаполитанский кардинал — пресса писала об этом как о крупном скандале — отказался даже принять главаря так называемых «Гражданских комитетов», одной из наиболее реакционных клерикальных организаций.

Я встречаю в Италии третьи политические выборы, и, пожалуй, никогда не доводилось мне быть свидетелем такого глубокого брожения в католическом движении. Это очень важный момент, который в дальнейшем (каков бы ни был исход голосования) может оказать большое влияние на политическую ситуацию в этой стране. По всей Италии возникли сотни, а кто говорит, и тысячи так называемых «спонтанных» католических групп, которые возглавляют весьма популярные деятели. Какова линия этих групп? При всей пестроте оттенков и вкусов есть один момент, который, в общем, свойствен всем: они не отвергают, а чаще приветствуют сотрудничество с коммунистической партией. Разумеется, на позициях автономии, но при совместной борьбе против капиталистического общества.

Сотрудничество и совместные действия — не только перспектива. Это реальность сегодняшнего дня. Среди лиц, включенных в списки кандидатов в парламент под знаком серпа и молота, крупные руководители-католики: синьор Альбани, который до последнего времени возглавлял Христианскую ассоциацию трудящихся в области Ломбардия, и многие другие.

Выборы въехали в Италию на рельсах классовой борьбы. Форма борьбы весьма разнообразна. Римская текстильная фабрика «Лучани» захвачена рабочими. Они не хотят быть выброшенными на мостовые. Ученые, инженеры, лаборанты из «Национального совета научных исследований» требуют расширения научных исследований, государственного подхода к этой важнейшей проблеме, самостоятельности и независимости от американцев. На «Фиате» автомобилисты боролись за пересмотр норм сдельщины, за сокращение рабочей недели: три забастовки, в которых участвовало почти сто тысяч рабочих, сломили хозяев; они приняли, правда, не все, но основные требования, изложенные профсоюзами.

Причины стачек не одинаковы. Есть у них, однако, общее: оно состоит в том, что забастовки едины.

Правящие партии Италии пытаются привлечь молодежь на свою сторону в ходе предвыборной кампании. Но подлинное отношение их к парням и девушкам Италии иллюстрирует скорее всего этот снимок, запечатлевший расправу полиции с римскими студентами.

Фото из журнала «Вие нуове».

Они провозглашены всеми профсоюзами; от тех, где сотрудничают коммунисты и социалисты, до католиков и социал-демократов. Единство в Италии складывается не только в ходе предвыборной борьбы, но и в классовых схватках.

35 миллионов 639 тысяч человек внесены в избирательные списки. Это значит: почти на 3 миллиона больше, чем на выборах в 1963 году. Никто, разумеется, не может предсказать результаты голосования. Даже счетная машина, установленная в Министерстве внутренних дел. Никто не берется судить: кому отдадут свои голоса эти 3 миллиона новых избирателей: студенты, рабочие, крестьяне, эмигранты, которые впервые придут к урнам. Никто не считает себя правомочным утверждать: какие сдвиги произойдут в основной массе избирателей. На выборах представлены партии правительственной коалиции — Христианско-демократическая, Объединенная ИСП — ИСДП (она образовалась после слияния центристского и правого крыла социалистов с социал-демократами) и республиканская. Правая оппозиция состоит из либералов — открытых выразителей интересов консервативной части итальянского капитализма, фашистов из Итальянского социального движения и монархистов.

Левые оппозиционные силы представлены Итальянской социалистической партией пролетарского единства (ее создало левое крыло социалистов, вышедших из ИСП после решения большинства о слиянии с социал-демократами) и Коммунистической партией. Эти партии имеют немало расхождений, но это не помешало им выступить с едиными списками на выборах в сенат, списками, которые поддерживают влиятельные демократические силы во главе с бывшим премьер-министром Феруччо Парри. Обе партии рабочего класса требуют выхода Италии из НАТО, глубоких социальных реформ, активно ведут борьбу против монополий, за права и интересы трудящихся.

Ветер с Апеннин метет листовки: синие, зеленые, белые. Они шуршат под ногами прохожих, виснут смешными гирляндами на деревьях, мокнут в лужах поздних римских дождей. Выборы. Те самые выборы, во время которых, раз в пять лет, итальянцам положено высказать свое мнение о том, что было, и о том, что они хотят видеть.

МАРШ НА БОНН

Западная Германия напоминает в эти дни кипящий котел. Лопнуло терпение населения. Боннские власти пытаются навязать стране чрезвычайные законы, которые, по сути дела, вычеркивают из западногерманской конституции остатки демократических свобод. По улицам Бонна расклеены листовки: «Чрезвычайные законы — это военная диктатура в мирное время».

В канун обсуждения в парламенте чрезвычайных законов в Бонне проходили грандиозные демонстрации. По призыву объединения борьбы против чрезвычайных законов и за разоружение десятки тысяч демонстрантов съехались в Бонн из всех частей Западной Германии. «...Мы не уступим дорогу фашизму!» — несется над колонной.

Вспышка народного гнева повергла в панику боннские власти. На улицах западногерманской столицы были возведены проволочные заграждения, сюда были стянуты тысячи полицейских и части бундесвера. Бонн превратился в военный лагерь.

Однако ничто не смогло помешать маршу на столицу ФРГ. Широкие массы населения Западной Германии выступают с решительным осуждением реваншизма, милитаризма и неонацизма.

Митинг участников марша на Бонн. В нем приняли участие представители разных городов страны.

Иван ГАЙДАЕНКО

Повесть

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ЗАБЫТЬ НЕ МОГУ

Плещет, звенит море мелкой серебристой рябью: бескрайнее, пустынное, перечеркнутое кильватерным следом судна.

— Кажется, проскочили,— улыбается капитан,— ни одного самолета. Молодец наш скороход!— Тонкой, суховатой рукой Степан Сергеевич хлопает по планширу «Пахаря». Так хлопают по плечу верного друга, открыв в нем еще одно великолепное качество.

Минер смотрит в небо и, отступая назад, лает злобно и звонко.

Надрывно звенит колокол громкого боя. Тревога! На баке заухала пушка. Черные шапки разрывов схватываются в небе. У пушки орудует Федя-Вася. Папочка подает снаряды. Лает Минер, задрав морду к небу. Капитан в бинокль следит за самолетом. Три бомбардировщика заходят на цель.

— Лево на борт! — тихо и спокойно, как на обычной швартовке, командует капитан.

— Есть лево на борт!— чрезвычайно четко и громко отвечает матрос-рулевой, перекладывая штурвал.

— Стоп машина!— еще тише командует капитан.

— Есть!— отвечает старпом, и его руки до боли впиваются в ручки машинного телеграфа.

Умолкла труба. Душная тишина. Свист летящих бомб. Свист нарастает, режет слух. Кильватерная линия описывает дугу и обрывается белым пятном. Грохочут взрывы. Гейзерами вздыбливается шумящая вода.

Движениями рук: левой — назад, правой — взмах вправо — капитан отдает новое распоряжение.

«Есть!»— кричат старпом и матрос, но голоса не слышно. Только шевеление губ. Матрос перекладывает руль вправо, старпом переводит ручку телеграфа на «полный назад». От пронзительного свиста бомб матрос закрывает глаза, низко наклоняет голову. Старпом весь сжимается, втягивает голову в плечи.

Заговорила труба. Живет «Пахарь», живет! Забился бурун у кормы, забелела вода. Ходуном ходит судно от взрывов. «Пахарь» пятится назад.

И снова врывается угнетающая тишина, останавливается частый и громкий пульс двигателя. Самолеты разворачиваются для следующего захода.

Капитан снял фуражку, вытирает белоснежным платком лоб, улыбается, подмигивает рулевому.

— Молодец наш тихоход! Обманул фрицев! Иди знай, что мы выжимаем шесть узлов, а они рассчитывают на все девять! Гм?— И снова бинокль у глаз капитана.

Рулевого матроса волнует другое:

— Вот убьет человека, и через год ничего от него не останется, ничего! А череп валяется еще целый век! Правда это, Вячеслав Петрович?— спрашивает он у старпома.

— Черт его знает! Археологи говорят — значит, правда.

Короткая передышка и на баке. Федя-Вася отдыхает, опершись на пушку, Папочка сидит на кнехте, у ног боцмана с вываленным языком лежит Минер.

— Запустили судно — грязное, ржавое,— сетует вслух Федя-Вася, оглядывая «Пахарь»,— автоматика на грани фантастики. Нажмешь кнопку... берешь швабру и шуруешь до десятого пота. Тяжело.

— Тяжело!— вздыхает Папочка.— Дома я и нянька, и снабженец, и куховар, и камердинер. Мясо купил — не такое, у зятя в животе закрутило — Папочка виноват, внучка чернилами жаркое заправила — дед виноват. «Дед у нас бесхозяйственник»,— говорит внучка. А в чем «бесхозяйственник»? Индюка приготовил на три дня, а съели его за два...

— Про жратву хватит, Папочка, про любовь давай!— командует Федя-Вася.

— Про любовь?— задумался Папочка.— Это вспомнить надо...

Опять лает Минер. Федя-Вася засуетился у целика. Папочка подносит новый снаряд.

— Говорил я: раз после бомб на воде бульбы схватываются, значит долго сыпать будет,— пророчески бросает Папочка.

Ухает пушка. Черные шапки разрывов схватываются в небе. Заходят на цель самолеты.

В машинном отделении ничего этого не видно, ничего не слышно. Стучат клапаны, гудит гребной вал, попискивает донка, тонко свистит дизель-динамо.

Спускаюсь в машинное отделение, пусть подзарядят аккумуляторы.

У главного двигателя бродит Борис с масленкой. Он что-то жует. Потрогает подшипник, нальет масла, отщипнет в кармане кусок хлеба и положит в рот, возьмет масленку в другую руку и отламывает кусок колбасы в другом кармане. Неотлучно у пульта стоит молчаливый механик. Бегает стрелка машинного телеграфа. «Полный назад»—«Стоп»—«Средний вперед». Дмитриевич переводит реверс. Глухо что-то ухает за железным бортом. От сотрясений образуется рябь в отстойниках, покачиваются, дребезжат тали. Механик поглядывает на заклепки в швах корпуса.

— Виктор Дмитриевич!— кричит Борис механику.— Вы любите раков?

Механик посмотрел на Бориса удивленно, молчит.

— А я обожаю. С пивом... мечта!

Вздрогнуло судно, все затряслось, как в судороге, замигал свет, закачались тали. Борис еле удержался на ногах, но не перестал жевать. Грохот взрыва гулом отдается в железном корпусе. Застыло лицо механика. Сосредоточенно смотрит он на шов, где стала просачиваться вода.

— Стонет железо!— Борис с ужасом смотрит на ряд заклепок, пропускающих воду, отламывает кусок хлеба и кладет в рот и, спутав карманы, снова несет ко рту кусок хлеба.

Крупные капли пота выступили на лбу у механика. Раздается свисток переговорной трубы.

— Машина слушает,— вытянув свисток из трубы, рявкнул Борис.

— Как там у вас?— спрашивает капитан.

— Морской порядок,— отвечает Борис.

— Предельные обороты!— требует труба.

— Есть предельные!— Борис затыкает трубу свистком.

— Поставьте под зарядку!— кричу механику.

— Успеем. На дне они ни к чему,— отвечает мне Борис, взбираясь по трапу к выходу.

— Передышка. Я выскочу на миг, Дмитриевич, хвачу чистого кислорода!— на ходу обращается он к механику.

Дмитриевич согласно кивнул головой. Борис вылетает из машинного отделения, вытирает руки ветошью.

Под спарденом стоит Любовь Николаевна с сумкой красного креста. Борис вдыхает полной грудью свежий морской воздух. Из нагрудного кармана достает ключ.

— На самой маленькой горе день длиннее. В машине, как в преисподней,— говорит он, играя ключом.

— Здесь все видишь,— соглашается с ним Любовь Николаевна,— а там... Хлынет вода... Страшно?

— Ничего страшного,— храбрится Борис,— мертвых больше, чем живых. Перекочуем в большинство.

Борис протягивает ключ.

— Полина ключ утеряла... А я вот... нашел.

Любовь Николаевна берет ключ с ладони Бориса, и доброе ее лицо засветилось материнской нежностью.

— Девочка моя, она будет искать....

— Не будет. Она взяла ваш ключ.

Обрадовалась Любовь Николаевна:

— Умница моя. Спасибо, Боренька. Ну я ей задам!

— Пожалуйста, Любовь Николаевна,— смеется Борис и шагает к двери машинного отделения. У него в руках другой такой же ключ, сделанный «про запас».

Грохочут взрывы, смерчами взлетает шумящая вода вокруг «Пахаря». Лежит на стволе пушки рухнувшая фок-мачта, взрывной волной сбросило в море спасательную шлюпку, только раскачиваются концы рваных шлюпталей, раздирает душу ноющий, сверлящий свист бомб, столбы воды рушатся на палубу, и вдруг взметнулся клуб огня, черный дым заволок все судно.

Но это не взрыв бомбы. Угадав время, матросы подожгли на палубе поленья, облитые бензином, и бросают теперь на костер тряпки, пропитанные водой и мазутом, имитируя попадание. Море испещрено зигзагами, петлями кильватерной струи.

Время на связь. Иду в радиорубку. Строчит и строчит зуммер. Из-под моих пальцев птицами улетают в эфир и оседают на столах радистов Большой земли тревожные сообщения. И как всегда, во время налетов мне безудержно хочется спать, одолевает сон, клонит голову к столу. От взрывов содрогаются цветы, падают на стол одинокие лепестки. И вдруг Полина, ее лицо с лукавой улыбкой. Она явилась из букета цветов.

«А, одна досада!» — слышатся ее слова. Голова моя повисла над столом, глаза закрыты. Я сплю, сплю один миг, сплю крепко-крепко, и кажется, мой сон продолжается уже сутки.

Взрыв... И еще взрыв. Меня швырнуло с рабочего кресла на трансформаторный щит. Но я стою на ногах. Проснулся я или продолжаю спать? Тишина. Молчит притаившийся эфир. Жив я или?.. Гибель. Пальцы лихорадочно сдавливают фибровую головку радиоключа. Никогда еще мои пальцы не выбивали знаки морзе так быстро. Три точки — три тире — три точки. «СОС», «СОС», «СОС»— слетает с антенны «Пахаря».

Мгновенно ожил эфир. Словно вокруг заплясали от радости тысячи джинов. На разные голоса запели, загудели, засвистели, зажужжали зуммеры. Отчего такая свистопляска, безумие? Я удивленно смотрю на аппаратуру, на цветы, встряхиваю головой, тру виски и глаза. Что случилось? Эфир беснуется, как растревоженный муравейник. Пусть беснуется. Выключил приемник, открыл дверь рубки. «Пахарь» жив. Зачем же «СОС»?

Скорее, скорее на мостик! Струится звонкая тишина. Удаляясь, где-то стонут бомбардировщики.

Продолжение. См. «Огонек» № 20.

В рубку влетела золотисто-красная бабочка и уселась на цветы. Откуда она здесь, среди моря? Какой ветер загнал ее в открытое море? Как повезло ей: островок хоть и железный, но обжитый, и даже цветы.

Играют ее крылья. То сложатся в тонкий сероватый парус, то развернутся золотисто-красными листками с синеватыми пятнами.

— Ушли,— вздохнул капитан. Так переводят дыхание после длительного бега. Сдвинув на затылок фуражку, он вытирает испарину на лбу.

— Ушли,— подтверждает старпом,— поверили в пожар.

— Почему нет охранения?— спрашиваю капитана.— Один бы миноносец, хотя бы сторожевик...

— Ждите, вам эскадру пришлют. Гм?— иронизирует капитан.— Им только о «Пахаре» и думать.

Федя-Вася и Папочка возятся возле пушки, пытаясь освободить ее ствол от железного столба фок-мачты, но тщетно. Как ни напрягаются их руки, крана они заменить не могут.

— А жена у меня тоненькая-тоненькая, легенькая-легенькая, в штормовую погоду ей можно выходить на палубу только с двумя чемоданами, иначе унесет ветер,— рассказывает Федя-Вася Папочке,— красивая она, много женихов сваталось. Летчику она говорила, что у нее жених — капитан дальнего плавания, капитану морочила голову, что выходит замуж за майора. Майору полоскала мозги, что уже замужем за доктором сатирических наук, а вышла замуж за меня — обормота каботажного.

— Любит она тебя, Федя-Вася!— Папочка хлопнул по плечу боцмана.

— А я не надоедливый,— грустно улыбается Федя-Вася.— Всю жизнь встречи и расставания. Поругаться некогда. Один раз наклевывался скандальчик, а тут третий гудок — скорее целоваться...

— И моя старуха крепко любит,— вздохнул Папочка.— Эх, сходил бы я сейчас на Привоз, сбегал бы, купил бы индеечку, золотистую такую, розовую и сварганил бы такое жаркое!

По ботдеку идет капитан. Походка хозяина, где замедлит ход, где остановится, взглянул на ручные часы.

— Четыре часа до темноты,— говорит он сам себе,— гм? — Подошел, где недавно стояла шлюпка, смотрит на обрывки концов, на кильблоки.

— Чепуха, другую поставим,— говорит вслух.

— А почему такая крепость в черепе? Стальные мечи в труху превращаются, а череп выдерживает века? — спрашивает рулевой старпома.

— Чудак, черепок — это же капитанский мостик.— Старпом постукивает пальцем по своему лбу,— вот природа и позаботилась о запасе прочности.

— А правда, что человек уже мертвый, а ногти и борода растут?

— Отстань. Не знаю,— отмахивается старпом,— спросишь меня после смерти...

Капитан смотрит на поверженную мачту.

— Как же мачта?.. В завод теперь не поставят, надобно своими силами...

Громом с ясного неба взревело звено «мессершмиттов». Они подкрались к «Пахарю» со стороны солнца, над самой водой и полоснули по судну ливнем пулеметного огня.

Меня словно ветром внесло в радиорубку, и даже дверь захлопнул за собой, будто дверь оградит меня от пули, смешно. Скорее наушниками прикрыть уши, пение зуммеров лучше... Севастополь запрашивает обстановку. Передаю: «Пахарь» жив, атакуют «мессершмитты». Наши координаты? Сейчас узнаю у капитана...

Капитан стоит на крыле мостика, опираясь плечом о стойку. Глаза рулевого большие и мутные. Он, кажется, стал ниже ростом. Окаменел старпом. Он глаз не сводит с капитана, ждет его команды. Молчит капитан. Красной гвоздикой расплывается пятно под воротником его белого кителя.

— Лево руль!— кричит старпом.

— Есть лево!— тихо отвечает рулевой, вращая штурвал.

Матрос становится все ниже и ниже, а лицо его вытягивается, глаза угасают.

— Больше лево!

— Есть!.. Не могу больше...— Руки выпускают штурвал, и матрос медленно, комком опускается на палубу, у рулевой колонки.

Ревут «мессершмитты», трещат их пулеметы, цокают пули по палубе. Залегли под брашпилем Папочка и Федя-Вася.

Старпом бежит на правое крыло мостика, смотрит на воду.

Стороной проходят «мессершмитты», издеваясь, приветствуют покачиванием крыльев.

Только что вспаханная форштевнем вода расходилась угольником. Теперь угольник исчез. Вокруг судна пляшет мелкая рябь, звонко лижет борта. Бубнит труба, молотит воду винт. Белый бурун вскипает под кормой и расходится мутно-желтым пятном, не оставляя кильватерного следа измятой и проутюженной воды.

— Саранская мель, прилипли,— с горечью замечает Вячеслав Петрович и рвет ручку телеграфа на «Стоп». Выдергивает свисток из переговорной трубы, переводит телеграф на «полный назад», дует в трубу.

— Машина слушает,— доносится равнодушное из трубы.

— Дмитриевич,— кричит старпом в трубу,— выжимай все, на мель залезли.

— Есть,— безразлично отвечает труба, и снова бурлит вода под кормой.

Не дыша я стою перед капитаном, почему-то из моей груди вырывается вздох:

— Севастополь запрашивает...

Печально и бессмысленно глядят на меня неподвижные глаза капитана.

На мостик взобрался Минер. Он юлит у ног капитана, лижет его ботинки.

Как струна, натянутая до предела, дребезжит пустынная тишина.

Солнце покинуло зенит и катится по дуге небосвода к горизонту. Удлиняются тени людей, искажаются тени предметов.

Голова моя снова зажата железным обручем наушников, рука быстро выстукивает точки и тире. Тревожно ноет зуммер, красно-синим светом дублирует передачу контрольная лампочка. Я поворачиваю ручку приемника. Врывается разухабистая музыка западного ресторана, слышны пьяные подпевания, выкрики. Веселятся...

Прошел час, а может, и больше, но ничего не изменилось: зловещая, звонкая тишина, ласковое море и сидящий на мели «Пахарь». На палубу высыпал весь немногочисленный экипаж. Все мы смотрим на полоску берега, похожую на парус, пригнутый ветром к воде. Нет только рядом Минера, он присел на задние лапы и смотрит, смотрит в глаза капитану, не поймет, что произошло, почему этот человек сейчас совершенно равнодушен к нему.

— Летят!— с тревогой в голосе кричит Федя-Вася.— Два, три, четыре...

Вздрогнул Минер, прищурил черные глаза, смотрит в небо, тянет воздух ноздрями, но не лает на солнце.

Все мы смотрим в ту сторону неба, куда показывает рукой боцман, как будто мы отвратим неотвратимое.

— Бакланы летят,— сообщает старпом, убирая от глаз бинокль. Недоверчивое молчание и чуть слышный вздох облегчения. Невеселые улыбки играют на лицах моряков.

— Эх ты, Матютя!— хлопает боцмана по спине Папочка.

— Нашему боцману телескоп нужен,— добавляет Любовь Николаевна.

— Стареем, Федя-Вася, оптика подводит,— подтрунивает Борис.

— Капремонт необходим,— отшучивается Федя-Вася.

От берега отделилась точка. Я первым заметил ее и, не помня себя, закричал радостно, на всю палубу, на весь мир:

— Идут, наши идут! Справа точка... Катер...

Все вглядываются в точку на фоне берега.

— Точно... Идут...— подтверждает старпом.

— Наши, ура!— Борис подбросил вверх пучок ветоши.

Бориса поддерживает весь экипаж. Беспредельная радость охватывает всех. Старпом вглядывается в даль. В линзах бинокля виден бот и в нем люди. Лицо штурмана мрачнеет. Радость затихает, ее сменяет гнетущее ожидание и тишина, солнце, синева.

— Немцы! — сурово бросает старпом.

Борис присвистнул.

— Фю! Гости. Везет же нам, как боцману Шурабура. Всю жизнь неприятности, а умер — перед самым кладбищем катафалк сломался...

— Помолчи, бога ради,— оборвал его Папочка.

— Нас осталось двадцать один. Сколько теперь останется? — думает вслух Федя-Вася.

— Осталось двадцать,— поправляет Борис,— женщина не в счет...

Папочка подходит ко мне, шепчет на ухо:

— Постучи старухе моей, самые нежные слова подбери.

Я обещающе мотнул головой.

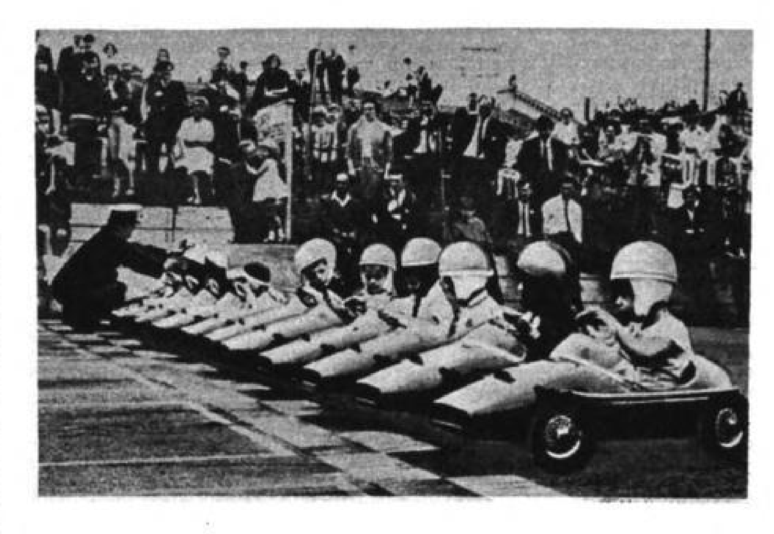
Замер израненный «Пахарь». Ни души на мостике, на палубе. Над уцелевшей мачтой парит одинокий баклан, удивленно разглядывает опустевшее судно. Приближается моторный бот. Неподвижно, словно каменные, сидят солдаты в стальных шлемах, с автоматами на груди, с тесаками на поясах.

Тревожно стрекочет зуммер. Стальным обручем наушников зажата моя голова. Стучит в висках. Стучит и стучит ключ, мигает, повторяя точки и тире, крошечная лампочка. Изредка мне отвечает басовитый зуммер. Врывается свист, треск. Ухожу от помех, ищу новую волну. И вдруг ясно, торжественно и отчетливо звучит «Интернационал». Сбрасываю наушники, усиливаю звук. Над мертвым судном призывно и победно разносится гимн коммунистов.

Бот с немецкими солдатами у самого борта. Солдаты недвижимы. Руки лежат на автоматах. Среди них голубоглазый, белокурый молодой и бравый лейтенант. Большой палец левой руки заложен за пояс. Энергичным жестом он показывает на борт «Пахаря»...

Пора уходить и мне, пробираться в кормовую рулевую, там мой боевой участок.
Разматываются веревочные лестницы, летят крючки на борт судна. Трещат автоматы. И уже солдаты ведут беспорядочный огонь на палубе. Им никто не отвечает, и это действует на солдат хуже ответного огня. Неизвестный островок чужой земли. Что он такт, что приготовил?.. Солдаты с испугом оглядываются по сторонам.
Кричит лейтенант — и солдаты, повинуясь его команде, рассредоточиваются, рассыпаясь по судну. Молчит «Пахарь». Все наружные двери наглухо закрыты, как во время шторма. Трещат автоматы. Кричит лейтенант, подняв вверх руку с пистолетом. Солдаты прекратили огонь. Тишина. Все прислушиваются, оглядываются...
И вдруг... На головы солдат летят со спардека гайки, скобы, бутылки, молотки, ударили мощные струи воды из шлангов. В ответ — шквал автоматного огня в пространство. Кричит лейтенант. Солдаты бросаются штурмовать надстройку. По трапам на солдат сваливаются железные вьюшки с тросами, бочки. Стон. Треск, крики. Струя воды, описав высокую дугу, хлещет по палубе.
Осталось двадцать... С Любовью Николаевной...
На головы солдат, прижавшихся к переборке средней надстройки, Любовь Николаевна выливает большую настрюлю кипятка. Взвыли от боли солдаты. Автоматы падают на палубу, солдаты закрывают руками лицо, мечутся, ослепленные, по палубе, сталкиваются, прыгают за борт. Федя-Вася кидается за автоматом, лежащим на палубе.
Ура! У нас есть оружие. Федя-Вася скрылся, значит, цел. Из-за угла он ведет огонь. За лебедкой укрывается старпом, посылая оттуда короткие автоматные очереди. Говор автоматов стихает. Солдаты укрываются за надстройкой, за светлым люком машинного отделения, залегают за люками трюмов.
Несколько солдат прикипели к кормовой рулевой. Спиной к переборке, лицом к морю. За их затылками открывается иллюминатор, механик трогает рукой за плечо солдата. Тот испуганно поворачивает лицо к иллюминатору, а оттуда бьет струя огнетушителя прямо ему в глаза. Солдаты бегут, ползут от кормовой рулевой. Строчат автоматы Феди-Васи и старпома.
Лейтенант разряжает автомат, просунув его в открытый иллюминатор. Но струя огнетушителя уже бьет по лейтенанту сверху. Механик стоит на палубе кормовой рулевой. Автоматная очередь скосила механика. Падает огнетушитель. Дмитриевич, шатаясь, хватается за кончик рынды (колокола). Звенит склянка. Механик рухнул на палубу. Безмолвно, как прожил всю свою молчаливую жизнь, среди машин, железа и говорливых людей. Схватка на миг замерла. Все остановилось, застыло. Часы показывают тринадцать двадцать по-московскому.
Девятнадцать осталось...
У дверей камбуза Папочка, вооруженный секачом и качалкой, сгреб мешковатого унтера и колотит им о переборку.
— Бей его по запасу прочности! — кричит Федя-Вася.
И Папочка приговаривает:
— За Херсон! За Николаев! За Голую Пристань...
Решающий удар Папочка наносит качалкой по голове. Унтер готов. Он несет его к борту и выбрасывает в море. И вдруг Папочка широко взмахнул руками, хватает воздух, поворачивается и, словно обезумевший, идет на солдата, прилипшего к переборке. Еще короткая очередь. Солдат бежит. Папочка падает. К нему подбегает Федя-Вася.
— Держись, Папочка!
— Плохо,— хрипит он.
Минер юлит, заглядывая в лицо повару.
Восемнадцать...
Я снова в радиорубке: время связи. Скорбно и тревожно хрипит зуммер. Летит в эфир: «Всем, всем, всем! — «Пахарь» жив. Ведем бой на борту».
Свист зуммера становится все тише и тише. Я смотрю на вольтметр, стрелка ползет к нулю. Зуммер совсем умолк. Остановился дизель-динамо. Кончилась связь.
Лейтенант и несколько солдат перебегают от кормовой рулевой и занимают позиции у входа в машинное отделение. Два солдата и лейтенант спинами уперлись в железную дверь, ведущую в машину. Дверь машины — их щит, их спасительница.
Горящие глаза боцмана следят за дверью. Открыть бы сейчас дверь в машину... Я закрываю глаза и вижу, как резко распахнулась дверь и все трое свалились на решетки машинного отделения. Но это только желание. Лейтенант и солдаты ведут огонь на том же месте.
Один из солдат неосторожно высунулся из-за надстройки. Боцман нажал спусковой крючок. Хлестнула автоматная очередь, солдат упал.
Лихорадочно нажимает курок старпом. Пальцы его дрожат. Автомат молчит. Старпом выбрасывает его за борт. На трюмном люке лежит брошенный автомат. Глаза старпома прикованы к нему. Одним прыжком старпом взлетает на люк, но не успел нагнуться, струя свинца прошила его. Он остановился, застыл.
— Аня... Светлана... Марина...— шепчет Вячеслав Петрович и снопом сваливается на люк.
Семнадцать...
На кормовой рулевой Любовь Николаевна и я. В группу оставшихся солдат мы бросаем бутылки с зажигательной смесью. Горит палуба, горит пеньковый канат, которым привязан к «Пахарю» немецкий бот.
Горящие солдаты мечутся по палубе. Живыми факелами прыгают в море. Далеко покачивается бот, на котором они пришли к «Пахарю». Лейтенант сбросил с себя горящий френч... Федя-Вася вскочил на кнехт, ведет огонь по спардеку. И вдруг вздрогнул боцман. Опустил автомат, сошел с кнехта, сел. Смотрит в глаза лейтенанту. Большой палец левой руки лейтенанта заложен за пояс...
— Мы не жили еще, понимаешь? Мы только боролись за жизнь!
Напрягая последние силы, Федя-Вася встал, пытается идти вперед, но пятится назад. Дошел до фальшборта, перегнулся через него, помог себе ногами и выбросился в море.
Море. Оно родное, хоть и соленое, но его соль не разъедает, исцеляет раны. Через лазборт в море смотрит Минер. Любовь Николаевна замахивается бутылкой горючки...
Я вижу, как лейтенант, размахнувшись, бросает гранату в нашу сторону. Дрожит в моей руке пистолет-ракетница. Я навожу ее широкое дуло на лейтенанта...
Я не слышал взрыва гранаты, не слышал шипящего рывка ракеты, я только видел, как, ухватившись за древко кормового флага, медленно сползает на палубу Любовь Николаевна. Из кармана ее рабочей куртки падает на палубу ключ, сделанный Борисом... радужной каплей росы сверкает ее серьга... Чуть-чуть шевельнулся в безветрии красный флаг «Пахаря»...
Я вижу малиновую вспышку ракеты... Красная муть затапливает мои глаза... Резкая боль в левом плече...
Краешек малинового диска садится в воду... Темнеет... Над «Пахарем» тихо мерцает вечерняя звезда...
Где я? Что случилось?
Ночь. Море разгневалось. Скулит ветер, свистит, гудит, путаясь в снастях. Лохматые валы наваливаются на беспомощное, неподвижное судно, рычащие волны перекатываются через палубу и уносят, уносят с собой тела погибших друзей, вышвыривают вон трупы врагов.
Брызги воды вернули мне сознание. Скорее, скорее в рубку. Рука... Адская боль. От боли темнеет в глазах...
Языки волн, окутанные пеной, лижут надстройку, каскады брызг залетают на мостик. Мертвая тишина залегла на «Пахаре». Никогда еще не было такой угрюмой тишины на судне. Тишина одиночества.
...Мокрая темень вокруг. Только в одном иллюминаторе радиорубки пробивается сквозь деревянные шторки тусклый аварийный свет. Я включил приемник на полную мощность, прослушиваю эфир, но и там царит зловещая тишина.
Как трудно одной рукой раздеваться, сбрасывать китель, рубашку! Но я оторвал широкую ленту от простыни, достал бутылку со спиртом, промыл рану, отхлебнул глоток, чтобы не чувствовать боль, и опьянел, свалился на диван...
Как трудно одной рукой бинтовать плечо!
— Один,— прошептал я сам себе.
С розы Полины упал лепесток. Красно-золотистая бабочка расправила крылья, радужным отливом сверкнули глаза Полины.
— Двое.
Словно подбадривая меня, где-то в щели теп-

ПЕДАЛЬНЫЕ ГОНКИ

Британская фабрика детских игрушек организовала в Лондоне гонки на автомобильчиках с педалями.

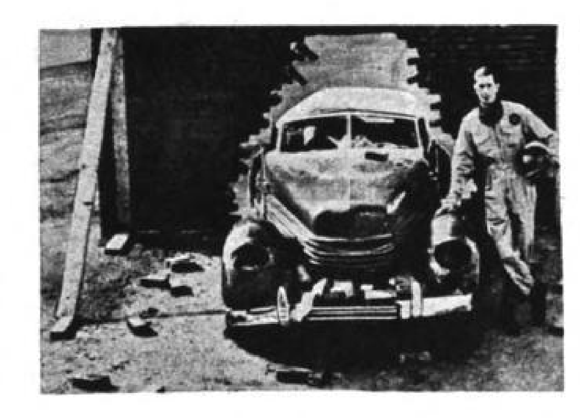

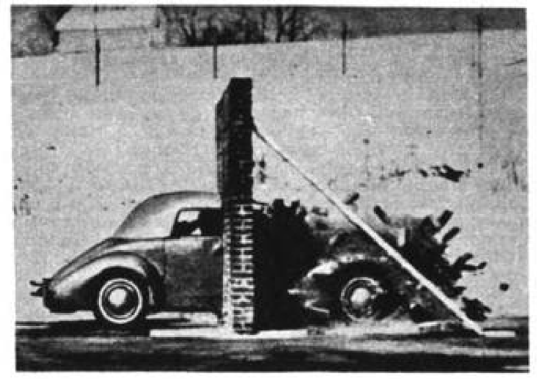
ПОЛЕТ НАД БОЧКАМИ

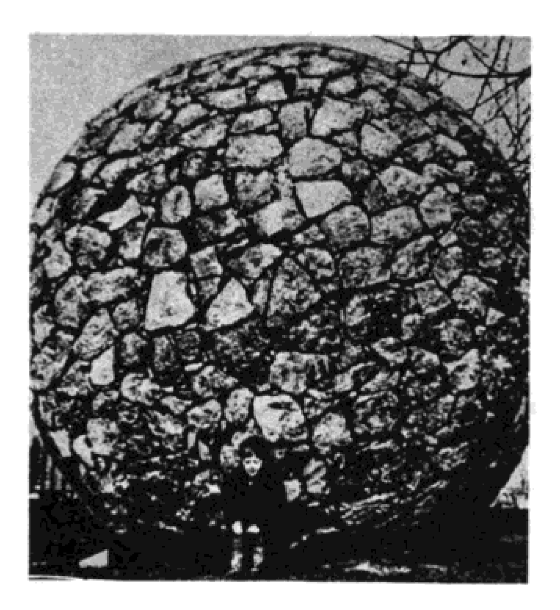
В США и Канаде широко развиты прыжки на коньках через бочки. Пока чемпионом считается Рихард Видмарк, перепрыгнувший на состязаниях в штате Нью-Йорк через 16 бочек.

ПРОЧНЕЕ СТАЛИ

Перед машиной — кирпичная преграда. Но шофер не тормозит. Автомобиль пробивает стену. Разбиты фары, переднее стекло, но кузов цел. Секрет в новом синтетическом материале — «роялексе», из которого изготовлен автомобиль.

ОТ БОЛЕЛЬЩИКОВ

Известный бразильский футболист Пеле — кумир многих юных болельщиков. В его честь ученики одной из школ города Брюсселя соорудили из камней гигантский футбольный мяч. Над изготовлением этого необычного сооружения более ста школьников работали четыре года.

ЛИСА И БУМАЖНИК

Это случилось в Узбекистане. Сотрудник охраны Кассансайского водохранилища Умарджан Умурзаков, совершая ночной обход своего участка, услышал шорох. Вглядевшись в темень, он заметил пару огненных точек и мгновенно выстрелил.

Убитой оказалась лиса. В ее зубах торчал кожаный бумажник, в котором были обнаружены документы рабочего одного совхоза Киргизии и 250 рублей.

«Жил в солнечном американском штате Калифорния бедный футбольный тренер Реферти...» — так начинался памфлет «Запасной Голдуотер», опубликованный в 11-м номере нашего журнала за 1964 год. В нем шла речь об учителе, бывшем одновременно и тренером школьной футбольной команды. Он был беден, но тщеславен. Во что бы то ни стало решил, как говорится, выбиться в люди. Посмотрев вокруг, на современные американские порядки, заметил, что многие личности быстро делают карьеру, приобщившись к движению ультраправых. Последовал их примеру и он: начал выступать за перестройку американской школы на милитаристский и фашистский лад. «Если это считается безобразным,— вопил он,— давайте будем безобразны! И пусть сознание этого веселит наши сердца!»

Усердие новоявленного школьного фюрера было замечено. На деньги калифорнийских миллионеров Реферти вначале вылез на страницы прессы, а затем влез в кресло главного (!) попечителя школ Калифорнии. Эта акция фашиствующих денежных тузов привела в смущение даже видавших виды политических деятелей. Так, председатель палаты представителей штата Калифорния Джесс Анру сказал: «Я думаю о моей стране, и этот парень страшит меня».

На этой, уже устрашающей фазе развития Реферти и расстались с ним читатели «Огонька». За истекшие четыре года немало воды утекло. Реферти стал отвечать уже не только за воспитание школьников штата, но и пробрался к тому же в правление Калифорнийского университета. Там он отличился на подавлении студенческого движения против американской агрессии во Вьетнаме. За эти же годы он успел накропать несколько книжек, призывающих оболванивать американцев по милитаристскому и фашистскому образцу еще в школьном возрасте. Современную систему просвещения в США он считает «слюнтяйством и мошенничеством».

Ну, куда, казалось бы, уедешь с таким «теоретическим» багажом?! А Реферти едет. Все дальше и дальше. Везут его доллары калифорнийских миллионеров. Вот почему американская пресса пишет: «Будет очень трудно остановить его».

И вот хозяева и творцы Реферти решили двинуть его из школьного в большой политический бизнес — в американский сенат! О выдвижении своей кандидатуры в сенат Реферти торжественно объявил на массовом митинге ультраправых. Официально он проходит в качестве кандидата республиканской партии, но американская печать называет его «суперреспубликанцем, суперпатриотом и суперконсерватором». Сторонники Реферти уже объявили о том, что выделяют на первые расходы новоявленного кандидата 500 тысяч долларов.

Что ж! Судьба Реферти говорит о многом. Известно, что с развитием агрессии во Вьетнаме набрал силу американский милитаризм. А милитаризму обычно сопутствует фашизм...

В памфлете, о котором мы упомянули в начале этой заметки, говорилось: «Планы миллионеров — хозяев Реферти — заходят весьма далеко... Если перейти на знакомую Реферти спортивную терминологию, можно сказать, что бывший футбольный тренер стал запасным игроком. Запасным Голдуотером».

Голдуотер бесславно отыграл свое, и сегодня можно сказать, что запасной Реферти выходит на поле...

В. НИКОЛАЕВ

ло, совсем по-домашнему заверещал сверчок. Тепло стало на душе. Я вслушиваюсь в его пение и боюсь, чтобы он не умолк.

— Трое.

Кто-то царапает дверь. Я вздрогнул, насторожился. Это Минер. Он настойчиво просится в компанию и пищит под дверью. С радостью открываю дверь и впускаю его в каюту. Нет предела радости Минера. Он вертит хвостом, заглядывает в глаза, стряхивает воду с шерсти.

— Минер, собака, хорошая... родная...

И вдруг Минер навострил уши, ворчит. Прислушиваюсь и я, пригрозил пальцем собаке.

— Тихо.

Чьи-то тяжелые шаги громыхают по железному трапу, стучат кованые ботинки, громче, ближе. Выключил аварийный свет. Темень. Кто-то рванул дверь, стучит сапогом.

— Кто иест живой? Отворяйт! Я иест твой победитель, дойчланд официр...

Напряженное молчание.

Резкий стук прикладом.

— Отворяйт, приказывайт! Я подаю тебе... Шизнь. День здесь будет много золдат, дойчланд золдат.

Напряженное молчание.

— Отворяйт! Здесь хладно, темно, мокро. Я иест официр.

Напряженное молчание.

— Открывайт, руськи швайн! Дойчланд официр хочет кушайт, хочет светло, тепло...

Напряженное молчание.

— Отворяйт, стреляйть буду...

— Не будешь, патронов у тебя нет,— вырвалось у меня.

В ответ за дверью ударила короткая очередь автомата. Злобным лаем залился Минер.

— Иест патрон, иест.

— Прибереги для себя, пригодится. И отправляйся отсюда к черту!— Я сам удивился, откуда у меня такой громовой голос.

— Ты иест некультурный швайн. Я иест официр, дойчланд официр. Официр нужен пальто, нужен хлеп, масло, яйки, понимайт?

— Убирайся вниз, говорю. Сейчас подожгу бензин, петроль, капут!

— Не нужен петроль. Ты иест злой руськи.

Слышны громыхающие шаги по трапу. Немец спускается вниз. Я бесшумно открываю дверь радиорубки, не выпуская Минера, прислушиваюсь. Выскользнув в темноту, закрываю дверь рубки на ключ. Осторожно пробираюсь по спардеку, проскальзываю в темноте в коридор средней надстройки, закрываю все двери кают на ключ. Не дать ему, гаду, убежища. Подхожу к порогу двери, ведущей на палубу, всматриваюсь в воющую темень.

— Эй, офицер! Здесь моя земля. Не стреляй. Один, без меня, пропадешь...

Застрекотал автомат, зацокали пули по переборке.

— Петроль!— только одно слово крикнул ему. В темноте слышен топот кованых ботинок бегущего лейтенанта. И опять затишье.

— Ты есть мой пленный!— объявляю немцу во весь голос,— твои солдаты не появятся, шторм. Сюда идет русская субмарина...

В ответ ни одного звука, только рокочет море и швыряет на судно седые шипящие валы. Бесшумно выскользнул из коридора и юркнул под железный трап, ведущий на спардек. Руками захлопал по ступенькам, будто убегаю наверх. Жду шагов, но немец где-то пропал, а может, выслеживает меня, притаился в темноте.

Бесшумно возвращаюсь в радиорубку, сажусь на диван, в руке — ракетница. Возле дивана сидит Минер, смотрит мне в глаза, вертит хвостом.

— Был бы ты поумнее,— говорю собаке,— а ты шумишь, как торговка, демаскируешь... Ложись спать. Утром облаву устроим, давай...

Похлопал Минера по шее, откинулся на спинку дивана. Закрыл и снова открыл глаза. Не спит и Минер. И вдруг вспомнил я, каюта капитана, она открыта. Прикладываю ухо к двери. Тихо поворачиваю ключ. Первым выпускаю Минера. Выхожу сам, пробираюсь мостиком в каюту капитана. Тихо закрываю за собой дверь, ищу в потемках ключ. Его нет в замочной скважине, он, наверное, остался у капитана. Стою перед дверью, думаю. Потом сажусь на диван, забиваюсь в самый угол, направляю в темноту ракетницу.

— Смотри, сторож, не прозевай!— наказываю шепотом Минеру.

Окончание следует.

— По какому поводу банкет!
— Наше предприятие сэкономило в этом квартале два рубля восемьдесят семь копеек.

Рисунок Е. Шабельника.

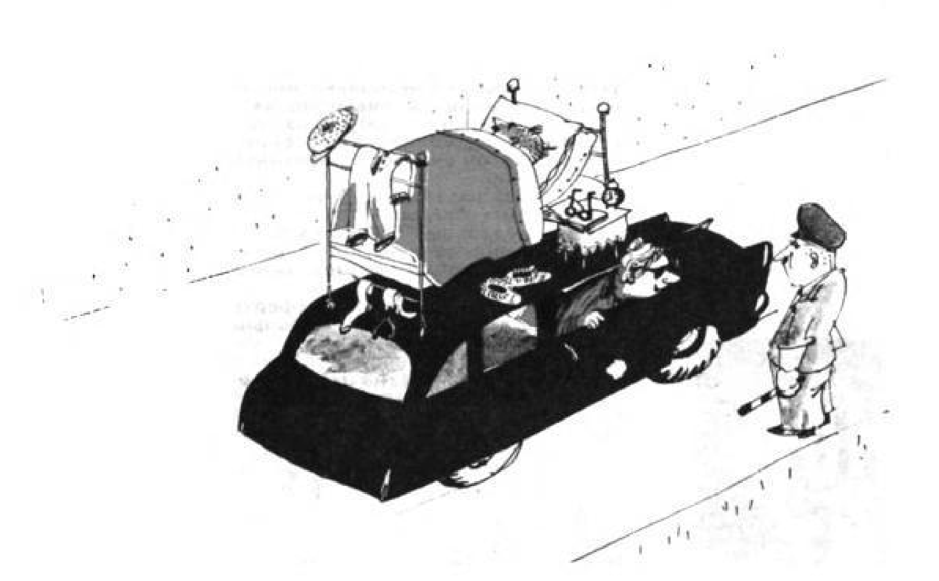

Без слов.

Рисунок В. Тамаева.

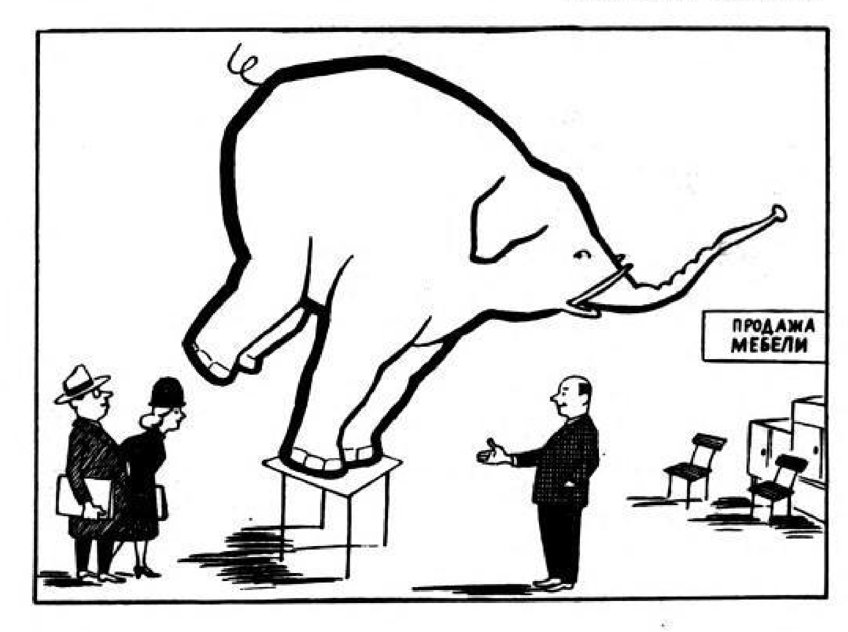
— Обычно после обеда веду машину я, а мой муж отдыхает.

Рисунок В. Воеводина.

— Как видите, мебель прочная.

Рисунок М. Барыбина.

Борис ЕГОРОВ

Поначалу у нас все было, как у людей.

Когда на этажах нашего конструкторского бюро звучал сигнал на обед, мы поднимались со своих мест и шли в столовую.

Здесь к нашему приходу все уже было готово: на столах — хлеб, вилки-ложки, карточки меню и даже цветы в вазочках.

Милые, человеколюбивые официантки любезно принимали заказы и вскоре приносили нам салаты, борщи, бифштексы, компоты и счета на расплату.

Каждая из них работала под девизом: «Я должна обслужить посетителей на «отлично»!»

Правда, иногда некоторые задержки у них возникали. Они доставляли бифштексы или компоты на несколько минут позже, чем следовало бы. Но мы не роптали. Мы нюхали цветочки, и время, проведенное за столом, было нашим отдыхом.

Естественно, после такого отдыха мы трудились, не жалея калорий.

Но однажды председатель нашего месткома Николай Працуев, человек очень энергичный, передовой, горячий любитель радикальных перемен, с большим душевным огорчением сказал на собрании:

— Наша столовая плетется в хвосте. Мы отстаем. Мы в прошлом веке. Надо поставить дело питания на современный лад. Другие перешли на самообслуживание, а мы...

Вскоре перешли и мы.

Официанток уволили.

Над входом повесили лозунг: «Каждый должен обслужить себя на «отлично».

Видимо, ожидалось, что некоторые несознательные люди захотят обслужить себя на «хорошо».

Новый метод питания внес в нашу жизнь большое оживление.

Как только раздавался сигнал на обеденный перерыв, лестницы сотрясались от гула и топота.

Мы торопились к кассе выбивать чеки. У кассы мгновенно выстраивалась длиннющая очередь. Потом очередь выстраивалась к большому цинковому ящику — за вилками-ложками, потом — за подносами, далее — на раздачу.

В отсталые, прошлые времена мы, чувствуя себя на высоте положения, могли сказать официантке: «Вы нас плохо обслуживаете, мы будем жаловаться». Теперь самообслуживание. Жаловаться не на кого, разве только на себя!

Стоишь минут двадцать — тридцать со своим подносом и, глядя в сторону раздачи голодными, печальными, как у собаки, глазами, занимаешься самокритикой: «И что я, идиот, ждал звонка на обед? Надо было сорваться на несколько минут раньше».

А очередь движется медленно. Особенно если впереди капризные попадутся.

— Товарищ, я же сказала вам, что пюре кончилось. Подождите десять минут.

— Я не могу ждать. Может, что взамен...

— Есть рис, но мы его даем только к «люля».

— Ну, давайте «люля».

— Добейте семнадцать копеек.

— Вы дайте, а я добью.

— Нет, вы добейте...

— Я же очередь потеряю...

— Товарищ, не лезьте вы со своим подносом. Проходите.

И товарищ, втянув голову в плечи, покорно проходит.

Потом он будет доказывать у кассы, что он не лезет за чеком без очереди, что ему нужно добить семнадцать копеек. Потом он все-таки получит «люля» и сядет за стол.

Цветов на столе, конечно, нет: самообслуживание. Если хочешь, чтобы были цветы, приноси их с собой.

Да и не только цветы приносить надо. Не хватает, например, ножей. Раньше нож давали каждому. После того, как официантки были уволены и за залом стало некому приглядывать, говорят, что ножи стали воровать. Не вилки, не ложки, не перечницы, а именно ножи. Чтобы пресечь воровство, администрация попросту припрятала это холодное и тупое оружие.

Но ведь но всему приспосабливается человек, и мы тоже приспособились.

Пять-шесть конструкторских досок объединяются в одну «столующуюся бригаду»:

— Ты, Петя, за три минуты до звонка бежишь к кассе. Я занимаю очередь на раздаче. Алевтина Фердинандовна обеспечивает ложки и вилки, Федя — подносы, для скоро-

Без слов.
Рисунок П. Гейвандова

— Ну, а кроме бокса, вы еще хоть чем-нибудь интересуетесь?
— Конечно! Борьбой!

Рисунок В. Шкарбана, Н. Станиловского.

сти выбиваем всем одно и то же: щи и гуляш...

Но возникло еще, как говорится, одно узкое место. Никто не убирал со столов, и потому не хватало тарелок.

— Товарищи, мы уже два месяца едим по-новому,— говорил на очередном собрании Николай Працуев.— За это время мы значительно продвинулись вперед. Но есть, конечно, и отдельные недоработки: уборка столов... Давайте, товарищи, сами... Это будет новая инициатива.

В переднем ряду раздались аплодисменты: там сидели работники столовой.

Совершенствование самообслуживания продолжалось.

Вскоре мы выступили с инициативой: «Самим мыть посуду». Вслед за тем последовала еще одна: «Самим, надев белый колпак, стать к плите. Для этого каждый день освобождать несколько человек от работы и посылать их на кухню». Но и на этом мы не остановились: «Самим привозить с базы продукты», «Самим стоять на раздаче»...

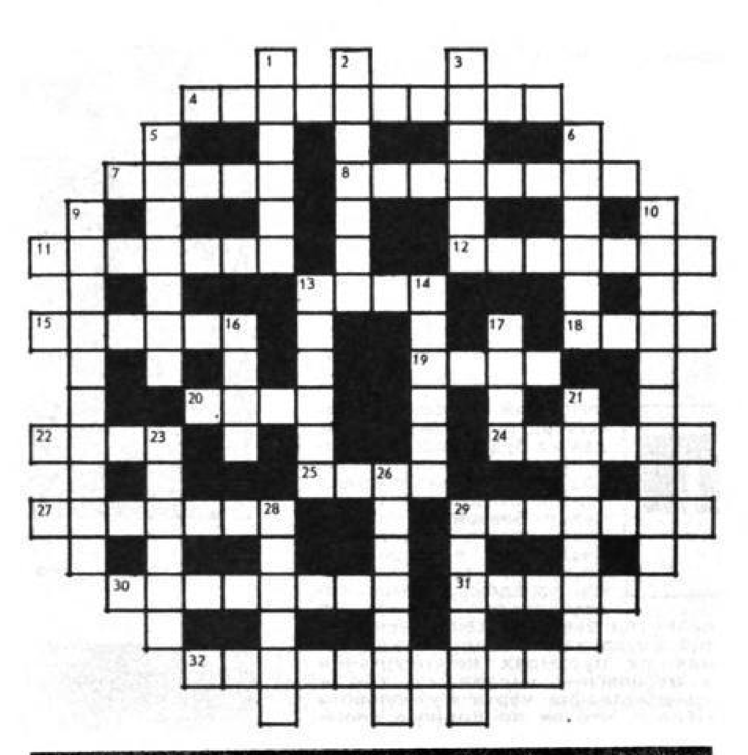
Работникам кухни стало делать совсем нечего.

Шеф-повар лениво чесал в затылке и приговаривал:

— Щи варите? Ну, варите, варите. Кому это надо, мне, что ли?

И тут с новой блестящей инициативой выступил я. Я сказал:

— Поскольку работники кухни остались без дела, предлагаю: пусть они садятся за наши чертежные доски, а мы, конструкторы, целиком займемся кухней. Мы их как-нибудь накормим!

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Город в Чехословакии. 7. Сооружение над шахтой. 8. Русский военный летчик. 11. Советский драматург. 12. Однородная смесь различных веществ. 13. Сосуд для фруктов, цветов. 15. Разряд атмосферного электричества. 18. Озеро в Италии. 19. Жилище для пчел. 20. Торжественная песня. 22. Двуглавая гора на Кавказе. 24. Персонаж пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня». 25. Овощное растение. 27. Вечнозеленое хвойное дерево. 29. Дневная бабочка. 30. Химический элемент. 31. Подвесное ложе. 32. Птица семейства утиных.

По вертикали:

1. Английский писатель. 2. Раздел кибернетики. 3. Французский биолог XIX века. 5. Непряденая нить. 6. Холодное оружие. 9. Съедобный гриб. 10. Советский математик, академик. 13. Автор оперы «Летучий голландец». 14. Курорт в Крыму. 16. Небольшая шлюпка. 17. Спутник Сатурна. 21. Ряды полок. 23. Порт в Марокко. 26. Грузинский струнный инструмент. 28. Трап. 29. Приток Амура.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

По горизонтали:

5. Камчатка. 7. Турухтан. 8. «Порожняки». 9. Анод. 11. Клен. 12. Афоризм. 14. Неодим. 15. Прилив. 16. Чкалов. 17. Минкус. 21. Арабика. 22. «Ваня». 23. Ялта. 24. Коробочка. 26. Экология. 27. Астангов.

По вертикали:

1. Лафонтен. 2. Карп. 3. «Гуси». 4. Панферов. 6. Аносов. 7. Тенгиз. 10. Декорация. 11. Коллекция. 12. Аризона. 13. Маркиза. 16. Чапаевка. 18. Святогор. 19. Васоля. 20. «Симона». 24. Крон. 25. Агат.

На первой странице обложки: Тамара Юшкова и Люба Матрехина живут в Ловозере. Они активные участницы саамского народного хора.

На последней странице обложки: Мурманский порт (вверху). На улице Ловозера.

Фото Н. Козловского.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Репортажа и новостей—Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Очерка — Д 0-15-33; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 0-14-70; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00089. Сдано в набор 24/IV-68 г. Подписано к печ. 14/V-68 г. Формат бумаги 70×108⅛. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 000 000 экз. Изд. № 842. Заказ № 1284.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Фото А. БОЧИНИНА.

Михаил Бутусов. Говорят, ломались стойки ворот от его пушечных ударов!

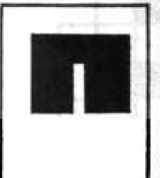
Федор Селин. Его называли «королем воздуха» за изумительную способность владеть мячом на «втором этаже».

Григорий Федотов. Неповторимое его мастерство стало легендой.

Футбол с нами!

Почтенный виновник торжества в дни этого юбилея не будет восседать во главе праздничного стола. На футбольных полях страны отметят день рождения боевой и напористой игры в России бесчисленные вратари, защитники, полузащитники, нападающие. Они, сегодняшние, годятся в правнуки тем, кто семь десятилетий назад начал гонять кожаный мяч на пустырях петербургских и московских окраин. Но тем и примечательна черта футбольного юбилея, что он по природе своей чужд грузу прошедших лет, что едины во времени возрастные приметы правнуков и прадедов, тождественны задор, здоровье, молодость.

За эти 70 лет, оставаясь молодым, наш футбол возмужал, раздался в плечах. Невозможно, конечно, представить себе матч петербургского «Спорта» или «Меркура» с любой из команд нынешнего чемпионата. Однако без игры петербуржцев братьев Филлиповых, М. Бутусова, П. Батырева или москвичей Н. Денисова, В. Житарева не было бы нашего сегодняшнего футбола, признанного всем миром.

Все началось с упорнейшего футбольного соперничества Петербурга с Москвой. Побеждали до самого 1917-го петербуржцы. Они же выиграли первый в истории нашего футбола чемпионат России 1912 года.

Ширилась футбольная география: Украина, Сибирь, Закавказье, Дальний Восток... Тесны стали рамки так называемых лиговых команд. Футбол-демократ все делал своими крепкими руками: расчищал площадки, мастерил скамейки для зрителей, в складчину покупал мячи и прочее футбольное снаряжение. Внелиговые команды называли «дикими». Вот этим «диким» командам рабочих окраин обязан очень многим наш советский футбол в первые его годы. Из них пришли в сборную молодой республики знаменитый Федор Селин, Николай Соколов, Петр Исаков, Павел Канунников...

Закончилась гражданская война, окрепла страна. Футбол стал любимой, всеми признанной игрой. И вот уж проходят первые всесоюзные чемпионаты, первые международные встречи — с командами Швеции, Норвегии, Турции.

Памятный 1936 год. Первые клубные чемпионаты страны, первые розыгрыши Кубка Советского Союза. Как много ярких событий подсказывает память! Соперничество московских команд «Динамо» и ЦДКА, «Спартака» и «Торпедо», мощное наступление киевлян и тбилисцев...

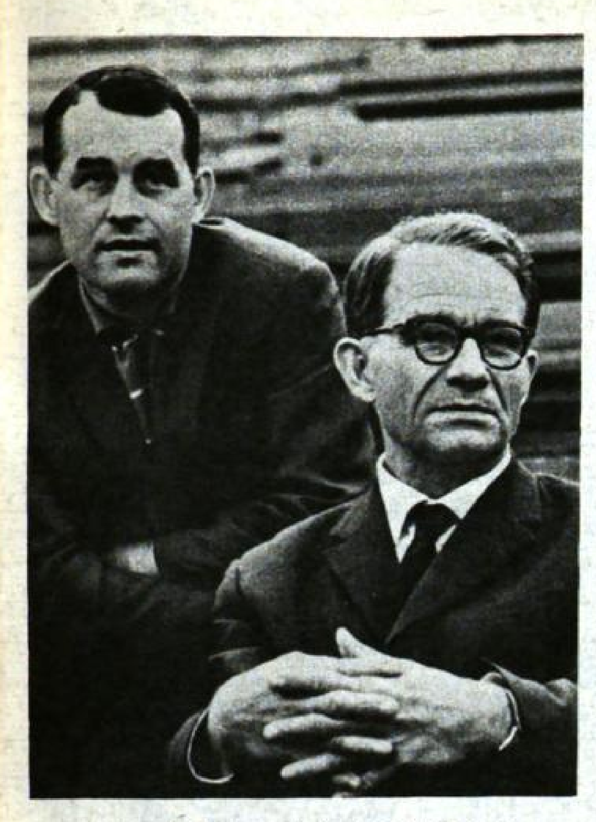
Дела международные. Помните репортажи Вадима Синявского из Англии, где в первый послевоенный год выступало полпредом советского футбола московское «Динамо»? Помните Олимпийские игры в Мельбурне и нашего капитана Игоря Нетто на самой верхней ступени пьедестала почета? Помните Париж, победу в розыгрыше Кубка Европы? Помните, наконец, Лондон, последний по времени чемпионат мира и место сборной СССР в четверке сильнейших?

Много радостей доставил нам юбиляр, есть и огорчения, и немалые. Но главное — футбол живет, преодолевает трудности, и как бы ни завершился для нас новый сезон (соперники ведь тоже растут!), мы знаем: футбол всегда будет с нами.

М. АЛЕКСАНДРОВ

Совсем недавнее. Май, 1968 год. Играют сборные команды СССР и Венгрии. 3 : 0 — таков результат встречи!

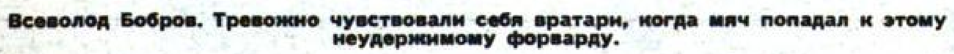

Николай Старостин и Сергей Сальников (слева) — живая преемственность футбольных поколений.

Борис Аркадьев. С именем этого известного тренера связаны блестящие победы московских армейцев в послевоенные годы.

Лев Яшин. Как говорят, комментарии излишни. Сильнейший вратарь мира — этим все сказано.

Всеволод Бобров. Тревожно чувствовали себя вратари, когда мяч попадал к этому неудержимому форварду.

Юная смена...

